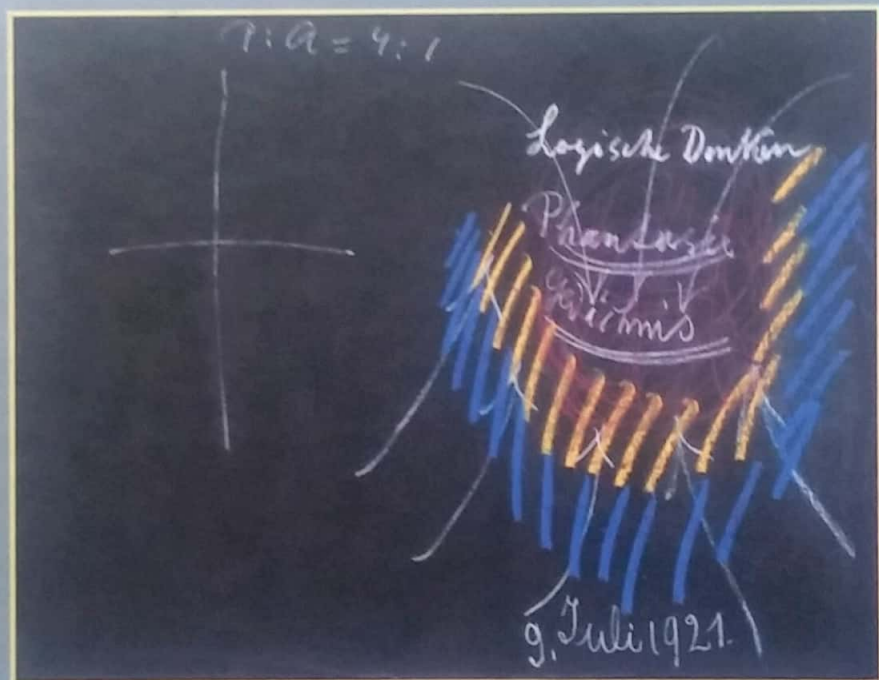

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Формирование
самосознания, психики
и организма человека

Rudolf Steiner

***Der Mensch als leiblich-
seelische Wesenheit
im seinem Verhältnis
zur Welt und Vorsehung***

*Dreizehn Vorträge, gehalten in Stuttgart, Bern
und Dornach vom 16 Juni bis 17 Juli 1921*

1987
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH/SCHWEIZ

РУДОЛЬФ
ШТАЙНЕР

***Формирование
самосознания, психики
и организма человека***

*Одиннадцать лекций, прочитанных в Дорнахе
с 24 июня по 17 июля 1921 года*

Библ. № 205
Перевод с немецкого С. Шнитцера

*На обложке воспроизведены рисунки,
сделанные Рудольфом Штайнером на доске во время лекций*

«Лонгин»
Ереван · 2013

УДК 141.333
ББК 87
Ш-871

Штайнер, Рудольф

Формирование самосознания, психики и организма человека / Пер. с нем. С. Шнитцера. — Ереван : Лонгин, 2013. — 256 с.

В данном цикле лекций Рудольф Штайнер с необычной стороны освещает связь человека как существа, обладающего духом, душой и телом, с окружающими мирами.

Рассматривая формирование тела человека в ходе эволюции, автор показывает, как человек от инкарнации к инкарнации обретает самосознание и свободное мышление, и указывает какие отклонения от нормы во внутренних органах приводят к изменениям и деформации психики.

Вопросы дуализма мышления и воли, особенностей памяти, а также способности к любви автор рассматривает в связи с воздействием духовно-космических сил.

Книга будет интересна не только интересующимся творчеством Р. Штайнера, но и педагогам и медицинским работникам.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

Перевод выполнен по: Rudolf Steiner,
Der Mensch als leiblich-seelische Wesenheit im seinem Verhältnis zur Welt und Vorsehung

Rudolf Steiner Verlag, Dornach (Schweiz), 1987.
(Rudolf Steiner Gesamtausgabe, v. 205).

Публикация данного перевода согласована
с Управлением наследием Рудольфа Штайнера
(Rudolf Steiner-Nachlaßverwaltung)

© Rudolf Steiner Nachlaßverwaltung, 1987
ISBN 978-9939-835-09-9 © Лонгин Гратаракчутюн, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

- Первая лекция. *Дорнах, 24 июня 1921 г.* 7
Закономерности земного и космического миров, мировой души и мирового духа; минеральный, растительный и животный миры; мир человека. Древние греки и стихия воды.
- Вторая лекция. *Дорнах, 26 июня 1921 г.* 28
Человек и элементы.
- Третья лекция. *Дорнах, 1 июля 1921 г.* 45
Галлюцинации, фантазии и имагинации.
- Четвертая лекция. *Дорнах, 2 июля 1921 г.* 65
Духовное познание внутренних органов человека и перенос действия их сил в следующую инкарнацию. Память, навязчивые идеи, буйное помешательство, галлюцинации. Рациональная терапия. Закон сохранения энергии.
- Пятая лекция. *Дорнах, 3 июля 1921 г.* 90
Жизнь между смертью и новым рождением. Судьбы и умозаключения. Человек как сумма вос-

поминаний и способности к любви; воздействие на людей Люцифера и Аримана.	
Шестая лекция. <i>Дорнах, 8 июля 1921 г.</i>	116
Человек как мыслящее существо.	
Седьмая лекция. <i>Дорнах, 9 июля 1921 г.</i>	138
Волевая система человека; ритмические системы дыхания и кровообращения. Горизонтальное и вертикальное положения позвоночника. Зодиакальные силы и формирование тела и души.	
Восьмая лекция. <i>Дорнах, 10 июля 1921 г.</i>	159
Майя и бытие.	
Девятая лекция. <i>Дорнах, 15 июля 1921 г.</i>	186
Мысль, чувство, воля. Эпическая поэма «Муспилли». Ормузд, Ариман, Люцифер, Христос.	
Десятая лекция. <i>Дорнах, 16 июля 1921 г.</i>	210
Племя птиц, млекопитающие и трехчленный человек.	
Одиннадцатая лекция. <i>Дорнах, 17 июля 1921 г.</i>	233
Физическое, эфирное, астральное тела и «Я» человека. Связь с духовными Иерархиями. Разрушение этой связи материализмом. Царство Аримана и ложь.	

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 24 июля 1921 г.¹

По завершении предпринятых нами здесь исторических изысканий² мы обратимся сегодня к проблемам современного человека, что даст нам возможность в ближайшие дни подробнее исследовать его место в историческом развитии. Нам не следует упускать из виду, что человек в качестве духовного, душевного и телесного существа вписан в окружающий мир тремя различными способами. Это вытекает даже из чисто внешнего рассмотрения человека. Дух человека независим от внешних явлений, а его душа уже не столь независима от них. Достаточно только вникнуть в банальные жизненные явления, как обнаружатся определенные взаимосвязи душевной жизни и внешнего мира. Человек может быть душевно подавлен или может находиться в при-

¹ Лекции, прочитанные отдельно 16 июня 1921 г. (Штутгарт) и 28 июня 1921 г. (Берн), в настоящем издании в целях соблюдения общей композиции цикла лекций опущены. — *Примеч. пер.*

² См. предыдущий цикл лекций в: ПСС. Т. 204.

поднятом настроении. Припомните только, как часто сон приносит вам чувство разбитости, которое вы, пробудившись, относите к нарушению ритма дыхания. Это достаточно грубое явление, но душевная жизнь как раз и протекает в рамках подобных взаимосвязей с ритмической жизнью нашего организма — нашего дыхательного ритма, ритма циркуляции крови — и внешней ритмической жизни всего космоса. Все происходящее в душе связано с мировым ритмом. Таким образом, ощущая себя духовным существом, в высшей степени независимым от окружающего мира, мы не испытываем того же в отношении нашей душевной жизни, ибо она в целом подчинена всеобщему мировому ритму.

В еще большей мере мы связаны с общезначимыми мировыми явлениями в качестве телесных существ. И опять-таки достаточно для начала обратиться к грубым внешним феноменам. Как телесное существо человек обладает весом. Другие, чисто минеральные, существа также обладают весом. Минеральное существо, растительное существо, животное и человек — все они в качестве телесных существ подчиняются закону тяготения, и мы вынуждены определенным образом преодолевать этот закон всеобщего тяготения, если нашему телу предназначено быть орудием духовной жизни. Мы уже часто упоминали о том, что если бы наш физический мозг всей своей тяжестью (1300 — 1500 граммов) давил на лежащие под ним кровеносные сосуды, то они были бы раздавлены. Но поскольку физический мозг погружен в мозговую жидкость, он подчи-

няется так называемому принципу Архимеда. В результате он настолько теряет в весе, что весит всего лишь 20 граммов — иными словами, давит на кровеносные сосуды весом всего лишь в 20 граммов. Отсюда следует, что вес мозга как сила скорее направлен вверх, чем вниз. Он противоборствует силе тяжести, он вырывается из всеобщего закона тяготения. Однако при этом не происходит ничего такого, чего не происходило бы с любым телом, погруженным в воду, которое теряет в своем весе ровно столько, сколько весит вытесненная им вода.

Таким образом, наблюдается взаимообмен всего нашего телесного существа с окружающим миром. Значит, мы не только вписаны своей душевной жизнью в определенный ритм, но и целиком погружены во внешнюю физическую жизнь. Стоя на каком-нибудь месте, мы оказываем на него давление, а сделав шаг в сторону, оказываем давление уже на другое место. Выходит, в качестве телесных существ мы такие же физические существа, как и прочие физические представители царств природы.

Стало быть, в качестве духовного существа мы до известной степени независимы от окружающего мира; своим душевным существом мы вписаны в ритм мира; что же касается нашего телесного существа, то мы вписаны им в остальной мир так, как если бы не являлись душой и духом. Этого различия ни в коем случае нельзя упускать из виду, иначе нам не удастся приблизиться и к пониманию высшего существа человека. Обратимся теперь к миру, окружающему человека. Первым

бросается в глаза то, что в окружающем нас мире все подчинено законам природы (я сейчас обобщаю многое из того, что мы уже обсуждали на протяжении нескольких месяцев). Представьте себе вселенную, подчиненную природным законам, когда весь видимый мир (вернее, мир, доступный сенсорному восприятию) руководствуется ими одними. Прием такой мир в качестве первичного окружения человека.

Простейшее соображение показывает, что в приведенном случае мы имеем дело с сугубо земным миром. И только безрассудные и ничем не подтвержденные гипотезы наших физиков распространяют наблюдаемые на Земле природные закономерности на весь внеземной космос. Я уже не раз говорил о том, как были бы поражены эти физики, если бы им удалось переместиться в то место, где расположено наше Солнце. Ведь физик усматривает в Солнце что-то вроде огромной газовой печи, только без стенок — некий сгусток пылающего газа. Но именно такого пылающего газа там не найти. В этом месте находится нечто, сильно противоречащее представлениям физиков. Если вот это (рисует на доске) — пространство, занимаемое Солнцем, то тут отсутствует какая-либо земная материя, — здесь только то, что можно назвать пустым пространством. Представьте себе пространство заполненное: живя на Земле, вы постоянно окружены заполненным пространством. Даже там, где отсутствуют твердые или жидкие субстанции, обязательно имеется воздух или, по крайней мере, тепло, свет и так далее. Короче говоря, мы постоянно имеем дело с запол-

ненным пространством. Но вы знаете также, что можно создать до известной степени пустое пространство, если насосом откачать из контейнера воздух.

Теперь представим себе заполненное пространство и обозначим его буквой «А» со знаком плюс. Мы можем делать это пространство все более пустым; но поскольку оно все еще остается заполненным, мы продолжаем обозначать его знаком плюс. И хотя в земных условиях полный вакуум недостижим, мы все же можем его представить. Вакуум, собственно, и является ничем не заполненным пространством. Я мог бы его обозначить нулем, ибо оно теперь не содержит в себе ничего. Однако в отношении пространства можно проделать то, что иногда проделывают с кошельком. Когда ваш кошелек полон, вы можете вынимать из него деньги снова и снова, пока однажды он не окажется пуст: его содержимое равно нулю. И если вы захотите продолжать тратить деньги, то не сможете этого сделать, так как кошелек пуст; но вы можете брать деньги в долг. В конечном счете в вашем кошельке, можно сказать, будет меньше нуля. Равным образом вы можете помыслить пространство не просто пустым, но, если можно так выразиться, всасывающим, ибо его содержание стало меньше нуля. Такое пространство обозначим буквой «А», но уже со знаком минус. Из этого всасывающего пространства (пространства, которое не просто не заполнено, но содержание которого представляет собой полную противоположность материальной заполненности) как раз удалено то, что принято представлять в качестве материи Солнца. Итак, Солнце всасывает,

а не оказывает давления, как газ. Оно наполнено негативной материей.

Приведу вам только один пример того, что невозможно так просто переносить земные закономерности на внеземной космос, где господствуют совершенно другие взаимосвязи по сравнению с нашим земным окружением. Ведь наипервейшей особенностью земных закономерностей является то, что им подчиняется окружающий нас материальный мир. Достаточно только принять во внимание процессы, происходящие в минеральном мире, и нам предстанет то, что целиком и полностью погружено в эти закономерности земного существования. Итак, этим закономерностям в первую очередь подчиняется минеральный мир, но не он один. Ведь когда мы передвигаемся или переносим какие-нибудь предметы, мы сами подчинены тем же самым закономерностям. Для господствующих на Земле закономерностей нет разницы между движением камня, переносимым кем-то на другое место, и свободным передвижением человека: учитывается только изменившееся местоположение, хотя в случае человека оно обусловлено его свобод-

ной волей. А это затрагивает уже другие взаимосвязи. Однако если оставаться сугубо в пределах чисто земных закономерностей, то происходящее в душе человека выходит за рамки рассмотрения, — тут принимается во внимание только факт изменившегося местоположения некоего объекта.

Таким образом, к минеральному миру надо присовокупить и движущегося человека, причем его движение наблюдается с внешней точки зрения (см. сводную таблицу на с. 20). Внешний мир относится к земному человеку, объекту нашего сенсорного восприятия, только как к некоему внешне движущемуся предмету, и никак иначе. Если же мы собираемся поискать другой подход к человеку, нам придется при этом опереться на что-то другое. И тогда мы обращаемся к нашему внеземному окружению — например, к воздействию Луны.² Ведь влияние Луны на Землю по меньшей мере присутствует в головах многих людей. Круг людей, убежденных в таком влиянии Луны на Землю, (убежденных, например, во взаимосвязи фаз Луны с периодичностью выпадения осадков), достаточно широк. С позиции современных ученых это, конечно, суеверие. Мне доводилось уже рассказывать некоторым из вас об одном забавном происшествии, случившемся некогда в Лейпциге.

Весьма занятный натурфилософ и эстет — Густав Теодор Фехнер — даже написал целую книгу о влиянии Луны на перемену погоды¹. Его университетским коллегой был знаменитый ботаник и есте-

¹ Имеется в виду книга Густава Теодора Фехнера «Профессор Шлейден и Луна» (Лейпциг, 1856).

ствоиспытатель Шлейден. Само собой, в качестве передового материалиста Шлейден ни на секунду не сомневался, что убеждения Фехнера о влиянии лунных фаз покоятся на чистой суеверии. Но оба лейпцигских профессора дружили домами и, надо еще сказать, в те патриархальные времена в Лейпциге было принято собирать в бочки дождевую воду для стирки белья. И вот жены обоих профессоров подключились к спору своих мужей: жена профессора Фехнера была сторонницей взглядов своего мужа о влиянии фаз Луны на погоду, а госпожа Шлейден, разумеется, поддерживала своего супруга. И тогда они решили на практике проверить рекомендации своих мужей. Однако оказалось: хотя профессор Шлейден и считал взгляды профессора Фехнера крайним суеверием, госпожа Шлейден все же предпочла выставлять свои бочки для сбора дождевой воды в точном соответствии с рекомендациями профессора Фехнера.

Еще менее очевидно для современного научного сознания влияние сил других планетарных тел нашей Солнечной системы. И тем не менее, если тщательнее изучить, например, линию, образующую на стебле растения основания веточек с листьями (такие изыскания будут проведены в нашем научном Институте физиологии в Лейпциге), то обнаружится, что каждая отдельно взятая линия следует за движением определенной планеты и представляет собой как бы траекторию этой планеты в миниатюре. Наука откроет, что многое на поверхности Земли можно познать только с учетом воздействия внеземного фактора и что результаты этого воздействия невозможно свести исключи-

тельно к земным влияниям. Тогда и многие ученые будут вынуждены признать наличие закономерности космической, а не одних только теллурических, то есть земных, законов природы.

Итак, перед нами вторая закономерность — на этот раз в пределах космического бытия. И если изучать эти космические влияния (а это возможно изучать, применяя совершенно эмпирический подход к исследованию), то мы впервые получим подлинную ботанику. Ибо растительный покров Земли — совсем не то, что мнится материалистической ботанике: он извлекается из недр Земли космическими силами. А извлеченное таким образом пропитывается минеральными силами, которые как бы пронизывают космический остов растения и делают его доступным зрительному восприятию. Итак, в эту космическую закономерность, во-первых, вовлечен растительный мир, а во-вторых, — то, что не так просто констатировать,

как в случае растительного мира, ибо оно обладает определенной самостоятельностью и независимостью от ритмов внешних природных процессов, однако внутренним образом моделирует сходный с ними собственный ритм: в эту космическую закономерность входит все то, что представляют собой внутренние движения человека (они тоже сугубо физического рода, однако внутренней природы). Значит, к земной закономерности надо в первую очередь отнести внешнюю двигательную активность человека. Однако если учесть движение питательных веществ в наших органах пищеварения, движение крови в кровеносных сосудах (не ритм пульсации крови, а именно ее продвижение по кровеносным сосудам), учесть то, что в организме человека существует многое другое находящееся в динамическом состоянии, — мы получим картину движения, происходящего внутри человека, независимо от того, стоит он на месте или куда-то перемещается. Эта внутренняя динамика не может быть без ущерба втиснута в рамки первой закономерности, равно как и меняющаяся с ростом форма и внутренняя динамика растений, — только метаморфоза внешних форм и внутренняя динамика движений у человека происходит медленнее, чем у растений. Итак, во-вторых, внутренние движения человека вписаны в закономерности космического бытия (см. сводную таблицу на с. 20).

Весь космос — до самых отдаленных сфер — оказывает такого рода влияние на жизнь, развивающуюся на поверхности Земли. Однако если бы существовали только эти две закономерности, —

земная закономерность и закономерность космическая в указанном здесь смысле, — то на Земле не могло бы существовать ничего, кроме минерального и растительного мира, и, естественно, не мог бы существовать и сам человек. Возникнув при таких условиях, он смог бы двигаться внешним образом, а также производить внутренние движения, но, разумеется, это еще не означает, что это был бы человек. И животных не могло бы существовать на Земле — реально могли бы существовать только минералы и растения. Космическая закономерность и космическое бытие сначала должны быть пропитаны и структурированы чем-то, что вообще невозможно причислить к пространству, — чем-то таким, что даже и речи не может быть о пространственных отношениях.

Разумеется, все, относящееся к первому и второму пункту, надо представлять себе происходящим в пространстве, но можно говорить и о чем-то таком, что следует помыслить находящимся вне пространства и все же проникающим собой все космические закономерности. Достаточно только подумать о связи между внутренними движениями человека и определенным ритмом. Ведь движение питательных веществ в нашем организме неким образом связано с кровообращением. Но само кровообращение — это же не просто доставка питательных соков по кровеносным артериям. Движение крови подчинено определенному ритму, и, кроме того, этот ритм, в свою очередь, соотнесен с ритмом дыхательного процесса, при котором кислород употребляется для регенерации крови. Жизнь нашего организма зависит от этого двой-

Ритм
4:1
Форм. ритма
↓
Ритмичность
Семантика
3)

ственного ритма. Мне уже доводилось указывать на то, как соотношение ритмов крови и дыхания (в пропорции четыре к одному), отраженное в нашем душевном строе, обуславливает, в частности, «стихийный» выбор стихотворного размера в процессе стихосложения.

Таким образом, мы видим, что внутренние движения человека связаны с ритмом, причем этот ритм соотносится с его душевной жизнью. Равным образом мы должны соотнести движение звезд с мировой душой. И здесь можно говорить о третьей закономерности — на сей раз в пределах мировой души (см. сводную таблицу на с. 20). К ней мы относим мир животных, а также все то, чем в первую очередь на телесном уровне являются ритмические процессы в организме человека. Ведь эти процессы связаны со всеобщим мировым ритмом. Хотя и об этом нам уже случалось говорить, придется сейчас снова этого коснуться ввиду продолжения начатых нами изысканий.

Как известно, человек производит в среднем 18 вдохов-выдохов в минуту. Умножьте это число на 60, и вы получите количество дыхательных циклов в час. Умножив это число на 24, получим количество таких циклов в течение суток: для среднего человека оно составляет 25920 — результат дневного и ночного дыхательного ритма. Как известно, точка восхождения Солнца в день весеннего равноденствия на фоне созвездий звездного неба с каждым годом слегка смещается назад. И период времени, необходимый для того, чтобы эта точка весеннего восхождения, двигаясь вспять, обошла весь круг и снова вернулась на прежнее место, составляет

25920 лет. Таков основополагающий ритм нашей Вселенной, а наш суточный дыхательный ритм представляет собой его миниатюрное отображение. Значит, своим дыхательным ритмом мы вписаны в мировой ритм: наш душевный строй отображает закономерности мировой души.

Четвертым пунктом идет закономерность, лежащая, как и три предыдущие, в основе всего мироздания; мы воспринимаем ее, только ощущая свое «Я» как духовное начало человека. В этом случае мы должны отчетливо сознавать: современный интеллектуализм, сделавшийся центральной духовной силой нашей культуры, способен схватить далеко не все; нашему духу, находящемуся на вполне определенной ступени развития, открыто пока что немного. Но уже из самоопределения духа следует, что для развивающегося духа не существует никаких границ. Вселенная — это арена развития мысли, чувства и воли. И мы, носители духа, причастны к проявлению четвертой закономерности, проявлению мирового духа.

И только теперь мы можем реально подступить к существу человека, ибо за пределами этих закономерностей он не мог бы существовать. Только теперь мы постигаем устройство человека — в частности, предназначение его нервно-сенсорного аппарата, основного физического носителя его духовной жизни, то есть нервно-сенсорных процессов. Ведь только применительно к человеку в первую очередь принимается во внимание его голова — носитель преимущественно нервно-сенсорных процессов, а значит, она и является приоритетным органом. Человек потому и является

человеком, что обладает головой — высшим выражением своего человеческого существа.

Закономерности в пределах земного бытия охватывают:

1. Минеральный мир
2. Внешние движения человека

Закономерности в пределах космического бытия охватывают:

1. Растительный мир
2. Внутренние движения человека

Закономерности в рамках мировой души охватывают:

1. Животный мир
2. Ритмические процессы в человеке

Закономерности в рамках мирового духа охватывают:

1. Человек
2. Нервно-сенсорные процессы в человеке

Стало быть, человек предстает перед нами двояким образом: мы видим картину (и это как бы итог обсуждавшегося нами в последние недели) взаимосвязей человека с окружающим миром, причем не только пространственным (к нему относятся лишь закономерности первых двух пунктов нашей сводной таблицы), но и внепространственным (к нему относятся два последних пункта таблицы). Современному человеку особенно трудно бывает представить себе существование чего-то за пределами пространства — разговор о внепространственных реалиях представляется ему полной бессмыслицей. Но без них невозможно прийти к духовной науке.

Недавно мне довелось указать вам на мировоззрение древних греков, дабы подчеркнуть разницу между древними и современными взглядами на мир¹. Сегодня мы обсуждали картину мира, пригодную для современного человека: она вполне приемлема для человека, не увязнувшего в трясине современной науки и способного к непредвзятому осмыслению мира.

Теперь мне хотелось бы добавить кое-что к ранее сказанному относительно греческих воззрений, дабы увязать это с данной схемой. Образованный человек сразу скажет: «Пространственный мир состоит из приблизительно семидесяти химических элементов, обладающих разным атомным весом, и эти элементы можно синтезировать, анализировать и так далее. И все происходящее в мире связано с химическим взаимодействием этих элементов. Их, конечно же, можно свести к чему-то первоначальному, но в данный момент это нас мало заботит». В расхожей современной науке как раз и манипулируют этими семьдесятю с чем-то элементами.

Разумеется, грек в своем нынешнем воплощении станет мыслить точно так же, но, если древнего грека удалось каким-то образом перенести в нашу современность, он сказал бы: «Эти семьдесят элементов — конечно, прекрасно, но с ними далеко не уйдешь, они ничего не говорят нам об устройстве мира. В свое время мы думали о мире совершенно иначе. Мы считали, что мир состоит из огня, воздуха, воды и земли».

¹ См. лекцию от 5 июня 1921 г. в: ПСС. Т. 204.

Современный человек возразил бы ему: «Это ребяческий подход. Мы давно переросли его. Мы ведь признаем существование так называемых агрегатных состояний: воздух — это газообразное агрегатное состояние, вода — жидкое агрегатное состояние, а земля — твердое агрегатное состояние. Что касается тепла, то здесь мы вообще расходимся с тобой в оценке. Мы отбросили эти ребяческие представления. По-нашему, мир построен из этих семидесяти с чем-то элементов».

Однако грек бы ответил: «Прекрасно, только огонь, или теплота, воздух, вода, земля для нас что-то принципиально иное. И ты понятия не имеешь о том, что мы под этим подразумеваем». Такие претензии могли бы уязвить современного ученого, уверенного, что перед ним представитель культуры, застывшей на детском уровне развития. Но грек легко уловил бы происходящее в голове ученого и не стал бы отступать; наоборот, он бы ответил: «Видишь ли, все твои семьдесят два химических элемента мы относим к стихии земли; прекрасно, что ты ее так детализировал, но те свойства, которые ты приписываешь твоим элементам, относятся к стихии земли. Ты ничего не понимаешь в стихиях воды, воздуха и огня — о них тебе ничего не известно».

Как видите, я выбрал не столь уж отдаленную восточную культуру — привел в качестве образца просвещенного грека, который продолжил бы свою речь так: «Все, что ты знаешь о тех семидесяти двух элементах, а также их химическом взаимодействии — прекрасно, только к чему все это, по твоему мнению, относится? Все это без исклю-

чения относится к физическому человеку, когда он умер и лежит в могиле. Тогда материя его тела, весь его телесный состав подвержены тем процессам, которые ты изучаешь при помощи своей физики и химии. Все структурные взаимосвязи изученных тобою семидесяти с лишним элементов не имеют отношения к живому человеку. Ты ничего о нем не знаешь, поскольку ничего не понимаешь в стихиях воды, воздуха и огня, а без этого ничего невозможно узнать о живом человеке. Твоя химия позволяет тебе только кое-что узнать об умершем, лежащем в могиле, о процессах, происходящих с трупом. И с твоими семьдесят двумя элементами ты можешь знать только об этом».

Последующее, скорее всего, вообще перестанет укладываться в голове современного ученого, однако грек постарался бы еще кое-что разъяснить ему следующим образом. Он продолжил бы так: «Пойми, твои семьдесят два элемента для нас всего лишь стихия земли. Просто мы рассматриваем феномены только в общих чертах; ты же все детализируешь, однако входить в подробности — не означает проникать в глубь феноменов. Будь тебе известно, что мы разумеем под стихией воды, ты открыл бы элемент, активность которого выходит за пределы чисто земных отношений: он целиком и полностью подчинен отношениям космическим».

Под «водой» грек подразумевает отнюдь не физическую воду, а то, что, подчиняется космическим закономерностям и проникает свыше в динамику земных флюидов. Как раз в этой среде преобладает и растительный элемент. В этой животворной среде грек (поскольку он различал

земной элемент и жизнетворную стихию воды) одновременно усматривал носителя всех закономерностей вегетативной жизни, как бы спрессованных в водной стихии. Значит, изображая схематически присутствие этого водного элемента на Земле, надо каким-то образом отметить, что он детерминирован со стороны космоса. Мы можем помыслить некую минеральную стихию, развертывающуюся снизу вверх (это и есть, собственно, стихия земли) и пронцающую собой растительный мир, целиком пропитывающую его. Однако то, что грек подразумевал под водным элементом, было неким прорывом, открывающим новые горизонты. Он не цеплялся за понятия, он, скорее, воспринимал мир в образах, в имажинациях. Чтобы нащупать то, что просвещенный грек воспринимал в имажинациях и что всецело связывал с космическими влияниями — живущее в стихии воды, опору вегетативного мира, — нам придется обратиться ко временам Платона (ибо Аристотель фактически сгубил такой образ восприятия мира) и даже в еще более ранние времена.

Затем древний грек продолжил бы так: «То, что покоится в могиле, когда человек умер, то, что подчинено структурирующим законам — сфере проявления твоих семидесяти с чем-то элементов, — все это между рождением, или, если угодно, зачатием, и смертью погружено в эфирную жизнедеятельность — в нисходящую со стороны космоса эфирную жизнь. Ты ею проникнут, пока являешься живым человеком, и ты ничего в этом не понимаешь, если стихию воды не воспринимаешь в качестве особого элемента, если не рассматриваешь растительный мир вписанным в водную стихию и если не воспринимаешь все это в образах, в имажинациях.

Само собой, мы, греки, говорим об эфирном теле, но мы ничего не придумываем: то, что предстает душевному взору, когда по весне взираешь на распускающийся и зеленеющий мир растений, когда созерцаешь этот постепенно приобретающий многообразную раскраску мир, его летнее плодоношение и осеннее увядание, — словом, когда наблюдаешь годичный кругооборот растительной жизни и не теряешь при этом внутреннего понимания происходящих процессов, — приходишь с ним в такую же связь, какая возникает у тебя с минеральным миром при поглощении пищи; именно так связывает себя человек с тем, что в кругообороте года происходит в вегетативном мире. Надо усвоить, что вообще все, происходящее в нас в течение суток, а затем регулярно повторяющееся на протяжении всей жизни, представляет собой своего рода миниатюрное отображение того, что там, вовне, опираясь на водный,

эфирный элемент — на приходящее со стороны космоса, — конструирует окружающий нас мир. И, с пониманием созерцая внешний мир, мы можем сказать, что внешнее живет в нашем внутреннем. Я варю собранные вовне овощи, они попадают в мой желудок, то есть проникают в мое физическое тело; и таким же образом в меня проникает эфирная жизнь, разыгрывающаяся там, вовне, в кругообороте года».

Грек думал не о физической воде, а о том, что воспринимал в своих имагинациях и приводил в живую связь с самим человеком, — вот что лежало в основе его воззрений. И вот что еще он сказал бы своему собеседнику: «Ты изучаешь труп, лежащий в могиле, ибо изучаешь только землю: ведь твои семьдесят с лишком элементов — всего лишь стихия земли. А мы изучаем живого человека. В наше время мы изучали человека живущего, — того, что растет и движется, исходя из внутренних побуждений. Тебе этого не дано, если ты не сумеешь пробиться к более высоким элементам».

Так думали древние греки, и по мере нашего дальнейшего продвижения нам тоже со всей ясностью раскроются элементы воздуха и огня, или тепла. Этим мы займемся позднее, а сегодня мне хотелось бы подчеркнуть: человек на самом деле не находит в своем внутреннем мире правильной взаимосвязи природных сил по причине того, что не может найти этой взаимосвязи и во внешнем мире, отказывается ее искать. Характерной чертой развития нашей культуры начиная с первой трети XV столетия попросту является утрата понимания взаимосвязей элементов, а с ним и утрата

понимания живого человека. Официальная наука изучает только труп. Нам уже доводилось говорить, что такая фаза была неизбежной в процессе культурного развития человечества (и этому есть своя причина: такова предпосылка обретения человечеством свободы). Но определенная степень понимания природы и человека с первой трети XV столетия была утрачена. До сих пор это понимание ограничено исключительно одним-единственным элементом — стихией земли. И нам надлежит снова вступить на путь возврата к такому пониманию живого человека, каким оно было в древности. Нам снова надлежит через имагинацию пробиться к элементу воды, через инспирацию — к элементу воздуха, а через интуицию — к элементу огня. По сути, восхождение к высшему познанию можно интерпретировать как прохождение через восходящий ряд элементов: от предметного познания через имагинацию и инспирацию — к интуиции. Об этом продолжим послезавтра.

Земля — предметное мышл.
(познание)
Вода — имагинац.
Воздух — инспирац.
Огонь — интуиция

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 26 июня 1921 г.

Позавчера у нас речь шла о мировосприятии, свойственном древнему греку, жившему в те времена, когда еще существовало определенное внутреннее познание, и я попытался рассказать вам, как такой представитель древней культуры описывал бы с точки зрения имагинативного познания то, что в нашей среде принято называть эфирным телом, в его связи с элементом воды. Я говорил о том, что имагинативное познание в определенной степени связано с общим воздействием стихии воды — волнообразной созидательной активностью элемента воды, — с его стремлением распространяться вширь и возвратным устремлением к Земле, а также о связи центробежных и центростремительных сил воды с построением растительных форм во всем их многообразии. Таким способом мы приходим к конкретному познанию богатств имагинативного мира или по меньшей мере части его. Такое познание доступно только в том случае, если применить на

Дорнах, 26 июня 1921 г.

практике предписания для достижения имагинативного познания, приводимые в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?».

Однако для такого познания все еще останется закрытым то, что в древних воззрениях называлось воздухом. Элемент воздуха в его древнем понимании может быть открыт только познанию инспиративному. Вы лучше поймете суть инспиративного познания — переживания воздушного элемента, — если попытаетесь уяснить себе следующее. Я уже не раз упоминал тот факт, что в наше время к осмыслению тела человека подходят поистине самым внешним, поверхностным образом. Достаточно только припомнить, как сегодня создаются иллюстрации в атласах по анатомии и физиологии. Внутренние органы человека — сердце, легкие, печень — представлены там в четких контурах. Разумеется, эти четкие контуры, эти линии разграничения по-своему правомерны. Но человек представлен так, словно он целиком и полностью является твердым телом. Однако это не так: только в самой малой части человек состоит из твердых минеральных субстанций; они составляют около восьми процентов тела, а остальные 92 — это жидкие растворы, и, значит, человек не является твердым телом. Твердое только как бы искусственно внедрено в его состав. И вот этот факт очень слабо осознают изучающие анатомию и физиологию. Рисуя человека с четко очерченными, строго разграниченными органами, мы упускаем из виду «водного» человека, «текущего» человека, ибо флюиды человека пребывают в непрестанном движении: организм человека постоянно находится

в подвижном, динамическом состоянии. И как раз в этот текуче-подвижный организм дополнительно внедряется организм воздушный. Воздух втекает в него, вступает в связь с веществами внутри нашего организма и, если можно так выразиться, «взбалтывает» их.

Благодаря внутреннему присутствию этого воздушного элемента человек находится в полном единении с внешним миром. Воздух, находящийся в данное мгновение во мне, еще недавно был снаружи и скоро снова окажется там. Принимая во внимание этот третий, воздушный элемент, не представляется возможным говорить о человеке как о каком-то обособленном существе, пребывающем в границах своей кожи, а если учесть элемент огня, или тепла, — то и подавно. Невозможно считать человека каким-то обособленным от мира, замкнутым в себе существом.

Осмысливая весь спектр человеческого состава — не только твердый организм человека, но и его жидкий, воздушный и тепловой организмы, состоящие из структурированного, взаимопроникающего тепла, — мы представляем себе человека таким, каким он выглядит во время сна, когда пребывает своей душой и духом вне своего физического и эфирного тела. То, что от пробуждения до засыпания одушевляет и одухотворяет человека, отсутствует в промежуток времени между засыпанием и пробуждением. Душевное и духовное начало человека тогда пребывает в другом мире, также подчиненном определенным закономерностям. И мы должны теперь задаться вопросом: каким закономерностям подчинен тот мир, в кото-

ром пребывает человек между засыпанием и пробуждением? В прошлый раз мы говорили о четырех видах закономерностей: во-первых, о закономерностях в границах земного мира; во-вторых, о закономерностях в границах мира космического; в-третьих, о закономерностях в пределах мировой души и, в-четвертых, о закономерностях в пределах мирового духа. Теперь ответим на вопрос: где же пребывает человек своей душой и своим духом (или душевной частью своего состава и своим «Я») в период между засыпанием и пробуждением? Достаточно сопоставить это со сказанным раньше, и из простейшего соображения станет ясно, что своим астральным телом и своим «Я» в промежутке между засыпанием и пробуждением человек пребывает в сфере мировой души и мирового духа.

Закономерности в границах земного мира

Закономерности в границах космического мира

Закономерности в пределах мировой души } Астральное
Закономерности в пределах мирового духа } тело и «Я»

Нам следует со всей серьезностью принять то, что было упомянуто позавчера: первыми двумя мирами — земным и космическим — исчерпываются все мыслимые пространственные отношения. И мы сами, выступая за пределы этих двух миров, оказываемся за рамками всех пространственных закономерностей. Нам следует постараться уяснить себе: засыпая, мы всякий раз оказываемся не только вне нашего физического тела (это достаточно широко известно), но и за пределами известного нам пространственного мира. И вообще мир

сновидений нельзя путать с тем, что доступно сенсорному восприятию: это источник всех закономерностей, которым подчиняется «ритмический» человек, подвергаемый структурирующему воздействию жидкого и воздушного элементов. Верно, что ареной проявления ритма является пространство, однако источник ритма (источник закономерностей, вызывающих ритмические явления) находится за пределами пространства, откуда и распространяется его воздействие на любую точку пространственного мира. Все проявления ритма регулируются вполне реальным миром, находящимся по ту сторону сенсорного восприятия. И, обращаясь к поразительной соразмерности дыхательного ритма и ритма биений сердца, мы наталкиваемся на след того, что структурирующим и регулирующим образом проникает со стороны духовных, внепространственных подоснов вселенной в мир, где пребывает человек в своем физическом воплощении. И единственный способ постижения воздушного элемента — вполне конкретное изучение ритмических проявлений человеческого организма в самой этой воздушной среде.

Вдобавок и имажинативное исследование подтверждает сказанное нами позавчера о том, что динамика проявлений растительного мира и проходящая параллельно активность человеческого эфирного тела еще не выводят человека за пределы его привычного мира: просто приходится оторваться от сугубо земного мира и обратиться к огромному космическому миру. Но, переходя к воздушному элементу, надо суметь перенестись в мир внепространственный, где еще только временные

отношения продолжают играть какую-то роль. В стародавние времена, когда еще присутствовало живое созерцание этих процессов, люди зримо наблюдали, как духовные миры воздействуют на мир человеческой деятельности окольным путем — через ритм. Я уже обращал ваше внимание на то, как греки античных времен строили свой гекзаметр: двум вдохам-выдохам соответствовало восемь ударов пульса. При рецитации греческого гекзаметра происходило искусное сочетание пульсации крови и ритма дыхания. Этот стихотворный размер передавал, как духовно-сверхчувственный мир, можно сказать, осеняет человека свыше и приводит в гармоническое соответствие его циркуляцию крови и дыхательный ритм: на четыре удара пульса приходится один дыхательный цикл. Стихийная природенная склонность человека к версификации коренится в этом ритмическом устройстве человеческого организма.

— 00 — 00 — 00 | — 00 — 00 — 00 |

Мир, из которого приходят эти ритмические воздействия, реально раскроется перед человеком, когда он научится осознавать происходящее во сне, ибо в этом случае активность этого мира отражается на его ритмических процессах. Глубинные процессы происходящего во сне остаются сокрытыми от повседневного сознания и от расхожей науки в первую очередь. Но в случае осознания происходящего во сне можно убедиться, что во внутренний мир человека проникает не только описанное мною в прошлый раз — не только бурная

динамика мира растений, — но и то, что, конечно, не является образами привычного нам животного мира (такие образы были бы отмечены пространственными чертами): возникает отчетливое сознание (такое возможно только в случае пребывания вне тела, а не внутри него) тех конкретных прообразов, на основе которых затем уже строятся формы земных животных. Как ритмические процессы в человеческом существе проистекают из внепространственного мира, так же этим миром порождаются и те прообразы, на основе которых животные впоследствии строят свою форму.

Первый опыт осознанного переживания того, что остается неосознанным в период между засыпанием и пробуждением, когда человек погружается в тот мир, который служит источником нашей ритмической активности, заключается в лучшем понимании разнообразия форм животного мира. Многообразие этих форм не поддается объяснению на основании внешних условий существования животных и прочих физических влияний. Сильно заблуждаются те зоологи и морфологи, которые надеются отыскать причину появления формы льва, тигра, бабочки или жука где-то в пространственном физическом мире. Происхождение формы тигра невозможно объяснить чем-то находящимся в физическом пространстве. Истоки этих форм становятся очевидными лишь в том случае, когда мы вышеописанным образом приближаемся к третьему виду закономерностей — закономерностям мировой души.

И мне хотелось бы снова вернуться к античному греку, которого я в прошлый раз заставил разго-

вориться со всезнайкой — с современным ученым (разумеется, речь идет не о всеведении, а о претензии на него, по меньшей мере о способности все объяснить на свой лад). Грек возразил бы ему: «В этом духе вообще невозможно ничего объяснить, ибо до меня дошло, что ты располагаешь чем-то наподобие логики. Ты перечисляешь разные абстрактные понятия, категории — вроде бытия, становления, обладания и так далее. Эта логика призвана раскрыть некую закономерность в области понятий, в области идей. Однако такая абстрактная логика (или то, что вы называете логикой) породила типаж человека, мало смыслящего в тайнах мира». Это началось с Аристотеля, который направил свой совершенно обывательский рассудок на философию Платона, а я имею в виду грека досократических времен, когда формировалась частично уцелевшая философия Фалеса, Гераклита, Анаксагора. Аристотель, бесспорно, великий мыслитель, но при этом именно он по-обывательски поставил логику на службу реалиям быта, и от логики осталась тончайшая паутина, нечто невесомое по сравнению с тяжеловесной реальностью. А подлинная логика, — как сказал бы античный грек, будучи в своем роде просвещенным человеком, — объемлет те формообразования, те прообразы, которые обретают в мире животных свое внешне пространственное воплощение, они открываются человеку, когда тот обретает сознание в период между засыпанием и пробуждением. Вот что такое логика: реальное содержание пробужденного сознания.

В мире животных не содержится ничего помимо того, что присутствует и в самом человеке, только в

человеку все это одухотворено, в результате чего он способен мыслить и манипулировать логическими формообразованиями — теми, что, прорвавшись в пространственный внешний мир, становятся земными животными. Дело в том, что в период между пробуждением и засыпанием мы комбинируем в своем повседневном сознании наши понятийные формации, приводя в связь одну с другой, и тем самым имитируем на уровне идей созидательную активность внешнего мира, творящего различные формы животных. Подобно тому как человек постигает собственное эфирное начало, когда направляет свой взор на растительный мир и соотносит его со стихией воды, он так же постигает и собственный душевный мир (при желании, его можно также называть астральным), когда проникается видом той живой активности, созидательной жизнедеятельности, которая открывается его сознанию, воспрянувшему в период между засыпанием и пробуждением, и постигает внешнее формообразование в мире животных. При этом необходимо соотнести нашу собственную способность к формообразованию в мире идей со стихией воздушных ритмов.

Сложив многое из сказанного мной, вы можете составить себе вполне конкретное представление о происходящих в человеке процессах. Рассмотрим совершенно конкретно процесс дыхания. Во время вдоха воздух проникает в ваши легкие и наносит удар по так называемому субарахноидальному пространству, содержащему спинномозговую жидкость, в которую погружен наш позвоночный столб. Благодаря этому удару спинномозговая

жидкость приводится в колебательное движение, вызывая косвенным образом ритмические колебания той жидкости, в которую погружен наш мозг. Мозговая жидкость приводится в динамическое состояние. И это динамическое состояние, в которое приводится мозговая жидкость, как раз и есть проявление нашей мыслительной активности. В действительности мысль как бы несется на волне дыхательного цикла и передается мозговой жидкости, а уже мозговая жидкость, в которой плавает наш мозг, в свою очередь, ритмически передает удар самому мозгу. В мозгу живут впечатления, получаемые через внешние органы чувств (через глаза, уши и так далее) благодаря работе нервной системы и аппарата внешних органов чувств. И на то, что проникает в мозг через сенсорные органы, накладывается ударное воздействие дыхательного ритма, в результате чего возникает синхронизация сенсорных впечатлений и той нашей оперирующей формами мыслительной активности, которая во внешнем мире проявляется в многообразии форм животного мира. Ведь та же самая мыслительная активность управляет и ритмом дыхания, наносящим в субарахноидальном пространстве свой удар по нашей мозговой жидкости, что служит предпосылкой для последующего проникновения в мозг сенсорных впечатлений. Здесь арена всего того, что на ритмической основе вызывает к жизни нашу мыслительную деятельность.

Попытка постепенно уяснить себе, каким образом духовное проникает в чувственно-физический мир, весьма важна. Ущербность нашей современной культуры больше всего проявляется в том, что

наука пытается пробиться к духу в совершенно абстрактных, чисто интеллектуальных формах, тогда как духовное следует постигать в его креативном элементе, — в противном случае материальный мир остается чем-то окостеневшим и непроницаемым для духа. Надо учиться конкретно видеть, как закономерности третьего и четвертого уровня проникают в нашу собственную человеческую деятельность.

Исследование внутренних оснований того, что происходит с каждым нашим дыхательным циклом, — вернее, того, что нами не осознается, когда вдох оказывает воздействие на мозговую жидкость, хотя такая возможность существует, — относится к числу самых потрясающих впечатлений. Затем следует обратный удар: мозговая жидкость, в свою очередь, подвергается оттеснению в субарахноидальном пространстве, и начинается выдох, а значит, новая самоотдача миру, участие в окружающей жизни. В повторяющемся чередовании этих двух процессов — ухода в себя и самоотдачи миру — по сути и заложено то, находит свое выражение в ритме дыхания.

Так следует говорить о реалиях элемента воздуха, тогда как элемент земли включает в себя все, содержащееся в наших семидесяти с чем-то химических элементах. Как видите, труп подчиняется закономерностям 72 элементов. Но то, что вдыхает в тело жизнь (источник роста, способности усваивать пищу и так далее), — притекает из космоса. То, что проникает в организм, заставляя его не только расти, переваривать пищу и так далее, но и проявлять постоянную ритмическую активность в

пульсации крови и регулярности дыхания, поступает из внепространственного мира. Изучение элемента воздуха приводит нас к внепространственному миру, ибо он открывается именно в этом элементе, — подобно тому как космический, то есть внеземной, мир открывается в стихии воды. А все то, с чем сталкивается современный химик или физик, сводится к внутренне дифференцированному элементу земли.

Далее, мы можем также найти переход и к элементу тепла, или огня; но, по сути, такое возможно лишь с того момента, когда на практике достигнута способность не только сознательно покидать собственное тело, но и погружаться своим сознанием в другое человеческое существо. В этом вся разница. Можно длительное время располагать способностью выходить из своего тела, но если уцелела хоть какая-то толика эгоистического подхода к миру, то можно успешно постигать все, о чем у нас шла речь до сих пор, однако подлинное погружение во внешний мир и настоящая самоотдача этому миру еще неосуществимы. Только при условии подключения элемента подлинно сверхчувственной любви к способности сознательного погружения в тот мир, в котором человек пребывает между засыпанием и пробуждением, в первый раз на практике знакомишься с элементом тепла, или огня. И тогда только, по сути дела, можно впервые познать истинное существо другого человека. Ибо то, что внешним образом доступно нашему сенсорному восприятию, открывает нам только видимость человека, только самую поверхностную, иллюзорную сторону человеческого существа.

При переходе от элемента земли к элементу воды вид эфирного существа человека начинает расплываться в глазах наблюдателя: оно теряет свои контуры, превращаясь как бы в миниатюрное отображение сменяющихся друг друга времен года. При переходе к элементу воздуха преобладает динамика внутренних ритмов. А самодовлеющего человека — человека вечного — можно познать только на уровне теплового элемента. Там все заново синтезируется: бурная активность водного элемента сливается с ритмической периодичностью элемента воздушного. Их гармоническое взаимодействие, уравнивание друг друга или, наоборот, дисгармония осуществляются на арене теплового, то есть огненного, элемента — вот где можно познать истинное существо человека. И все это на самом деле подчинено закономерностям четвертого уровня — закономерностям мирового духа.

Когда в наше время заходит речь об античной науке с ее четырьмя элементами, не стоит впадать в высокомерие, говоря: «Наша наука давно превзошла эти детские представления и оставила их позади». Напротив, надо отдавать себе отчет в том, что в древние времена существовало принципиально иное представление об укорененности человека в различных пластах сверхчувственного мира. Вот откуда взялись и познания относительно разнообразных соотношений земных элементов с этим сверхчувственным миром. В некотором смысле элемент земли полностью находится за пределами сверхчувственного. А элемент воды гораздо ближе к сферическим структурам мирового пространства, нежели к Земле. Но в поиске источника всего,

что проявляется в воздушных ритмах, а также в нашем собственном воздушном организме — арене различных ритмов и аритмий, — приходится полностью выходить за пределы пространства. И в конце концов мы приходим к универсальному внепространственному принципу, который вдобавок еще преодолевает и принцип времени, — к элементу огня, или теплоты. Ибо только так можно изучать всецело самодовлеющее существо человека. И там нас ожидает повторное и весьма своевременное открытие того, что, хотя и в искаженном виде, содержится в трактатах, написанных ранее XV века.

Пару лет назад появилась работа одного шведского ученого, посвященная алхимии¹. Этот шведский ученый приводит рецепт одной химической реакции, вычитанный им у старого алхимика, и восклицает: «Если попробовать воспроизвести такую реакцию в наше время, не получится ничего, кроме полнейшей бессмыслицы». Нетрудно представить себе, что получается, когда современный химик (он швед по происхождению и, предположительно, более беспристрастен, чем его средневропейские собратья) берет завуалированную формулу, в которую облечено и без того искаженное содержание, присущее старинным трактатам, пытается проверить ее на опыте и затем констатирует, что у него ничего не вышло! Я разыскал в доступной

¹ Теодор Сведберг (1884—1971) — шведский физикохимик. Основные работы посвящены коллоидной химии, определению формы и размеров молекул, электрофорезу. Лауреат Нобелевской премии по химии 1926 г. Вероятней всего, имеется в виду его книга «Материя», 1912 г.

нашему добропорядочному ученому литературе ту самую формулу, которая осталась за пределами его разума, и оказалось, что она представляет собой фрагмент описания процесса эмбрионального развития человека! Это становится ясно почти что с первого взгляда. Но надо уметь читать такой текст! Современный ученый пытается увязать алхимические рецепты с расхожей информацией по химии. Затем он вытаскивает свои колбы и безрезультатно пытается воспроизвести вырванную из контекста реакцию. Одно нехорошо: то, что он принимает за химическую формулу, на самом деле есть не что иное, как фрагментарное описание процесса, происходящего в теле беременной женщины. Как видите, между современной научной интерпретацией текста и его первоначальным содержанием пролегает настоящая бездна.

Все наши описания базируются на представлениях, заново добытых уже современной, новейшей наукой о духе, — без них вообще невозможно прочитать старинные тексты. В отличие от современного подхода к явлениям, авторы этих трактатов опирались на инстинктивные, атавистические способности человека, еще не ограниченного пониманием исключительно земного элемента. И мы снова должны получить доступ к такому учению об элементах, которое описывало бы не человеческий труп, а заново открывало нам живого человека во всей его цельности. И для этого необходимо в рамках нынешней цивилизации серьезно отнестись к вопросу о предсуществовании души.

Вместе с исключением представления о предсуществовании души из западного культурного

развития было вытеснено и бескорыстное исследование. Когда современный проповедник обращается к своей пастве, он, по сути, апеллирует к человеческому эгоизму, основанному на страхе перед прекращением жизни. Страх, разумеется, не проходит. Но важно, что при этом проповедники обращаются не к познавательным способностям человека, а к его страху перед смертью и стремлению продолжить свое существование после утраты тела; иными словами, вызывают к его эгоизму. Но все изменяется, если говорить о предсуществовании души. С точки зрения личной, эгоистической заинтересованности человеку — особенно современного склада — в высшей степени безразлично, существовал ли он до своего рождения, или зачатия, или нет. Он живет сейчас, и это не подлежит сомнению. Поэтому проблемы предсуществования души мало его волнуют — он заинтересован в постсуществовании, ибо само по себе существование в данный момент еще не гарантирует продолжения жизни после смерти. И это связано с эгоизмом. Он говорит себе (хотя и бессознательно или инстинктивно): «Даже если я не существовал до рождения, или зачатия, теперь-то уж я точно начал существовать и никогда уже не перестану существовать!»

Вот источник воодушевления современного человека перспективой бессмертия. И вот почему в самых распространенных языках культурного мира обязательно существует слово, обозначающее бессмертие в смысле вечного продолжения жизни после смерти тела, но в них нет, как я уже говорил, слова, означающего нерожденность. Раз-

умеется, отторгнутое надо отвоевывать медленно и постепенно. И это устремляет нас к познанию, очищенному от эгоизма, к бескорыстному познанию человека. К этому следует апеллировать снова и снова. И вообще познание должно быть проникнуто моралью, этическими принципами. Пока лабораторный стол не станет алтарем, пока соединение и разложение химических веществ не сделается духовным искусством и пока не придет понимание того, что каждое наше действие влияет на ход мирового развития, никакого прогресса в культурном развитии человечества не предвидится. Нам грозит неминуемая деградация, если в самых широких кругах не будет признано, что надо обрести познание, очищенное от эгоизма, проникнутое моральными принципами, надо отринуть современные манипуляции с материей, оторванные от высших миров. Надо заново научиться постигать ритмы, проникающие в нашу жизнь, а также роль, которую в ней играет элемент тепла. Ибо принцип морали связан именно с теплом: за простой разницей температур — за многообразием степеней нагрева — на самом деле скрывается всеобъемлющий мир моральных принципов, в среде которых и происходит человеческое развитие. Вот что человечество должно осознавать все больше и больше. Не подумайте, что мы толкуем приметы времени под влиянием каких-то идеалистических причуд, — эти приметы сами гласят о необходимости взять курс в направлении сверхчувственного мира.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 1 июля 1921 г.

Мне хотелось бы сегодня в продолжение того, что мы обсуждали неделю назад и еще раньше, включить одну эпизодическую тему, от которой мы перейдем к нашим дальнейшим изысканиям. Нам встречается в мире много такого, что мы по праву относим к области аномального, а подчас и патологического; однако от классификации этих явлений мир не становится для нас понятнее. Подчас мы отгораживаемся от понимания мира, когда при подходе к жизненным феноменам остаемся в пределах оценочных суждений типа: здоровое или больное, правильное или неправильное, истинное или ложное, хорошее или плохое и так далее. Ведь то, что с определенной точки зрения представляется нам чем-то патологическим и аномальным, с другой — предстает вполне оправданным во всеобщей взаимосвязи явлений. Я сразу же приведу конкретный пример, чтобы вам стало ясно, что имеется в виду.

Не зря появление галлюцинаций, а также видений относят к области патологии. Галлюцинации — это образы, проникающие в сознание и не соответствующие — при условии критической проверки — ничему реальному, если подходить к ним с позиций человеческой жизни с рождения до смерти. Но, признав галлюцинации чем-то аномальным, отклоняющимся от нормального хода жизни между рождением и смертью, мы еще никоим образом не проникли в существо этого явления.

Попробуем отстраниться от такого рода толкования феномена галлюцинаций. Вспомним, как проявляется этот феномен. Он проявляется в форме образов, гораздо более тесно связанных с субъективным самоощущением человека, нежели с обычным восприятием того, что поступает через каналы его сенсорных органов. По сравнению с внешним восприятием, галлюцинация внутренне переживается гораздо интенсивнее. Кроме того, чувственное восприятие допускает строго критическое осмысление, тогда как галлюцинирующий избегает критического анализа своих галлюцинаций: он как бы витает в мире своих образов.

Что же представляет собой та среда, в которой обитает душа человека? Этого не понять, если знаешь только то, чем заполнено человеческое сознание с рождения и до смерти. А содержание галлюцинаций представляется для обыденного сознания чем-то необоснованным. Чтобы приблизиться к существу галлюцинации, необходимо взглянуть на нее с совершенно другой точки зрения. На эту точку зрения встаешь, продвигаясь к высшему познанию, к постижению собственной жизни и деятельности

в тот период времени между смертью и новым рождением, когда от момента рождения, или зачатия, твое существо отделяют считанные десятилетия. Итак, обладая способностью вживания в процесс, совершенно нормальным образом происходящий в существе того, кто приближается к моменту собственного зачатия, или рождения, можно проникнуть и в подлинную суть такого явления, как галлюцинации, которое в нарушение всех норм присутствует в жизни между рождением и смертью.

Как в этой жизни с рождения до смерти мы окружены миром красок, дуновений ветра и так далее, — короче, всем, что можно при этом представить, — так и наше собственное душевно-духовное существо между смертью и новым рождением погружено в такую среду, которая абсолютно идентична тому, с чем мы сталкиваемся в феномене галлюцинации. Мы как бы рождены из стихии галлюцинаций, причем как раз в отношении нашей телесности. Стихия галлюцинаций переполняет мир, примыкающий к нашему земному миру, и в момент рождения мы как бы выныриваем из этой стихии, которая в патологическом случае способна проникать в душу человека.

Что же представляет собой это проникновение галлюцинаций в обычное сознание? Когда по завершении жизни между смертью и новым рождением человек через земное рождение, или зачатие, вновь вступает в чувственно-физическое существование, тогда определенных духовных существ, принадлежащих к высшим иерархиям, осеняют некие интуиции (мы все это уже подробно разбирали), в результате чего возникает физическое тело

человека: оно может возникнуть только благодаря тому, что в него проникает душа, «вынырнувшая» из стихии галлюцинаций. Что же происходит в том случае, когда галлюцинации патологическим образом проникают в обыденное сознание? Я могу вам объяснить это лишь в образной форме, и такой подход нельзя назвать притянутым за уши: ведь галлюцинации, по сути, тоже образы; так что, само собой, с абстрактными представлениями здесь далеко не уйдешь — необходимо оперировать представлениями образными.

Теперь представьте себе следующее. Физическое тело человека, как мы недавно заново установили, только в своей незначительной части имеет четко очерченные контуры — в остальной, большей, части оно имеет водную, воздушную консистенцию и так далее. Физическое тело также обладает определенной консистенцией, то есть определенной плотностью, дарованной ему от природы. И когда эта природная плотность становится ненатурально высокой (представьте себе чисто символически, что сама эластичность физического тела

терпит ущерб), тогда исконная галлюцинаторная стихия, из которой человек родился, выдавливается наружу, как вода из губки. Феномен галлюцинации возникает потому, что из физического тела выдавливается тот самый прирожденный элемент, из которого оно и состоит, из которого оно сформировано. И заболевание, внешне сопровождающееся появлением галлюцинаций, всегда указывает на нездоровье физического организма, как бы вытеснившего свою духовную составляющую.

Этот факт в определенном смысле полностью подтверждает правоту материалистической концепции мышления. Ведь наше физическое тело — это в известном смысле отображение того, что предсуществовало в духовном мире еще до земного рождения человека, или, если угодно, до зачатия. Само земное тело — всего лишь отображение. И мышление, проявляющее себя в рамках повседневного сознания (то мышление, которым так гордится наша эпоха), не без основания трактуется материалистами как нечто целиком и полностью привязанное к физическому телу. Все очень просто: мышление, которое свойственно современному человеку и которое родилось вместе с возникновением научного образа мысли в начале XV столетия, распадается вместе с разрушением физического тела, прекращает существовать вместе с ним. То, что нередко утверждается в расхожей католической философии (но только в современной, а не католической философии прежних веков), будто абстрактный, интеллектуализированный конгломерат разношерстных компонентов, именуемый нашей психикой, способен пережить смерть, — неправда. Ибо это мыш-

ление, ставшее основной чертой душевной жизни наших современников, всецело привязано к физическому телу. А то, что способно пережить смерть физического тела, впервые обнаруживается только на ближайшей ступени высшего познания — на ступени имажинации, то есть в динамике образных представлений.

Вы можете сказать: «Выходит, те, у кого нет образных представлений, лишены бессмертия!» Так ставить вопрос нельзя: отсутствие образных представлений не означает равным счетом ничего. Можно только утверждать: «В моем повседневном сознании образные представления отсутствуют — я не даю им проникать в него». На деле же образные представления — имажинации — рождаются в нас без всякого перерыва, только они тратятся на поддержание жизненных процессов нашего тела: они становятся силами, помогающими непрерывно перестраивать наш организм. Современные материалистические философы вкупе с учеными-материалистами констатируют, что во время сна наши уставшие за день внутренние органы каким-то образом освежаются и обновляются; однако непонимание источника и механизма такого обновления не причиняет этим деятелям головной боли. Но имажинативные образы непрестанно продолжают рождаться, причем особенно в бодрствующем состоянии, когда мы оперируем одним только повседневным интеллектуальным сознанием: мы как бы «перевариваем» эти имажинации на душевном уровне и на этой основе строим свое тело. Такое предназначение имажинаций и служит причиной того, что они проходят мимо нашего повседневного сознания. Но

в процессе достижения высшего познания предполагается частичный отход от работы над собственным физическим телом с внешней стороны: в этом случае то, что с кипением «варится» в недрах нашего организма, проникает в наше сознание. Вот почему продолжительность высшего созерцания в духовной науке строго регламентируется, — в противном случае здоровью организма будет причинен крупный ущерб. Итак, даже в обычной душевной жизни присутствует процесс имажинации, только с рождения до смерти он как бы «проглатывается» нашим телом. Так что можно сказать: подсознательная деятельность продолжается наряду с повседневной душевной жизнью, причем если бы эта деятельность была поднята в сознание, она стала бы не чем иным, как проявлением галлюцинаций.

Галлюцинации, по сути, всецело представляют собой проявление вполне правомерных базовых принципов бытия. Просто они не должны не вовремя проникать в наше сознание. Их законное место — на подсознательном уровне нашего существования. И, когда тело выдавливает свою протосубстанцию, ей открывается доступ в наше повседневное сознание. Вот тогда у человека и возникают галлюцинации. Появление галлюцинаций свидетельствует о том, что тело по какой-то причине отправляет в сознание нечто предназначенное для душевного «переваривания» в целях роста и развития организма.

В свою очередь, это связано, как я уже говорил, с заблуждениями и иллюзиями, которые многие питают в отношении определенных мистиков прошлого. Когда пытаешься проникнуть к под-

основам такого рода феномена, у многих создается ложное впечатление, будто ты пытаешься отобразить у мистиков их святость. Я говорил: «Обратимся к изумительно прекрасным и поэтическим описаниям галлюцинаций таких мистиков, как Мехтхильда Магдебургская или святая Тереза. Да, привидевшееся им прекрасно, но что это было на самом деле? Исследуя это явление, обнаруживаешь, что это были галлюцинации, вытесненные из органов тела». Они представляют собой ту самую протосубстанцию. И если описывать то, что происходило с Мехтхильдой Магдебургской или святой Терезой на самом деле, придется описывать процессы, подчас весьма родственные перевариванию пищи, — несмотря на то что в результате в головах святых рождается изумительная мистическая поэзия.

Не следует говорить, что со временем многие феномены исторической мистики утратят свой аромат. Сладострастие, испытываемое многими при мысли о мистике или перспективе самому испытать мистическое переживание, в итоге может быть направлено в надлежащее русло. Ведь множество мистических переживаний — это не что иное, как проявление внутреннего сладострастия, украшенного поэтическим ореолом непорочности и прокравшегося в сознание. Так что рассеиваются только предубеждения и иллюзии. И тот, кто на самом деле стремится исследовать внутренний мир человека, не должен изумляться, если вместо того, что в чарующих словах описывают старинные мистики, он увидит, как из космоса — вернее, из галлюцинаций космоса — формируется структура наших внутренних органов: печени, легких и так

далее. По сути, не то чтобы рассеивается мистический аромат, — просто высшее познание наглядно открывает, как, например, из космических галлюцинаций строится наша печень, как она словно конденсируется из преображенных галлюцинаций, то есть из трансформированного духа. Сходным образом можно взирать на остальные телесные процессы, и тогда вам откроется взаимосвязь структур человеческого тела со всем космосом.

Естественно, образованный человек (а с его мнением стоит считаться на пути поиска истины) возразит: «Что ты мне рассказываешь, будто человеческий облик формируется из космоса! Кто же не знает, что человек проходит свое эмбриональное развитие в теле матери. Мы прекрасно знаем, как выглядит эмбрион». В основу этого утверждения положено насквозь ложное представление, которое мы попытаемся вскрыть при помощи аналогии.

Обозревая формации, встречаемые нами во внешней природе (для начала ограничимся миром минералов), мы отмечаем их огромное разнообразие. Мы называем их кристаллическими образованиями. Но в природе встречаются и другие формации: мы обнаруживаем некую внутреннюю конфигурацию — результат взаимосвязи, например, углерода, водорода, кислорода, азота, серы и так далее. Как известно, в результате взаимодействия углерода и кислорода, образуется газ определенного веса; соединение углерода с азотом порождает цианистый газ, и так далее. В этом случае соединение веществ, которыми оперирует химик, не обязательно приводит к внешней кристаллизации — просто возникает определенная внутренняя конфигурация исходных

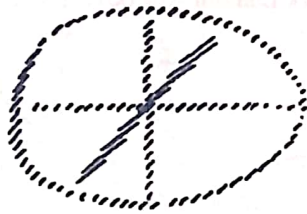
составляющих. Не так давно подобные конфигурации удалось даже сделать наглядными при помощи так называемых структурных химических формул.

При этом современные ученые всегда исходят из следующей предпосылки: структура молекул усложняется по мере перехода от неорганического мира к органическому. Они утверждают, что органические молекулы — те, из которых построены клетки нашего тела, — состоят из углерода, кислорода, азота, водорода и серы, связанных определенным образом. Но, как утверждается, эта связь необыкновенно сложна. И задача естествоиспытателя состоит в том, чтобы установить взаимосвязи отдельных атомов в составе этих сложных органических молекул. Эти ученые даже полагают, что много воды утечет, прежде чем удастся установить, каким образом атом примыкает к атому в органической, то есть живой, молекуле. Однако проблема заключается в том, что по мере усложнения органических структур химическая связь их исходных элементов ослабевает и тут начинает преобладать хаотическое взаимодействие: уже простейшая белковая молекула представляет собой (по меньшей мере в составе нервной субстанции или субстанции крови) внутренне аморфное образование — отнюдь не молекулярную структуру повышенной сложности, а некую распавшуюся изнутри квазиорганическую материю, оторванную от сил кристаллизации и вообще всех сил, которые придают ей молекулярную форму, приводя одни атомы в сочетание с другими. Это происходит уже с обычными молекулами в составе наших внутренних органов и тем более с эмбриональными молекулами — с белком человеческого зародыша.

Если схематически изобразить организм человека и нарисовать зародыш, то есть изобразить самое начало эмбрионального развития, то зародыш будет представлять собой самую хаотическую свалку материальных компонентов, какую только можно себе представить. Зародыш эмансипировался от всех сил кристаллизации, от всех сил минерального царства и так далее. И наличие такого хаотического по структуре белка дает возможность воздействовать на него силам всей Вселенной, так что, по сути, этот белок является отображением сил всего космоса. Причем силы, предназначенные для последующего формообразования эфирного и астрального тел будущего отпрыска, уже изначально присутствуют в эфирно-астральном образовании материнской яйцеклетки — еще до момента оплодотворения. Благодаря же оплодотворению в зародыш привносится то, что является началом физического тела, — оболочкой человеческого «Я», то есть формообразующим сосудом для этого «Я».

Итак, до оплодотворения женская яйцеклетка представляет собой чисто космическое образование, — отображение космоса, — ибо в ней белковая субстанция эмансипирована от всех земных сил и благодаря этому она подлежит исключительно внеземным влияниям. В женской яйцеклетке земная субстанция фактически предоставлена власти космических сил: в ней космические силы создают свое отображение. Привлекая к наблюдению процесс яйцеобразования у определенного класса живых организмов — например, у птиц — можно заметить нечто весьма важное. Конечно, это не относится к высшим животным и к человеку, но вот в устройстве куриного яйца можно усмотреть отображение всего космоса. Ибо яйцо — это не что иное, как подлинное отображение космоса. Космические силы влияют на подверженный их воздействию белок, эмансипированный от земного элемента.

Яйцо — идеальное отображение космоса, и философам не потребовалось бы столько дискутировать о структуре пространства, признай они только, что совершенно наглядные ответы на мировые загадки прямо-таки валяются у них под ногами. Так, куриное яйцо самым наглядным образом до-

казывает, что в трехмерном пространстве одна мировая ось длиннее двух других, ведь границы яйца, то есть скорлупа, — это подлинный образ космического пространства. Попутно замечу, что изучение устройства куриного яйца могло бы пролить свет на проблему соотношения между геометрией Лобачевского и римановым пространством, столь живо волнующую наших математиков. Подобные проблемы надо решать на конкретном материале.

Как видите, изучение структурированного космическими силами яичного белка позволяет подробно говорить о воздействии космоса. Хотя если бы современное топтание на месте было преодолено и подобного рода исследования были бы продолжены, то — с учетом чрезвычайно низкого морального уровня нынешнего цивилизованного населения Земли — следовало бы ожидать ужасающих злоупотреблений знаниями подобного рода.

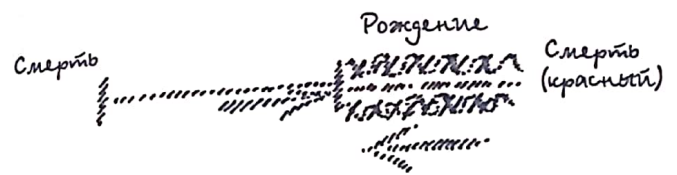
Итак, мы обсудили, в каком случае наше тело решается выдавить из себя наружу тот мир галлюцинаций, порождением которого оно является. Но помимо тела с нами связано и наше душевное начало. Однако мы лучше вникнем в суть проблемы, если в первую очередь обратимся не к душевному, а к нашему духовному началу. Как здесь с рождения до смерти мы ощущаем себя как бы облаченными в наше тело, так и между смертью и новым рождением мы ведем одухотворенное существование, мы как бы осенены духовным началом. Это соответствует нашему тамошнему самовосприятию, когда между смертью и новым рождением мы говорим о нашем духовном начале

ровно так же, как здесь, в физической жизни, — о принципе телесности. Мы привыкли здесь, на земле, говорить о духовном как первооснове всего на свете. Но это, по сути, ложное утверждение. В духовном надо видеть то, что нам свойственно между смертью и новым рождением. Как с рождения до смерти нам присуще телесное начало (ибо человек воплощен, то есть облечен плотью), так и между смертью и новым рождением человеку присуща одухотворенность. И духовное начало никуда не исчезает при нашем облачении в тело — в этот сгусток галлюцинаций, — а продолжает действовать.

Приняв момент зачатия (либо какой-то момент времени между зачатием и рождением — это в данном случае не столь уж важно) за определенную веху — момент, когда духовное вступает в физическое существование, — можно констатировать, что с этого момента телесное бытие внедряется в духовно-душевное начало человека, которое как бы преобразуется в нечто физическое. Однако сила, которая была нам присуща между смертью и новым рождением, не исчезает с момента нашего вступления в телесно-физическое существование, а продолжает действовать, хотя и весьма своеобразным способом. Мне хотелось бы это изобразить схематически.

Итак, проследим судьбу той силы, которая действовала в нас в духовном мире с момента предыдущей смерти до момента нынешнего рождения (будем в дальнейшем именовать его так, не акцентируя момент зачатия). Тогда вступают в действие силы физического тела, эфирного тела и так далее.

А затем наступает новая смерть (см. рис., красный, темная штриховка).

Но сила, присущая нам до самого нашего рождения, не прекращает действовать, одухотворяя наше телесное начало, в которое она вливает собственное существо. Воздействие этой силы, сопутствующей ходу человеческой жизни, проявляется только в образотворчестве; так что с рождения до смерти в нас живет отображение пережитого нами между последней смертью и нынешним рождением. И это отображение как раз и составляет силу нашего интеллекта. Наш интеллект с рождения до смерти не содержит в себе ничего реального — он всего лишь является отображением нашего бывшего существования между смертью и новым рождением.

Вот он ключ не только к проблемам познания, но и к проблемам культуры. Конфигурация новейшей культуры, зависящей от интеллекта, предстает со всей очевидностью, если знаешь, что это культура выхолощенной формалистики, лишенной собственного субстрата, оторванной от какой-либо реальности, а в наши дни — еще и от реальности духовной. Ведь материализм — это духовная культура: ее инструментом является более чем рафинированное мышление, даже когда значение мышления отвергается и человек становится убежден-

ным материалистом. По сути, материалистические идеи в высшей степени остроумны, но они не ведут ни к чему, кроме заблуждений. Это исключительно культурологическая конструкция мира, а не его подлинные реалии.

Попробуйте выработать в себе такой взгляд на вещи, хотя это трудно сделать. Освоиться же с образами в пространстве не составляет труда. Стоя перед зеркалом, вы понимаете, что видите в нем отражение самого себя. Но у нас речь идет об отражении во времени: интеллект отражает ваше минувшее существование. Ваше тело — своего рода зеркало, только отражает оно не пространство, а время — вашу жизнь до земного рождения. При этом в такое интеллектуальное отражение минувшего существования постоянно проникают ваши сенсорные восприятия и смешиваются с ним. Поэтому не возникает ощущения постоянного отеснения назад, в прошлое. Человек живет в настоящем. Но, если при помощи упражнений, описанных в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?», реально отрешиться от сенсорных восприятий и окунуться в этот поток живых образов, то можно фактически перенестись в предсуществование — в жизнь до земного рождения. Тогда предсуществование становится чем-то пережитым на собственном опыте. Ведь вся картина предсуществования находится в нас самих. Надо только пробиться к определенному прозрению, и вся картина предсуществовавшего предстанет нашему духовному взору.

По сути, это доступно любому, если он не впадет в другую крайность — не погрузится в здоровый

сон, когда все сенсорные восприятия отключатся. Хотя в большинстве случаев именно так и происходит: ведь с отключением сенсорных восприятий выключается и мышление. Но если с отключением работы органов внешних чувств мышление не теряет своей активности — его взор устремляется не в мир пространства — его временам его жизни между последней смертью и нынешним рождением. Сначала увиденное выглядит не вполне отчетливо, но при этом ты знаешь, что перед тобой мир, в котором ты пребывал между смертью и новым рождением. Поистине, возможность такого реального созерцания зависит исключительно от умения не засыпать, когда сенсорные восприятия подавлены, а мышление сохраняет свою активность, даже не опираясь на помощь органов внешних чувств и наличие сенсорных восприятий.

Научившись указанным образом созерцать сквозь призму своего тела собственное предсуществование и продолжая упражняться дальше, мы приближаемся и к конкретным структурам духовного мира, возникающего перед нашим духовным взором. Там нас встречает нечто противоположное предыдущему. Здесь мы живем в пределах физического мира. А там мы уже не выдавливаем из нашего тела присущие ему галлюцинации. Там, оставив тело, мы переносимся в собственное предсуществование, где вбираем в себя духовную реальность. Мир, погруженный, как и мы сами, в галлюцинации, мир, реалии которого становятся нам доступны, там воспринимается нами теперь не в форме галлюцинаций, а в форме имагинаций. Так

что, восходя к духовному созерцанию, мы воспринимаем имагинации.

Разумеется, к числу распространенных благоглупостей относится, например, такое возражение современных ученых против антропософии: «Данные антропософии могут быть всего лишь галлюцинациями и отличить одно от другого попросту невозможно». Хотелось бы порекомендовать таким ученым получше ознакомиться с методологией антропософии: там проводится вполне четкая и точная граница между галлюцинациями и имагинациями.

А что же располагается между ними? Я обратил ваше внимание, с одной стороны, на облаченность человека в плоть с рождения до смерти, а с другой — на его духовное облачение в период между смертью и новым рождением. Посредником служит душевное начало. Духовное вступает в физическое бытие благодаря душевной жизни, а пережитое на физическом плане, в свою очередь, благодаря душевному началу вносится через смерть в начало духовное. Душевное начало — посредник между телом и духом.

Тело само по себе поставляет галлюцинации — внедряет их в наше сознание. Дух сам по себе — источник имагинаций. А душа, посредник между обоими, сама по себе не является поставщиком неправоммерно вытесненных из тела галлюцинаций, да и духовные реалии находятся вне пределов ее досягаемости; она проявляет себя в размытом поле безудержных фантазий. Так что можно сказать: автономная активность тела (ей не место в жизни между рождением и смертью) — это источник не-

правомерного, аномального феномена галлюцинаций. Автономная активность духа, покинувшего тело и вступившего в сферу духовных реалий, порождает имагинации. Душа с ее безбрежными, безудержными фантазиями — это посредник между галлюцинациями и имагинациями.

Тело само по себе:

Душа сама по себе:

Дух сам по себе:

галлюцинации

фантазии

имагинации

Описывая такие процессы, мы касаемся чего-то реального. И, напротив, интеллектуальное мышление представляет собой только отображение нашей душевной жизни до момента земного воплощения: отображение исключительно имагинативной жизни, всплывающее из элемента галлюцинаций. Однако в нашей интеллектуальной жизни ничего реального нет. Мы являем собой нечто нереальное, когда погружаемся в процесс размышления: мыслить — значит слиться с отражением. Но без этого невозможно стать свободным. Свобода человека основана на нереальности нашего мышления в чистом виде. Зеркальное отражение не может служить причиной, не может ничего обусловить: оно только указывает на что-то, но само по себе ничего не определяет. Если бы мышлению был присущ элемент реальности, никакой бы свободы не существовало. И поскольку мышление является только отражением, то ваша жизнь с рождения до смерти становится школой свободы именно в силу виртуальной природы мышления. Жизнь в свободе не должна быть чем-то детерминированной.

А вот жизнь в фантазиях, наоборот, не полностью свободна: она реальна в той же мере, в какой реальна жизнь представлений. С умозрительной точки зрения ощущаемая нами внутренняя свобода иллюзорна: однако если на основе чистого мышления мы развиваем волю к свободному деянию, то в чистом мышлении ухватываем реальность «за кончик хвоста». И только там, где мы самостоятельно, опираясь на собственную мыслительную субстанцию, вдыхаем реальность в нужную мыслеформу, возможно свободное деяние. Именно это я хотел в чисто философской форме представить еще в 1893 году в своей книге «Философия свободы» — как фундамент для всего последующего. Это и станет отправной точкой наших завтрашних изысканий.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 2 июля 1921 г.

Продолжим затронутую вчера тему. Но вначале я повторю то, что большинству из вас хорошо знакомо. Когда человек проходит через врата смерти, его физическое тело передается силам Земли; эфирное тело растворяется в космических силах, и человек продолжает свое существование между смертью и новым рождением в иных сферах. Я уже говорил, что на примере самого человека можно проследить работу тех формообразующих сил, которая переносится из одной жизни в другую. Мы ведь знаем, что человек представляет собой трехъярусное существо с тремя самостоятельными органическими системами. В связи с формообразующими силами я в первую очередь имею в виду физическое тело человека, его физический организм. Он оснащен сенсорно-нервной системой, которая, хотя и сосредоточена по всему телу, но главным образом локализована в голове; он оснащен также ритмическим организмом, управляющим ритмами

дыхания и циркуляции крови; кроме того, он оснащен системой обмена веществ и системой конечностей. Мы объединяем эти две системы в одну, ибо движения человека органически связаны внутренним образом с обменом веществ.

Как известно, голова каждого человека сформирована по-своему. Формообразующие силы головы (понятно, что необходимо принимать во внимание не физические субстанции, а именно силы формообразования, — те, что придают голове ее физиогномическую выразительность, ее френологический облик) — это силы системы конечностей и системы обмена веществ, действовавшие в предшествующей инкарнации человека и кристаллизовавшиеся в его нынешней инкарнации. Значит, голова — это видоизмененные, претерпевшие метаморфозу система обмена веществ и система конечностей из предыдущего воплощения человека. А формообразующие силы нашей нынешней системы обмена веществ и системы конечностей подлежат грядущей метаморфозе — они построят нашу голову в следующей нашей инкарнации. Так что при помощи разработанного учения о метаморфозе можно прямоком получить представление о системе обмена веществ и системе конечностей предыдущего воплощения, отталкиваясь от формы нынешней головы, и, наоборот, отталкиваясь от современной системы конечностей и системы обмена веществ, можно прозревать структуру головы нашего следующего воплощения.

Истина о повторных земных жизнях, играющая столь важную роль в духовной науке, да и в других духовных течениях всех времен, взята не

с потолка — всякий, кому понятно подлинное устройство человека, может ее непосредственно вычитать в самом этом устройстве. Беда только в том, что современное направление науки предельно далеко отклонилось от изысканий, необходимых для понимания существа человека. Чисто внешнее анатомическое и физиологическое исследование человека приводит только к глупейшим результатам, ибо печень исследуется точно так же, как, допустим, легкие. Ведь для патологоанатома печень представляет собой нечто равноценное легким: оба органа равным образом построены из клеток. И выхода из этого замкнутого круга не предвидится: при современном чисто внешнем подходе столь разнородные органы, как легкие и печень, представляют собой просто разные конфигурации клеточных тканей.

Если и вправду хочешь выявить различие между внутренними органами человека, необходимо применить подходящую методику. Методы, описанные в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?» (я только повторяю то, о чем я говорил прошлой осенью в публичных лекциях)¹, позволяют повысить возможности человеческого познания — того самого общепринятого познания, инструментом которого служит наше сенсорное восприятие окружающего мира и интроспективный взгляд на собственный внутренний мир, то есть мир наших мыслей, чувств и волеизъявлений. И когда мы расширим наше познание, насколько это позволяют приводимые в этой книге и в других местах упраж-

¹ См.: ПСС. Т. 322 («Границы природопознания»).

нения, то в первую очередь изменится наш взгляд на окружающий мир. Причем сразу же станет ясно, что говорить об атомах в духе современных воззрений — это полная бессмыслица. То, что скрывается за покровом сенсорного восприятия мира красок, звуков и так далее, — является не колебаниями, а духовными сущностями. По мере продвижения человека по пути высшего познания внешний мир все более открывается ему в своей духовности. Так что перестаешь принимать всерьез те конструкции, которые вытекают из химических и прочих представлений. Когда высшее познание раскроет нам устройство окружающего мира — весь атомизм исчезнет без следа. За покровом чувственно воспринимаемых явлений скрывается духовный мир. И наоборот, когда мы при помощи такого расширенного познания глубже заглядываем в собственный внутренний мир, перед нами предстает отнюдь не то сумбурное мистическое зрелище, о котором у нас шла речь вчера (и которое, по сути, является чем-то переходным и потому оправданным в указанном вчера смысле), а подлинное устройство внутренних органов, познаваемое на психическом уровне. Мы реально познаем наше внутреннее устройство. И тогда как расширенное познание, направленное в сторону внешнего мира, все больше спиритуализируется — познание, направленное в сторону нашего внутреннего мира, поначалу приобретает материалистические черты. Устремляясь познанием в сторону мира внутреннего, становишься подлинным духовным исследователем внутренних органов человека, а отнюдь не превращаешься в расплывчатого мистика. Проникаешь в иерархическое много-

образии внутренних органов. В духовный мир не проникнешь иначе, как на окольном пути — через созерцание нашей внутренней материальности. На этом обходном пути становится вполне доступным конкретное познание наших легких, печени и так далее, а вовсе не сумбурная духовная экзальтация обычного мистика.

В целом подробно изучаешь устройство души. И первым делом необходимо избавиться от предрассудка, будто душевное начало подчинено нервно-чувственному аппарату. Ему подчинен только мир наших представлений, а наш эмоциональный мир — уже нет. Он напрямую соотнесен с нашим ритмическим организмом. А мир воли соотнесен с системой обмена веществ и системой конечностей. Каждое наше волевое усилие оказывает определенное динамическое воздействие на нашу систему конечностей и систему обмена веществ. А наша нервная система предназначена только для того, чтобы мы получали представление о происходящем в сфере нашей воли. Как я часто уже говорил, нет никаких двигательных нервов; разделение на моторные, или двигательные, и сенсорные, или чувствительные, нервы — полная бессмыслица. Все нервы однородны, так называемые «волевые», или двигательные, нервы служат исключительно внутреннему восприятию волевых процессов; по сути, это те же сенсорные нервы.

Конечным результатом подобного рода исследования должен стать целостный подход к изучению человеческого организма. Вашему интроспективному взгляду предстает поверхность отдельных внутренних органов — легких, печени и так далее.

И эта поверхность — не что иное, как зеркало, отражающее вашу душевную жизнь. Воспринятое нашими органами внешних чувств и переработанное нашим мышлением отражается совокупной поверхностью наших внутренних органов, и это отражение представляет собой нашу память, наши воспоминания, накопленные во время жизни. Воспоминание возвращает нам воспринятое и переработанное нами, — возвращает после того, как оно отражается (то есть отбрасывается обратно) от поверхности нашего сердца, наших легких, нашей селезенки и так далее. Нетрудно заметить и без особой подготовки, как определенные мысли отражаются от самых разных внутренних органов. Когда, к примеру, необходимо припомнить очень абстрактную мысль, то в высшей степени бывает задействована поверхность легких. А в случае более эмоционально окрашенной мысли, выражающей оттенки настроения, сильно бывает задействована поверхность печени. В общем, можно во всех подробностях описать роль каждого из внутренних органов в этом обратном отражении, которое мы воспринимаем как свою память, как возможность воспоминания. Принимая во внимание все многообразие проявлений душевного начала человека, не следует утверждать, что только нервная система представляет собой некий параллельный организм для душевной жизни, — им является весь организм человека.

По этой части многие инстинктивные познания, бытовавшие в старые времена, были попросту потеряны. Они сохранились еще на вербальном уровне в отдельных словосочетаниях, но мудрость

таких выражений уже не воспринимается ныне. Например, навязчивое депрессивное состояние древние греки называли ипохондрией, то есть «подреберьем», окостенением в нижней части тела, модифицированное отражение от которой вызывало у больного муки ипохондрии. И в аналогичных случаях, когда речь идет о проявлениях душевной жизни человека, всегда следует помнить, что к ней причастен весь организм.

Итак, наша способность к воспоминаниям связана с поверхностью наших внутренних органов. Наши душевные переживания как бы «ударяются» о поверхность внутренних органов и отражаются ими, что становится опорой нашей памяти. Но ведь не все отражается нашим организмом — нечто проникает и внутрь органов. В нормальной жизни оно трансформируется, преобразуется и затем выделяется наружу. Это по большей части относится к нашим эндокринным органам — к железам внутренней секреции: именно там во время нашей жизни в первую очередь проходит трансформацию то, что подлежит воздействию соответствующих сил. Но не все преобразуется и выделяется подобным образом в процессе органического обмена веществ: внутренние органы поглощают и нечто такое, что остается там, пребывая в латентном состоянии, и вырабатывает определенную внутреннюю силу. Взять, к примеру, все те мысли, которые мы больше связываем с внешним миром, составляя образы внешних предметов: силы, развиваемые подобного рода мыслями, как бы аккумулируются внутри наших легких. Как известно, внутреннее состояние наших легких активизиру-

ется благодаря обмену веществ, благодаря движениям наших конечностей, и эти силы преобразуются таким образом, что с рождения и до смерти наши легкие становятся своего рода резервуаром сил, в которых непрерывно задействована система обмена веществ и система конечностей. И когда мы умираем, запас этих сил сохраняется. Физическая материя, разумеется, отпадает, но сами эти силы не утрачиваются — мы проносим их с собой за порог смерти, и они остаются с нами в течение всего периода жизни между смертью и новым рождением. А когда мы вступаем в новую инкарнацию, то как раз силы, находившиеся в наших легких, преимущественно и формируют извне нашу голову, что внешне выражается в физиогномическом облике нашей головы. То, что является предметом френологических исследований — особенности внешней формы нашей головы, — имеет своим прообразом внутреннее содержание легких в период нашей предыдущей инкарнации.

Так можно совершенно конкретно проследить трансформацию сил из жизни в жизнь. И тогда перед нами предстают не просто абстрактные истины, а вполне конкретные подробности вплоть до физических деталей. И духовная наука только тогда представляет подлинную ценность, когда проникает в такие подробности. Когда в общем виде говорится о повторных земных жизнях — это пустые слова. И только когда проникаешь в отдельные частности — слова приобретают значение.

Если утрачивается контроль над тем, что складывается в легких для формирования нашей головы в будущей инкарнации, то оно преждевременно

выдавливается, как из губки (я говорил об этом вчера), и тогда возникают те аномальные явления, которые принято называть навязчивыми идеями или обманом чувств. Любопытнейшую главу продвинутой физиологии могло бы составить изучение тех причудливых представлений, которые возникают у больных на последней стадии легочного заболевания. И это связано с тем, что мы как раз обсуждаем, — с выдавливанием мыслей. Такие мысли становятся навязчивыми по причине того, что уже несут в себе формообразующую силу. Наши обычные мысли не должны обладать такой силой — они должны быть всего лишь отображениями реальности, а значит, не должны ни к чему нас принуждать. Длительный период между смертью и новым рождением они являются силой, вызывающей формирование будущей головы, и тогда их воздействие бывает принудительным; но в настоящем они не должны быть навязчивыми — им надлежит проявлять свою силу только при переходе из одной жизни в другую. В этом ключ ко всей проблеме.

Когда мы сходным образом исследуем печень, тогда обнаруживается следующее: внутри печени концентрируются силы, которые в следующей инкарнации руководят внутренней структуризацией мозга. Итак, снова на обходном пути — через систему обмена веществ нынешнего организма — внутренние силы печени употребляются на этот раз для внутренней структуризации будущего мозга, а не для формообразования будущей головы, как в случае легких. Острота мысли в следующей инкарнации зависит от особенностей человека в нынеш-

нем воплощении. Так что на обходном пути — через систему обмена веществ — в печени возникают определенные силы, и, если эти силы как бы выдавливаются из нее в нынешнем воплощении, это ведет к появлению галлюцинаций или ярких видений.

Как видите, то, что вчера было обрисовано в общих чертах, сегодня обретает у нас вполне конкретные формы: как в результате вытеснения сил из определенных внутренних органов в сознание человека проникают галлюцинации, давая о себе знать уже в нынешней инкарнации. Таким образом, нашему восприятию становится доступно то, чему надлежит быть перенесенным из данной инкарнации в другую.

Исследуя аналогичным образом связанное с почечной системой, мы обнаруживаем в ней концентрацию тех сил, которые больше влияют на эмоциональную сторону устройства головы человека в его следующей инкарнации. Органы выделения — почечная система — подготавливают для будущей инкарнации (однако обходным путем — через устройство головы) то, что в самом широком смысле можно называть задатками темперамента. Будучи вытесненными в нынешней инкарнации, эти силы вызывают признаки нервного состояния, обусловленного внутренним возбуждением человека — тревожные, то есть ипохондрические, депрессивные, состояния, а также все те состояния, которые особенно связаны с данной стороной обмена веществ. Фактически все, что скорее относится к эмоциональной памяти, связано также и с отражением от почечной системы. Отражения же от

легких и от печени представляют собой воспоминания в более мыслительной форме — представления без эмоциональной окраски. Что касается почечной системы, то с ней связаны устойчивые привычки данной инкарнации — вот почему, как было сказано, внутреннее почечной системы — на обходном пути внутреннего устройства будущей головы — закладывает для будущей инкарнации задатки темперамента в широком смысле этого слова.

Исследуем в этом же духе устройство сердца, которое с духовнонаучной точки зрения представляет собой в высшей степени интересный орган. Как известно, банальная расхожая наука безмерно облегчила себе изучение сердца: она видит в нем только насос, который гоняет кровь по всему телу. Трудно представить себе что-то более бессмысленное, ибо сердце вообще не имеет ничего общего с таким предназначением: кровь приводится в движение благодаря активности астрального тела и «Я», а сердце только рефлексивно отображает это движение. Движение крови — это проявление ее собственной активности, а сердце только рефлектирует, то есть отображает динамику сил, вызывающих движение крови. Фактически сердце — это всего лишь орган, отображающий движение крови; к самому движению крови сердце совершенно не причастно. Современные естествоиспытатели прямо-таки звереют, когда слышат об этом. Помнится, много лет назад — в 1904 году или 1905-м — во время поездки в Стокгольм я заговорил на эту тему с одним просвещенным врачом, и тот пришел прямо-таки в бешенство при мысли о том, что сердце не следует трактовать как насос

и что кровь приходит в движение благодаря собственной витальности, а сердце всего лишь как бы вмонтировано в русло кровотока и потому опосредованно воспроизводит пульсацию крови.

В целом сердце отражает то, что уже не является просто воспоминанием или привычкой, — отражаясь от внешней стенки сердца, сама наша жизнь спиритуализируется, ее проявления одухотворяются. Ибо то, что отражается поверхностью сердца, есть не что иное, как укусы совести. На это надо взглянуть со стороны психики: укусы совести, проникающие в наше сознание, — это те наши переживания, которые отразились в зеркале нашего сердца. Этому учит нас духовное познание сердца. Кроме того, духовному взору открывается, что в сердце концентрируются также силы всей системы обмена веществ и системы конечностей. И поскольку все, связанное с силами сердца, спиритуализируется, то спиритуализируется и то, что связано с нашей внешней жизнью, с нашими действиями. И сколько бы парадоксально это ни выглядело, сколько бы ни резало слух современного образованного человека, верным остается то, что силами сердца приготавливаются кармические задатки человека, предпосылки его кармы. Нет ничего глупее видеть в сердце простой насос: сердце — это орган, который при помощи системы обмена веществ и системы конечностей переносит в следующую инкарнацию то, что как раз и называется кармой.

Как видите, каждый из наших внутренних органов требует особого подхода, и лишь тогда раскрываются их взаимосвязи с нашим существованием за пределами рождения и смерти; духовному

взору открывается человек во всей его полноте. Говоря о процессе посмертного преобразования органов, приходится исключить из их числа нашу голову: по ходу такой трансформации организма она попросту отбрасывается — ведь она была построена силами предшествующей инкарнации. Зато четыре главных внутренних органа, сосредоточенные в туловище — легкие, почки, печень и сердце, — располагают формообразующими силами и строят в следующей инкарнации нашу голову со всеми ее задатками. И нам надлежит разыскивать в наших внутренних органах те силы, которые переносят в нашу будущую инкарнацию то, что мы делаем сейчас.

Обмен веществ — это совсем не то, что бродит и варится в пробирке нынешнего физиолога. Чтобы запустить в действие процесс обмена веществ, достаточно только сделать шаг ногой или шевельнуть пальцем. Причем обмен веществ — это не просто химический процесс, который может быть изучен посредством физиологии: он окрашен морально и этически. И этот моральный элемент фактически складывается в сердце и переходит в следующую инкарнацию в качестве кармических сил. Исследовать человека во всей полноте — значит найти в нем силы, действие которых выходит за пределы единичной земной жизни. Наша голова, по сути, представляет собой шар. Конечно, на земле эту шарообразную форму надо рассматривать вкуче с остальным организмом. Однако наша голова — это целиком и полностью детище космоса. Пройдя врата смерти, мы должны приспособлять свой организм (вернее, его духовно-душевный остаток) к

космическим условиям. Весь космос служит тогда нашим восприемником. И вплоть до того момента времени, когда нами уже пройдена приблизительно половина пути между двумя инкарнациями (в одной из моих драм-мистерий я назвал этот момент полуночным часом бытия), мы как бы все время расширяемся в окружающем нас мире. Медленно и постепенно мы сливаемся с окружающим миром. И то, что мы при этом эмануем в окружающий мир, определяет конфигурацию астрального и эфирного тел, которые будут у нас в следующей инкарнации.

Астральное тело и эфирное тело ребенка — вот чем со стороны космоса ограничивается роль матери, а роль отца и сам процесс оплодотворения определяют конфигурацию физического тела и характер «Я» новорожденного. Это «Я» по истечении полуночного часа бытия переходит в своем тогдашнем состоянии в совершенно иначе организованный мир — в тот мир, где дальнейший путь определяется принципом отца. Это необычайно важный процесс. На самом деле между смертью и новым рождением два отрезка времени — до и после наступления полуночного часа бытия — качественно различаются между собой. Я уже касался этого в моем венском цикле лекций 1914 года¹. С внешней стороны этот процесс выглядит так, что на первом отрезке (вплоть до наступления полуночного часа бытия) «Я» человека больше тяготеет к космосу, подготавливая там то, что впоследствии на око-

¹ Цикл лекций «Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением» имеется в книге: Штайнер Р. Между смертью и новым рождением. Ереван: Лонгин, 2012.

ном пути — через материнское тело — вступает в новую инкарнацию. А с полуночного часа бытия и вплоть до нового рождения «Я» человека переходит в то, что в древних мистериях называлось Нижним миром, пересекая который оно приближается к моменту оплодотворения: тогда благодаря союзу матери и отца объединяются оба полюса — исходящее из Верхнего мира и мира Нижнего.

То, о чем я сейчас говорю, в стародавние времена составляло львиную долю содержания египетских мистерий. Ведь египетские мистерии были специально направлены на то, чтобы привести человека к познанию богов Верхнего мира и богов Нижнего мира. Можно сказать, что в процессе оплодотворения осуществляется уравнивание двух полюсов, — Верхнего и Нижнего миров, — причем между смертью и новым рождением человеческое «Я» сначала пересекает Верхний мир, а затем Нижний. В древние времена с понятием Верхнего и Нижнего миров еще не связывали, как в наше время, оценочных, моральных суждений. Для современного же человека Верхний мир всегда связан с добром, Нижний — со злом. А первоначально это были просто два полюса, задействованные в устройстве мироздания, без всякой моральной нагрузки. Верхний мир тогдашним человеком воспринимался скорее как мир света, а Нижний — скорее как мир тяжести: противоположность света и тяжести внешним образом лучше выражала положение вещей. Как видите, тут важен конкретный подход.

Я говорил вам о том, как процесс выдавливания субстанций из внутренних органов (особенно

из системы печени) может привести к появлению галлюцинаций. Но когда вытесняется содержащееся в сердце, представляющее собой, по сути, сумму определенных сил, то в сознание вступает то, что является предпосылкой изживания кармы в следующей инкарнации. Это изживание кармы можно сравнить с голодом и насыщением.

Процесс этот надо понимать следующим образом. Для начала будем отталкиваться от повседневного мировоззрения. Выберем наглядный пример: женщина встречает мужчину и влюбляется в него. Но это все равно что вырезать из «Сикстинской мадонны» крохотный фрагмент — например, пальчик Младенца Иисуса — и заменить этим фрагментом всю картину. В этом случае вы видите только часть и не воспринимаете целого. Ровно так же обстоит дело и с данным фрагментом жизни: женщина встретила мужчину и влюбилась в него. Однако для полноты картины следует вернуться к предшествовавшим обстоятельствам. Прежде чем встретить данного мужчину, женщина находилась в другом месте, а перед этим — еще где-то и так далее. Причем эти перемещения с места на место логически обоснованы. Истинные причины, конечно, находятся в подсознании, но эти отдельные действия сами по себе разумны и внутренне оправданны; при желании можно проследить всю цепочку вплоть до самого детства. Не ставя это женщине в упрек, можно сказать, что она с самого начала целенаправленно проходит весь путь, завершающийся данным событием.

Сызмальства человек алчет деятельности и не останавливается вплоть до полного пресыщения

ею. Тяга к определенному кармическому событию — всего лишь результат этого по своей природе духовного алкания: человек как бы гоним духовным голодом. В человеке присутствуют детерминирующие кармические силы, не исключаящие, однако, его свободы, проявляющейся в других областях. Эти силы заключены в человеке. Силы, оборачивающиеся такого рода голодом и приводящие к кармически обусловленному событию, концентрируются в сердце. Будучи вытесненными оттуда, они уже в этой жизни вступают в сознание человека (вернее, так и остаются в сердце, но при этом проникают в сознание), где и создают свои отображения, которые вызывают буйное помешательство.

Буйное помешательство (и в этом можно убедиться на реальном материале) — это, по существу, не что иное, как преждевременное, то есть еще при нынешней жизни, вторжение кармических сил, предназначавшихся для следующей инкарнации. Представьте, насколько изменится картина мира, если принимать во внимание подобные взаимосвязи! Конечно, при виде буйно помешанного или мнимого испанского короля хочется воскликнуть: «На месте Господа Бога я все устроил бы лучше!» И тогда возникает вопрос: а зачем Господь сотворил буйное помешательство?

Для возникновения буйного помешательства есть убедительные причины: ведь на свете все что угодно может находиться не на своем месте. И случается это всегда при активном воздействии люциферических сил: любое преждевременное появление чего-то происходит под эгидой люциферических сил. В данном случае преждевременное

проявление кармических сил будущей инкарнации вызывает в человеке буйное помешательство. Как видите, изучая психические отклонения, встречающиеся в этой жизни, можно со всей наглядностью исследовать то, что бывает припасено для будущего воплощения.

Но надо представлять себе ту огромную разницу, которая существует между тем, что во время нынешней жизни поконится в нашем сердце, и тем, во что все это превратится после длительного развития между смертью и новым рождением, когда оно станет определяющим фактором внешнего поведения человека в его новом воплощении. Ибо, всматриваясь в глубину своего сердца, где все это пока пребывает в латентном, не оформившемся образе, вы можете достаточно ясно предугадать, чем займетесь в следующей жизни. Так что можно не просто в общих чертах провозглашать абстрактный тезис о том, что карма будущей жизни готовится уже в настоящем, а как бы пальцем указать на ту шкатулку, в которой хранится карма вашего будущего. Подлинная духовная наука требует именно такого конкретного подхода.

Представьте только, какое огромное значение приобретут подобные познания, когда станут общепризнанными и будут включены в систему обязательного образования. Можно ли полноценно изучать заболевания печени, сердца и так далее, если не знать самого главного — предназначения этих органов! Но современная медицина не знает этого. Она не находит истинной взаимосвязи между феноменом галлюцинаций и, допустим, почечной системой, так как не видит разницы между гал-

люцинациями, связанными с печенью (которые просто вступают в сознание, где спокойно присутствуют) и теми галлюцинациями, которые навязчиво внедряются в сознание и от которых хотелось бы отделаться, — именно они исходят от почечной системы. Это тревожащие галлюцинации, связанные с эмоциональным возбуждением и затрагивающие темперамент человека. Опираясь на такую дифференцированную симптоматику, можно диагностировать гораздо надежнее, чем это удастся при нынешней методе. Чисто внешняя диагностика весьма менее результативна по сравнению с той, что базируется на знании истинных причин подобных явлений¹.

Кроме того, внутренние органы человека связаны со стихиями внешнего мира. Я уже говорил, что наша легочная система в качестве внутреннего органа содержит в подавленном виде навязчивые идеи, а также восприятия внешних вещей. Совершенно иначе ведет себя по отношению к внешнему миру наша печень. Благодаря тому, что легкие хранят, можно сказать, мыслительный материал, они устроены совершенно иначе: они преимущественно связаны со стихией земли, с земным эле-

¹ Андрей Белый рассказывает о таком случае: «Однажды при мне, разбирая рисунки одной художницы, он [Р. Штайнер] окрыленных бегемотов, световые образования и демонических драконов превращал в картину физических органов — печени, горла, желудка, какими они выглядят не как равновесие физического комка, а как динамика эфирного ритма (в фантоме)... Закрывая альбом с рисунками ученицы, доктор, взволнованный взволнованностью своей ученицы, которой он открывал Америку, сказал: «Так вот человек сперва научается видеть себя со стороны, а потом научается овладевать увиденным» (Белый А. Воспоминания о Штайнере, глава 2, подглавка 23).

ментом. А печень, главный поставщик спокойных галлюцинаций и призрачных видений, связана со стихией воды, с водным элементом. Что касается системы почек, то она, как бы парадоксально это ни звучало, связана с элементом воздуха. Обычно считают, что с элементом воздуха связаны легкие, однако в качестве внутреннего органа они связаны с элементом земли, хотя и не только с ним одним. И, напротив, с элементом воздуха в качестве внутреннего органа связана как раз почечная система. Система же сердца, опять-таки в качестве внутреннего органа, связана с элементом тепла: она вся построена из него. К тому же тепло (этот самый духовный из элементов) вплетает в тончайшие структуры нашего теплового организма наши кармические предрасположенности¹.

И опять-таки, если поставить человека во всей его полноте в связь с окружающим миром, то можно сказать: легкие особо связаны с окружающим миром через элемент земли, печень — через элемент воды. И если учесть «земные» особенности растений, то можно отыскать лекарства самого широкого профиля от болезней легочного происхождения. А применение растительных соков (всего, что преиму-

¹ По-видимому, речь идет о «топографии» человеческого тела, то есть о расположении внутренних органов относительно вертикальной (позвоночник) и горизонтальной (диафрагма) осей нашего тела. Распределение четырех стихий на поверхности Земли соответствует расположению четырех систем внутренних органов человека (вернее, расположение внутренних органов отображает топографию четырех элементов Земли). Схема такого распределения элементов (ось «сухость — влажность» и ось «тепло — холод») приводится на с. 78 в: Штейнер Р. Всемирная история в свете антропософии. М.: Новалис, 2002.

щественно относится к циркуляции соков в растении) может стать целебным средством от болезней, связанных с печенью. В результате изучение взаимодействия внутренних органов человека с окружающим миром может на деле стать также и основой рациональной терапии.

Наша современная терапия — просто свалка случайных эмпирических наблюдений. К подлинной рациональной терапии можно прийти только тогда, когда указанным образом начнешь исследовать взаимодействие мира внутренних органов человека с окружающим нас миром. Тогда вообще придется преодолеть сладострастную тягу к субъективной мистике. Вряд ли продвинешься дальше знаменитых «искорок Божиих» Мейстера Экхарта, если предаваться похотливой тяге к прекрасным внутренним видениям и не желать пробиться через их покров к конкретному устройству внутренних органов, а значит, и к реально действенным терапевтическим познаниям. Ведь реальные терапевтические познания можно добыть только на пути подлинной мистики, конкретно раскрывающей внутреннее устройство человека. И как проникновение во внутреннее строение человека позволяет нам этим окольным путем исследовать то, что переходит из одной инкарнации в другую, точно так же изучение внешнего мира дает нам возможность проникнуть через его покров к миру духовному. И тогда мы вступаем в мир духовных иерархий, который открывается нам не окольным путем внутренней мистики, а посредством углубленного созерцания внешнего мира. На этом пути обретаешь и то, что поначалу можно выразить только

при помощи аналогии, хотя это не просто аналогия — она имеет глубокий подтекст.

В прошлый раз мы вычислили количество вдохов-выдохов, или дыхательных оборотов, в течение суток. Исходя из 18 оборотов в минуту, у нас получилось 60 по 18 в час, а за сутки — 25 920 таких оборотов. Другим ритмом в жизни человека является сам суточный ритм. При утреннем пробуждении мы как бы «всасываем» наше астральное тело и «Я» в свое физическое и эфирное тело. Это тоже своего рода процесс дыхания. Утром мы вдыхаем, а вечером выдыхаем свое астральное тело и «Я», совершая таким образом один оборот в течение суток. За год получается 365 таких оборотов дыхания. И если взять усредненную продолжительность жизни человека — 72 года, — то получим те же 25 920. Частные случаи большей или меньшей продолжительности жизни не меняют среднестатистического результата. Значит, принимая одно засыпание и одно пробуждение в течение суток за один дыхательный цикл, или один оборот дыхания, получаем в течение жизни ровно столько таких вдохов и выдохов астрального тела и «Я», сколько обычных дыхательных оборотов совершается в течение суток. А в течение жизни вы совершаете ровно столько же таких дыхательных циклов, при которых вдыхается и выдыхается ваше астральное тело и ваше «Я». Эти ритмы находятся в полном согласии друг с другом и наглядно демонстрируют, каким образом человек вписан в окружающий мир: суточный цикл от восхода Солнца до заката соответствует циклу внутреннего восхода и заката Солнца жизни, охватывающему период с рождения до смерти.

Как видите, человек вписан в структуру всего космоса. И в заключение мне хотелось бы сегодня предложить вам одну тему для размышления и медитации. Современная наука рисует следующую картину мира: в процессе становления мира некогда возникла наша Земля; и однажды, подчиняясь закону энтропии, она претерпит тепловую смерть. Нынешнее коперниканское мировоззрение (вернее сказать, современное модифицированное коперникианство) принимает в расчет только силы, сотворившие первозданное облако тумана, а человеческое существование тут совершенно ни при чем: по сути, оно что-то вроде пятого колеса в телеге. Ни геолог, ни астроном не принимают во внимание существование человека. Им даже в голову не приходит видеть в человеке источник грядущего мироустройства. Человек остается пятым колесом в телеге, несмотря на то что он всюду присутствует в становлении мира. Но для ученого это становление протекает само по себе, а существование человека — само по себе. Однако вообразим следующее.

Все становление мира, включая Землю, приходит к концу и теряется в даях пространства.

Мировое бытие завершено, и причины всего, что будет в грядущем происходить на мировой арене, сокрыты внутри человека: будущее внешнее становление мира — следствие этих причин. А наш нынешний мир — следствие того, что было сокрыто внутри человека в прадревние времена. Именно так обстоит дело в действительности. На это указывают и древние книги мудрости на свойственном им языке, об этом свидетельствует и изречение Христа «Небо и Земля прейдут, а слова Мои не прейдут». Все материальное разрушается — остается только рожденное душой и духом и облеченное в слова: оно продолжает существовать и после разрушения мира. Причины становления грядущего мира не откопать геологам: эти причины заложены в нас самих, во внутренних силах нашего организма, которые переходят в нашу следующую земную жизнь, а в дальнейшем претерпевают и другие метаморфозы. Так что будущее мира надо искать в самом человеке. А внешний вид мира полностью преходящ.

Девятнадцатое столетие соорудило настоящую баррикаду против познания мира — закон сохранения энергии: окружающие человека силы только трансформируются друг в друга. Но эти силы прейдут и исчезнут. Ничего более ложного, чем закон сохранения энергии, просто невозможно придумать. Он на самом деле низводит человека к роли пятого колеса в телеге мироздания. Однако истина не за этим законом, а за изречением: «Небо и Земля прейдут, а слова Мои не прейдут». Формула закона сохранения энергии откровенно противоречит этому изречению. И когда в наше время пытаются

совместить веру в Библию с приверженностью теоретической физике — получается полная бессмыслица. Такая внутренняя нечестность разрушительна для культуры (по существу, она направлена против культуры), и нам надлежит преодолеть ее, если мы стремимся повернуть силы упадка и деградации в сторону духовного возрождения.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 3 июля 1921 г.

Ход наших размышлений приводит нас теперь к одному из основополагающих фактов, связанных с существом человека и его жизнью. Мы наталкиваемся на этот факт, когда более пристально всматриваемся в окружающий мир и обнаруживаем, что в нем всегда остается некая загадка, не позволяющая проникнуть к подлинному существу внешнего мира. Внешний мир предстает нам в своих проявлениях и феноменах, и даже, если не испытывать особой потребности в его познании, все же нетрудно допустить, что собственное существо окружающей нас реальности — мира красок, звуков, тепла и холода и так далее — скрывается по ту сторону всех этих явлений. Перед нами как бы распростерт покров, за которым сокрыто собственное существо реальности. С другой стороны, с аналогичной загадкой мы встречаемся в отношении внутреннего мира человека. В последние дни я указывал на то, как может быть раскрыта загадка внутрен-

Дорнах, 3 июля 1921 г.

них органов человека, если реально проникнуть в его внутренний мир. И все же обычное сознание с самого начала наталкивается на тот факт, что человеку не дано настолько глубоко проникнуть в свой внутренний мир, чтобы на деле прозревать природу собственных легких, печени и так далее (мы обсуждали это вчера). Эта двусторонняя загадка — загадка непознаваемости внешнего мира и загадка непознаваемости мира внутреннего — фактически разрешается познанием целостного по своей природе существа человека: одна сторона его проявляется с рождения до смерти, а другая — между смертью и новым рождением.

Рассмотрим сначала человека таким, каким он предстает пред нами от рождения до смерти. Для этого выберем следующий внутренний факт душевной жизни, связанный с обычной повседневной жизнью, — нашу способность запоминания. Вчера мы говорили, что память базируется на таком явлении, как отражение внешней стороной наших внутренних органов. Память представляет собой важную составляющую нашей душевной жизни: мне не раз уже доводилось указывать на то, как помрачение памяти пагубно сказывается на всей нашей нормальной жизни с рождения до смерти. Таких примеров много, и они достаточно хорошо изучены: литература по психологии переполнена описаниями подобных случаев. Так что сам факт такого помрачения достаточно известен, причем в меньшем масштабе такие случаи встречаются гораздо чаще, чем это принято думать. При этом не происходит ничего, выходящего за рамки того будничного ежедневного помрачения сознания, в

какое каждый из нас впадает с момента засыпания до пробуждения, хотя сами больные зачастую даже не подозревают этого. Однако подобное аномальное нарушение непрерывности сознания оказывает необычайно существенное воздействие на общее сознание личности больного. Человек больше не может оставаться в ладу с самим собой: с помрачением сознания в его жизнь проникает нечто ужасное. Отсюда вы можете заключить, насколько важно в повседневной жизни с рождения до смерти (состояние сна, разумеется, не в счет) сохранять непрерывность сознания.

Но ведь непрерывность сознания связана с памятью. Без памяти невозможно вести нормальную жизнь. Однако, продвигаясь по пути оккультного развития, сталкиваясь с неприятным явлением: на этом пути требуется развивать такого рода душевные силы, которые в момент духовного созерцания выключают обычную память. Пока функционирует обычная память, по сути, невозможно взирать в духовный мир. И обычно оккультные ученики жалуются, что с самого начала, как только им открывается картина духовного мира, они не могут удержать его в памяти. Дело в том, что созерцаемое — при условии, что это подлинное созерцание, а не галлюцинация, — ускользает от запоминания. Созерцаемое не может жить в памяти, ибо оно представляет собой нечто реальное. Я осматриваю кусок мела, и он оставляет след в моей памяти. Но если вас продолжает интересовать реальный кусок мела, вам надо опять вернуться к непосредственному восприятию этого куска мела, и тогда вам снова предстанет реаль-

ность. Воспоминание не может подменить собой реальность. Раскаленное железо может обжечь, но никакого ожога не возникнет, сколько ни вспомни жаркое пламя. И поскольку созерцание приводит вас к контакту с чем-то реальным, а не просто с призрачным образом, то вам приходится постоянно к нему возвращаться. Суть в том, что к реальному созерцанию всякий раз требуется возвращаться заново, а не просто вспоминать: подлинное созерцание — это истинное оккультное переживание, а не образ памяти, и снова вернуться к нему можно только обходным путем.

Нужно вспомнить, что, прежде чем достигнуть созерцания, вы много чего проделали в обычном сознании. Можно припомнить этапы пройденного пути вплоть до момента наступления созерцания. Созерцание не наступает произвольно, однако можно как бы заново повторить путь к нему. Многие неспособны учесть одного: они уверены, что созерцаемое можно вспомнить в обычном смысле слова. Итак, при оккультном развитии приходится в определенном отношении распрощаться с памятью. Это обязательно, без этого невозможно обойтись. Поэтому надо понимать: стремящийся к оккультному развитию должен в первую очередь получить гарантию того, что в повседневной жизни он останется разумным человеком, иными словами, сохранит здравый ум и твердую память без признаков какой-либо лжемистической экзальтации. Тот, кто погряз в обычной жизни, а также тот, кто витает в облаках, непригодны для оккультного развития. Надо овладеть способностью вспоминать во всех подробностях события минувшего дня —

только тогда можно решиться приступить к созерцанию, ибо для него такого рода памяти не существует. Предусмотрительность и осторожность, рекомендуемые оккультному ученику, следуют из самой природы явления. А для обычного сознания наличие памяти — это и вовсе норма жизни.

Теперь мне хотелось бы изобразить на схеме, как существо человека сопряжено с этим своим достоинством — с памятью. Я изображу это так (см. рис. на с. 107). Нарисованное мной в физической реальности отсутствует, но может быть воспринято в эфирном теле. Эта линия символизирует то, что, по сути, не локализовано в определенной части тела, поэтому нужно представить себе, что от головы, — а значит, и сенсорных органов с их чувственными восприятиями, — и вплоть до этой линии находится то, что расположено вне зоны наших внутренних органов. Эта линия схематически изображает внешнюю границу внутренних органов человека. По сути, это своего рода отражающая поверхность, за которой располагаются сердце, легкие, печень и так далее. Стрелки указывают направление отражения. Сама же эта линия символизирует человеческую память. При желании можно представлять себе следующее: внутри нас имеется некая кожа, разграничивающая эфирное и астральное тела друг от друга, но только она не имеет пространственного измерения, хотя на схеме этого иначе не изобразишь. Все воспринятое нами отбрасывается обратно силой внутренних органов, располагающихся за ней: в результате происходит отражение воспринятого. Но процесс отражения предполагает наличие определенной отражающей поверх-

ности, через которую мы не можем проникнуть своим обычным сознанием, — мы не можем взирать внутрь человека из-за наличия такой «кожицы» памяти. Память как бы прикрывает от нашего взора наши внутренние органы, ибо без такого прикрытия мы не смогли бы вести нормальную жизнь с рождения до смерти. Память как бы запирает для повседневного сознания доступ к нашим собственным недрам. Но если память прерывается и возникает разрыв (что бывает в ходе оккультного развития), мы тотчас же проникаем нашим взором в собственные внутренние органы, как я это описывал вам вчера.

Таков ответ на загадку о невозможности созерцательного проникновения в собственное нутро, в собственные недра. Наши недра должны оставаться прикрытыми, иначе придется распрощаться с нормальным образом жизни: ведь без памяти не проживешь. Итак, внутреннее содержание нашего существа окутано этой отражающей «кожицей» памяти, обернуто ее зеркальной поверхностью. Так решается эта жизненная загадка.

С другой стороны — со стороны внешнего мира — перед нами развернут покров чувственного мира, и наш взор не проникает за пределы этого покрова. Представим себе, что было бы, если бы нам это удалось: если бы не просто в каком-то месте исчез этот покров и обнажилось существо мира, а весь покров разом стал бы прозрачным и открылся вид во всех направлениях пространства? Тогда всем своим восприятием, всеми своими чувствами мы были бы постоянно изливаемы в предметы внешнего мира, мы бы слились с ними воедино. Мы

не могли бы отличать себя от внешних вещей. И что же в результате? В результате мы никогда не смогли бы развить чувство любви: ведь это чувство покоится на том, что одно существо не перетекает в другое, не растворяется в нем, а сохраняет собственную индивидуальность, — это разделенность и одновременно нераздельность. Между рождением и смертью мы одарены способностью к любви. И опять-таки при оккультном развитии эта способность любить должна быть замещена имажинацией, инспирацией и интуицией, на оккультном пути мы должны как бы пробиться через эту способность к любви. Но без любви, без горячего сердца наша повседневная жизнь была бы разрушена до основания. Вот почему опять-таки необходимо, чтобы при правильном оккультном развитии в первую очередь было уделено внимание высочайшему развитию способности к любви. Оккультное развитие не должно наносить ущерба этой способности, она должна сохраняться как бы вопреки этому развитию; только тогда можно рискнуть проникнуть через покров чувственного мира к объективной реальности. Такова вторая мировая загадка. Человек устроен так, что ему присущи способность запоминания и способность к любви. Способность к любви преграждает его повседневному сознанию доступ к тому, что сокрыто за покровом чувственного мира, а способность памяти не позволяет человеку заглядывать в недра собственного существа.

Эта истина должна противостоять ложной философии Канта. Кант хотел исследовать человеческую субъектность и огородил ее совершенно абстракт-

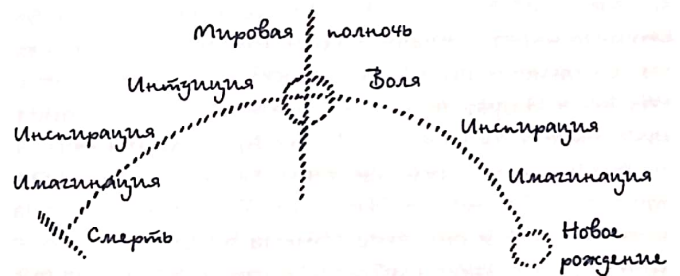
ными, ничего не говорящими понятиями. На самом деле человека с рождения до смерти надо рассматривать в качестве существа, наделенного способностью памяти и способностью к любви. Тогда постепенно откроется и то, что живет в восприятиях человека, и то, что живет в любви. Все это человек пронесит с собой через врата смерти. Смысл нашего пребывания на Земле — в совершенствовании обеих этих способностей.

Благодаря функционированию памяти существо человека разделяется на воспринимающую и мыслящую части (помимо непроницаемости покрова внешних чувств), в результате этого преимущественно (вследствие работы головы, а ведь человек в целом и есть голова) развивается жизнь сознания. Причем сознание представляет собой арену мыслительной деятельности. Мысль становится воспоминанием и благодаря этому фиксируется: только благодаря этому она может постоянно воспроизводиться в памяти. Мысль удерживается, поэтому наша нормальная жизнь с рождения до смерти, по сути, базируется на том, что мы не допускаем проникновения мыслей в наши внутренние органы. Силы мысли, как говорилось вчера, туда проникают, а вот самим мыслям как содержанию нашей памяти мы не позволяем этого сделать. С момента же смерти мысль становится тем, чем ей не надлежит быть в нашем повседневном сознании: она становится имажинацией. Имагинативное сознание, которого с таким трудом добиваются при оккультном развитии, самостоятельно проявляется сразу же, как только человек проходит через врата смерти. Все его мысли приобретают

образную природу. Человек целиком и полностью погружается в стихию образов. Умерших можно понимать, только изучив такой язык образов, ибо сразу же после смерти мысли превращаются в образы. И в стихии таких образов человек живет определенный период времени между смертью и новым рождением. Затем образы постепенно превращаются в инспирации. Тогда человек начинает воспринимать музыку сфер. Она становится для него реальной. Он живет в мире космических звуков. И наконец, когда всю его душу наполняет интуиция, человек срастается с объективно-духовной Вселенной. Он как бы сливается со Вселенной.

Наступление мировой полноты, о которой мы говорили вчера, выпадает на период прохождения интуиции. Тогда же начинается и обратный путь, и интуиция предназначена для восприятия того, что человек мало-помалу упустил во время своей земной жизни. Именно когда человек проходит врата смерти, он живет силами, отличающимися от тех, которые на Земле называются силами воли. Он живет космическими силами. Воля как бы растворяется в них и постепенно исчезает. Но когда человек, прошедший состояния имагинации, инспирации и интуиции, приближается к мировому полноточному часу и оказывается на вершине жизни между смертью и новым рождением, — его интуиция вновь наполняется волей. Мысль вновь пропитывается волей, и эта насыщенная волей мысль все больше питает душу, которая опять склоняется к состоянию инспирации, а затем имагинации. Проведя определенный промежуток времени в состоянии имагинации, душа созревает для нового вопло-

щения. Из стихии образов, как я описывал вчера, строится то, что представляет собой преобразованную систему конечностей и систему обмена веществ предыдущей инкарнации. Как видите, душа человека проходит те же ступени, по которым поднимается оккультный ученик в своем развитии и которые ведут его в направлении мировой полноты, а затем душа проделывает обратный путь в сторону имагинации и с новым воплощением приступает к образованию мыслей.

Во время всего этого периода человек воспринимает волевое начало. И когда он на обратном пути снова приступает к земному существованию, как видим, воспринятое им из космоса и взятое с собой из предшествующей инкарнации становится образами, но образами, насыщенными волей. Теперь это пропитанные волей имагинации.

Итак, перед тем, как через зачатие вступить в новое физическое существование, человек располагает именно имагинациями, но это пропитанные волей имагинации. Из имагинаций, которые ведь уже наличествовали в виде мыслеформ, строится

голова с сопутствующими органами, а воля формирует себе новую систему конечностей и систему обмена веществ. В итоге получается разделение на голову и остальной организм. Голова — это как бы кристаллизовавшаяся, застывшая мысль, а остальной организм построен волей. Вот почему настоящее бодрствование возможно только в работе головы. Ведь мысли и представления, которыми оперирует ваше сознание, вам знакомы, и это относится ко всем современным людям; а происходящее в сфере воли, как я часто уже упоминал, знакомо вам не больше, чем происходящее во сне. Ибо что проникает в обычное сознание человека, когда он, к примеру, поднимает руку? Воспринимается только, что рука поднята, об этом создается представление, но сам волевой акт происходит бессознательно, то есть осознается не больше происходящего в глубоком сне. Итак, в отношении системы конечностей и системы обмена веществ человек продолжает спать глубоким сном даже в дневное время: по сути, он бодрствует только в отношении работы своей головы. И все это, в свою очередь, взаимосвязано.

Современная официальная наука не чурается логики. Логика касается наших представлений — суждений, выводов, умозаключений. Вот классический силлогизм, входящий во все учебники по логике: «Все люди смертны, Цезарь — человек, следовательно, Цезарь смертен». Таково заключение. Каждая из двух посылок силлогизма — это суждения: большая посылка — «все люди смертны» — это суждение, малая посылка — «Цезарь — человек» — тоже суждение, и «следовательно, Цезарь

смертен» — тоже суждение. А весь силлогизм в целом, само логическое построение, — это заключение. Человек, Цезарь — это представления.

По мнению современного образованного человека (на таких не вредно равняться, ибо они задают в обществе тон), весь логический процесс разыгрывается в нервной системе: считается, что нервная система — поставщик представлений, суждений, умозаключений, даже эмоций и волеизъявлений. Но даже касательно представлений, суждений и умозаключений реальность противоречит современному официальному мнению. Только представление как таковое относится к функции головы. Когда вы составляете суждение, то должны посредством своего эфирного тела ощущать, как вы стоите на ногах. Вы образуете суждение отнюдь не головой, а своими ногами, по меньшей мере ногами своего эфирного тела. Даже составляющий суждение в лежачем положении вытягивает свои эфирные ноги. Суждение покоится не на голове, а на ногах. Разумеется, в наше время этому никто не поверит, и все же это так. А заключение опирается на наши руки, на кисти рук и вообще на все то, что отличает нас от животных. Животное тоже стоит на ногах. Само животное — это суждение, но умозаключений оно не делает. А человек делает. Для этого его руки свободны — они не предназначены для хождения. Его руки свободны, чтобы он мог делать умозаключения. Когда человек ступает своими эфирными ногами и приводит в движение свои астральные руки, возникает суждение и умозаключение, а голова просто отражает происходящие процессы в форме представления:

тогда-то и возникает представление. Для возникновения суждения и заключения требуется участие всего человека, а не только его нервно-сенсорного аппарата.

Из всего этого следует, что наши суждения и умозаключения мы, собственно говоря, извлекаем из системы наших конечностей. И, по сути, это именно волевой акт: порожденный неопределенным состоянием, он затем становится представлением. Когда мы приходим к умозаключению, то как бы пробуждаемся, выходя из состояния сна. Само умозаключение мы почерпнули из глубочайших недр собственного организма. Все то, что успело состариться, начиная с предыдущей жизни и вплоть до нынешней, позволяет нам получать представления при помощи нашей головы. По отношению к космосу мы успеваем состариться еще к моменту своего рождения. И обновление нашей воли связано с тем, что по отношению к космосу с момента рождения мы вновь помолодели. Наша голова помнит о предыдущей инкарнации. Она стара. А наша система конечностей и система обмена веществ, вступая в эту инкарнацию, располагают волей. Посредником здесь служит тело матери. Достаточно только ознакомиться с самыми внешними, сугубо эмпирическими данными по эмбриологии, чтобы убедиться: происходящее в теле матери конструируется из космоса. Голова — это отображение космоса, она формируется внешними космическими силами. Отрицающий это должен отрицать и влияние земного магнетизма на магнитную стрелку. Физик, изучая поведение магнитной стрелки, не замыкается на ней одной, а физиолог, эмбриолог, биолог, изучая

эмбрион, не выходят за пределы материнского организма. Это ведь почти то же, что попытка объяснить поведение магнитной стрелки ее собственным составом. Надо исходить из всего космоса в целом. На переднем плане перед нами голова, формируемая космическими силами, а к ней уже как бы «пристроено» остальное тело, располагающее волей — отпрыском мира имажинаций, который душа пересекает после наступления полуночного часа бытия между смертью и новым рождением.

На нашем схематическом изображении человека (см. рис. на с. 107) видно, что все относящееся к мышлению и восприятию расположено выше «кожицы» памяти, а относящееся к воле — под нею. Воля действует в направлении вверх, она как бы вздымается из подсознания, ее можно обнаружить только описанным вчера образом. Активность воли направлена вверх. По отношению к воле мы пребываем в состоянии глубокого сна. Итак, с рождения до смерти человек представляет собой двойственное существо. Сам по себе человек монолитен, он представляет собой некое единство, но это касается его положения в космосе: монада проявляется в процессе становления. И в процессе становления она должна постоянно обновляться. Но в реальности от рождения до смерти человек дуалистичен: с одной стороны, его существо проявляется в мышлении (сюда же относится и восприятие), а с другой — в воле и в определяемом ею характере.

В результате человек являет собой как бы пересечение двух миров. Спросите себя, положив руку на сердце: каково содержание вашего сознания в каждый момент жизни? Это ваши воспоминания о

пережитом вами с двух-трехлетнего возраста или с пятого-шестого года жизни. А то, что вздымается снизу — из сферы воли, — это любовь, способность любить. И, по сути, человек — это скрещение образов памяти и любви. Над человеком простирается мир космических мыслей, под ним распростерт мир космической воли: таково положение человека в мире. И человек постоянно представляет собой мишень для Люцифера, посягающего на нас со стороны нашей воли, и Аримана, посягающего со стороны нашего мышления (см. рис. на с. 107). Ариман постоянно стремится превратить человека исключительно в голову. А Люцифер постоянно стремится «снести» человеку голову, чтобы тот перестал мыслить: все должно вливаться в него на волне сердечной теплоты, дабы он был переполнен космической любовью, которую изливал бы в мир как всемирный мечтатель, как фантазер без границ.

В нынешнюю эпоху расцвета нашей хваленной культуры проявляется преимущественно ариманическое влияние. Восприимчивые люди всегда ощущали это влияние. Помнится, в молодости мне довелось разговаривать с одним австрийским поэтом, пользовавшимся тогда большой известностью; он остро ощущал происходившее с культурой, причем выражал это отчасти в образной форме, хотя для него те образы были чем-то вполне реальным. И он сказал мне (его слова звучат в моих ушах, как если бы это происходило вчера): «Современный человек претерпевает страшный ущерб, и если ситуация не изменится, этот жребий выпадет всему человечеству. Люди постепенно теряют споровку и ловкость: они отвыкают нормально

ходить, они все больше передвигаются на велосипедах и прочих механических средствах передвижения; мастерovitость ручного труда утрачивается, все механизмуется и автоматизируется. Как мускулы атрофируются без употребления, так и от всего человека постепенно останется одна голова. И голова будет продолжать расти, пока человек не превратится в какой-то шар, а остальной организм станет только изуродованным придатком».

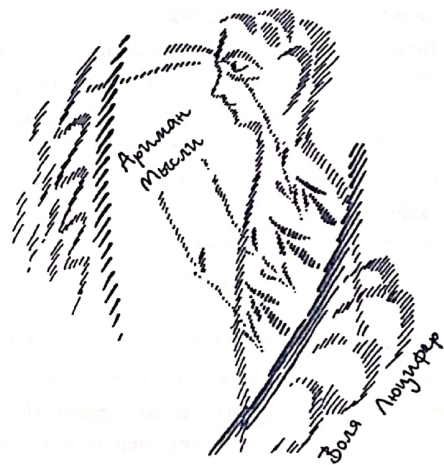
Такая картина, как кошмар, преследовала этого австрийского поэта (его имя Германн Роллетт), и он описывал ее со всей наглядностью, ибо представление о том, как по вине нашей культуры люди с разбухшими головами однажды превратятся в катящиеся шары, страшно подавляло его. Но в основе этого представления заложено много истинного: и на самом деле в наше время определенные силы с необычайным напором все больше устремляются в сторону развития нашей головы. Что касается физической головы, дело так далеко не зайдет, но с головой эфирной такое проделать можно. Так что фактически в наше время ариманические силы стремятся свести всего человека к функции головы, хотят нас целиком и полностью превратить исключительно в мыслящее существо.

Но для здорового развития человека высшими силами предусмотрен и другой, противодействующий полюс — полюс воли, — поэтому после нашей смерти наши мысли захватываются волей. Мысль пока еще не должна пребывать сама по себе. С рождением мы собираем новые импульсы воли, но мысль сторонится этого, пребывая в нашей голове; воля же завладевает остальной частью тела. Пока

мы живем на земле, в нас происходит непрерывный взаимообмен между волей и мыслью. Воля завладевает мыслью, и нам предстоит этот сплав воли и мысли снова пронести через врата смерти. Ариман хотел бы этому воспрепятствовать. Он хотел бы изолировать нашу волю, чтобы только мысль в нас получала преимущественное развитие. И если бы стремление Аримана действительно осуществилось, мы потеряли бы свою индивидуальность. Эта потеря была бы полной. К моменту смерти мы подошли бы без царя в голове, с помыслами, которыми заправляют инстинкты. У человека нет возможности контролировать такие мысли, и, завладев ими, Ариман протащил бы их в окружающий нас мир, чтобы они там продолжили свою разрушительную работу. Такая судьба, действительно, угрожает человечеству: если ныне господствующий материализм не будет преодолен и ариманические силы настолько окрепнут, что Ариман сумеет похитить человеческие мысли и привить их во всей их действенности нашей планете, то Земля, по сути, будет обречена на полную деградацию и окончательное окостенение. Таков ответ Аримана на изречение: «Небо и Земля прейдут, а слова Мои не прейдут». Он хотел бы вычеркнуть эти слова из реальности и закрепить существование Неба и Земли. А для этого мысли человека непременно должны быть похищены, и сам человек должен утратить свою индивидуальность.

Если Ариман продолжит то, что ему особенно удалось натворить с 1845 года, то мозг человека будет становиться все более твердокаменным и люди станут жить как бы под гнетом навязчивых

идей — материалистических идей, как уже говорилось вчера. Это особенно проявится в том, что даже процесс школьного образования будет организован так, чтобы гибкость и динамика мысли исчезли, чтобы по достижении определенного возраста в головах людей присутствовали только совершенно закостелые мысли. И разве это уже в весьма высокой степени не осуществилось? Попробуйте осознать, насколько заскорузлые мысли переполняют умы многих наших современников! Что можно втолковать такому догматику с его выпавшими в осадок пересохшими мыслями? Вот где питательная почва для Аримана.

И Ариман не перестает трудиться над тем, чтобы мысли человека все больше окостеневали и становились навязчивыми идеями. Образцовый пример воплощения навязчивых идей — современный

научный атомизм с его гипотетическими вибрирующими, вихреобразными атомами, повсеместно сокрытыми вместо духа за покровом воспринимаемого мира. Разумеется, за этот покров воспринимаемого мира невозможно проникнуть иначе, как с помощью мыслей. Но Ариман настолько успел ввести людей в заблуждение, что сегодня они уже материализовали свои мысли. Ими уже утрачена способность видеть, что они всего-навсего конструируют мир вымышленных атомов, они принимают их за реальность, хотя эти атомы — всего лишь проекция их собственных мыслей на экран внешнего мира. И тогда возникает насквозь ариманизованная картина мира. Современная наука ариманизована вдоль и поперек.

На это подчас наталкиваешься пугающим образом. К примеру, однажды (наверно, уже лет 35 тому назад) я получил рукопись. Это был трактат потрясающей учености. Автор (я рассказываю вполне реальную историю) устанавливал в ней человеческий дифференциал — ту предельно малую величину, интегрируя которую можно получить самого человека. Итак, если проинтегрировать его с головы до пят, то получится человек. Это был весьма серьезный научный труд. И врач, который принес его мне, сказал: «Если хотите, можете познакомиться с автором, он как раз проходит в моей клинике курс лечения». После нашего знакомства автор сказал мне: «Все правда, я знаю это по опыту — я весь состою из дифференциалов, они во мне повсюду, а я сам — всего лишь интеграл». Он представлял себя целиком составленным из атомов: это был один из вариантов интеллектуально-ариманиче-

ского сознания. Но в конце концов, это всего лишь окостеневший атомизм. Ибо, знакомясь с рукописью, я вспомнил о существовании лапласовой «всемирной формулы»¹: при наличии такой гипотетической формулы можно было бы посредством интегрирования атомов не просто исчислить человека с головы до пят, но, проинтегрировав весь мир с момента сотворения до момента разрушения, реконструировать на выбор любое историческое событие — например, переход Цезарем Рубикона. Надо только подставить атомы в эту всемирную формулу и соответствующим образом все просчитать. Такой образ мысли столь же сомнителен, как идея интегрирования человека с головы до пят. При правильном подходе к таким явлениям можно со всей наглядностью ощутить степень ариманизации нашей культуры.

¹ Речь идет о следующем высказывании Лапласа: «Современные события имеют с событиями предшествующими связь, основанную на очевидном принципе, что никакой предмет не может начать быть без причины, которая его произвела... Воля, сколь угодно свободная, не может без определенного мотива породить действия, даже такие, которые считаются нейтральными... Мы должны рассматривать современное состояние Вселенной как результат ее предшествующего состояния и причину последующего. Разум, который для какого-нибудь данного момента знал бы все силы, действующие в природе, и относительное расположение ее составных частей, если бы он, кроме того, был достаточно обширен, чтобы подвергнуть эти данные анализу, обнял бы в единой формуле движения самых огромных тел во Вселенной и самого легкого атома; для него не было бы ничего неясного, и будущее, как и прошлое, было бы у него перед глазами... Кривая, описываемая молекулой воздуха или пара, управляется столь же строго и определенно, как и планетные орбиты: между ними лишь та разница, что налагается нашим неведением». Согласно воззрениям современной физики такое знание недостижимо в принципе.

Разумеется, это вызывает к противодействию, а оно возможно только в том случае, если снова привить образность нашим понятиям: сделать их образными вместо совершенно абстрактных. Тогда мы пронесем с собой образы через врата смерти, что соответствовало бы мировой необходимости. В противном случае человечество устремляется навстречу опасности потерять себя, и, по сути, то, что подлежит индивидуализации благодаря проникновенно волевого начала в наши мысли, минерализуется и входит в состав всеобщего месива: Земля становится планетой всемирной уравниловки, а на душевном уровне — гигантским кладбищем человечества.

Временами — особенно в наши дни — требуется делать подобный культурный обзор. Ибо тому, кто пристально следит за ходом современного развития, очевидно, с какой скоростью мы скатываемся к этому окостенению нашей культуры. В этой связи нельзя не упомянуть, что вплоть до 869 года — до Восьмого Вселенского собора в Константинополе — признавалось разделение состава человека на тело, душу и дух. На этом соборе, как я многократно упоминал, была выработана для всего западного мира догматическая формула: не следует верить, что человек состоит из тела, души и духа, — он состоит только из тела и души, причем душа наделена определенными духовными свойствами. Позднее это верование стало общепризнанным. Вера в то, что человек состоит из тела, души и духа, в Средние века считалась ересью. Нынешние профессора философии на основании своей «непредвзятой» науки делают открытие: человек

состоит из тела и души. Только эта так называемая «непредвзятая» наука, по сути, есть не что иное, как постановление Восьмого Вселенского собора. Одно вытекает из другого. Итак, благодаря этому Восьмому Вселенскому собору человечество утратило сознание духа, которое должно быть обретенно заново. А если мы продолжим продвигаться по накатанному пути, то человечество потеряет и сознание души.

Это сознание души у материалистов XIX века уже настолько стерлось, что стали утверждать, будто мозг выделяет мысли, как печень выделяет желчь. Значит, по существу, еще осталось одно только сознание телесных процессов. И на самом деле в наше время существуют разные закрытые общества, работающие в том же направлении, что и Константинопольский собор 869 года, и стремящиеся на этот раз обосновать, что человек состоит не из тела и души, а только из тела, причем душа — всего лишь производное тела. Из этого следует невозможность воспитания души: просто в определенном возрасте через прививку человеку надо ввести специальные вещества, и благодаря такой прививке в нем начнут развиваться таланты и способности.

Такая тенденция уже просматривается, и она совпадает с магистральным направлением ариеманического развития: не надо больше школ, не надо воспитания и образования — достаточно прививки особых веществ. Все это в пределах досягаемого. Но только люди превратятся тогда в живые автоматы. С помощью технологии навязчивого мышления можно до чрезвычайности ускорить то,

что в противном случае достигается кропотливой воспитательной работой. Уже открыты субстанции, инъекция которых, например, в семилетнем возрасте позволит ребенку досрочно закончить школу; но только из него получится какой-то автомат по производству мыслей. Он будет необычайно эрудирован и сообразителен, но не будет этого сознавать. Так будет устроено его сознание. Однако разве в наше время окружающим есть какое-то дело до качества внутренней жизни человека, если только тот активен и работоспособен! Те, кто сегодня задают тон в ариманической культуре, прямо-таки помешаны на подобных идеалах. И вообще, что может показаться нашим современникам более привлекательным, чем открытие таких веществ, инъекция которых заменит многолетний школьный образовательный процесс? Об этой опасности надо твердить со всей конкретностью и наглядностью, иначе существующие тенденции останутся в большинстве своем просто незамеченными. Целью таких инъекций является разрыхление эфирного тела внутри тела физического. При таком разрыхлении игра Вселенной с эфирным телом становится чрезвычайно бойкой и оживленной, и человек превращается в ходячий автомат. Ибо физическое тело здесь, на Земле, должно контролироваться духовной волей индивида.

Педагоги Вальдорфской школы исходят из полного осознания существующей опасности автоматизации человека. В этом отношении они должны стать первопроходцами на пути духовного возрождения человечества. Надо открыто говорить о приоритете подлинной духовной жизни, кото-

рая требует особого внимания и заботы. Поэтому надо благосклонно относиться ко всему, в чем у отдельных людей проявляется тяга к повышению качества жизни. Я не раз уже имел возможность подчеркнуть, что люди в массе своей предрасположены подменять рутинной подлинную жизненную практику, а ведь рутинная — это и есть механизация и автоматизация жизни.

Меня не перестает радовать, когда я узнаю, что еще не перевелись люди, которые наряду с обычной жизненной рутинной признают также ценность подлинной жизненной практики, причем не просто теоретически, а непосредственно в гуще практической жизни. Недавно весь мир облетела новость о том, как Эдисон проверял своих сотрудников на предмет пригодности к практической жизни. Его не интересовало, может ли, допустим, купец как следует вести бухгалтерский учет: этому, по его мнению, человек образованный и неглупый может научиться за пару-тройку недель. Его совершенно не занимала застывшая профессиональная эрудиция человека. И, тестируя на практическую пригодность, Эдисон задавал вопросы типа: каковы размеры Сибири? Он не спрашивал бухгалтера об умении составить бухгалтерский отчет, а задавал вопрос: «Какова площадь Сибири?» Или: «Сколько кубометров воздуха вмещает комната размером пять метров длиной, три метра шириной и четыре метра высотой?» Или спрашивал: «Что сейчас находится на том месте, где Цезарь пересек Рубикон?» Иными словами, он задавал вопросы более или менее общего порядка и только после этого переходил к вопросам профессиональным. Само по

себе умение бухгалтера составлять бухгалтерский отчет его волновало мало, ибо он знал, что способность отвечать на элементарные вопросы — лучшее доказательство того, что человек не зря просиживал штаны в школьное время и еще ребенком развил подвижность мышления, а это Эдисон особенно ценил.

Результат перевеса узкой специализации, который все чаще наблюдается в последнее время, вынуждает нас усомниться в пригодности многих специалистов к широкой жизненной практике. Они ничего не замечают за пределами своего «футляра». Приведение мыслей в динамическое состояние должно пробить брешь в таком «футляре» — тогда мысли не смогут закоснеть, и Ариман окажется в затруднительном положении. Но вам нетрудно будет убедиться, насколько редко, к сожалению, в жизни встречаются люди эдисоновского склада. Поэтому насущная задача сводится к привнесению образности в наши абстрактные представления: тогда люди перестанут жаловаться, что духовная наука им непонятна. Именно прорыв от абстракций к образным понятиям создает, с одной стороны, возможность понимания, к примеру, того, как развивалась современная Земля из предшествовавших состояний — Старой Луны, Старого Солнца и Старого Сатурна; а с другой — благодаря образным представлениям, то есть имагинациям, нашу внутреннюю жизнь наполняют эмоциональные переживания, и таким образом проявляется вся целостность человеческой природы.

Не так давно один из критиков антропософии провозгласил, что антропософия не может быть

признана наукой, ибо ее результаты почерпнуты из всего спектра человеческой природы, а подлинная наука должна черпать свои достижения исключительно из человеческого интеллекта. Сначала догматически провозглашается узкое определение источников научного знания, а затем следует обвинение в расширении этих источников до пределов всего существа человека. На такой основе можно ограничить все на свете. Беда в том, что односторонняя культура головы вновь вытесняет культуру человеческой целостности, полностью подменяет ее собой. И это великое заблуждение, будто головная культура принесет добрые плоды в практической жизни. Ложная вера в то, что наши суждения и умозаключения мы составляем при помощи головы, подталкивает людей к этой головной культуре. Суждения мы образуем при помощи ног, а умозаключения — при помощи рук. Если как следует усвоить, что для образования суждения и умозаключения требуется участие всего человека в целом, то многие перестанут противиться и выводу о том, что истина должна рождаться всей целостностью человеческой природы. Вот на что мне хотелось сегодня обратить ваше внимание.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 8 июля 1921 г.

Сегодня в качестве подготовки к двум последующим лекциям мы представим отдельные данные о человеке как мыслящем существе. Ведь именно эту сторону человеческого существа не признает современная наука, вернее, подвергает ложному толкованию. Человек мыслит, мысли приходят ему в голову, человек — своего рода носитель мыслей. И неудивительно, что большинство придерживается таких взглядов, ибо истинное существо человека доступно только утонченному наблюдению, а от грубого наблюдения оно ускользает.

Человек представляется мыслящим существом по той причине, что в бодрствующем состоянии — от пробуждения до засыпания — все свои внутренние переживания он сопровождает мыслями. Переживание же самого процесса мышления выглядит так, словно мысли каким-то образом возникают во внутреннем мире человека, а на время от засыпания до пробуждения почему-то прекращаются.

Дорнах, 8 июля 1921 г.

И поскольку считается, что мыслительные переживания присутствуют в человеке, только пока он бодрствует, а во сне они растворяются в какой-то неопределенности, о которой даже не пробуют составить ясного представления, то и о человеке в качестве мыслящего существа невозможно ничего сказать. Более тонкое наблюдение (которое, впрочем, не так уж глубоко проникает в сферы, описанные в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?») обнаруживает, что жизнь мыслей не так уж проста, как это принято представлять. Для начала достаточно только сравнить повседневную мыслительную жизнь — ту элементарную деятельность мышления, которая доступна наблюдению каждого, кто пытается понять психологию бодрствующего человека, — с более чем проблематичным для обыденного сознания элементом — элементом сновидений.

При изучении сновидений чаще всего принято исходить из их общей характеристики. Сравнивая состояние сновидения с состоянием бодрствующего мышления, устанавливают, что в сновидении мысли связаны беспорядочным, произвольным способом: образы сновидений как бы наплывают, накладываются друг на друга, поэтому очевидные взаимосвязи бытия, явлений внешнего мира здесь не просматриваются. Или же, пытаясь увязать происходящее во сне с явлениями внешнего чувственного мира, убеждаются, что сновидение от начала до конца как бы выходит за рамки, не вписывается в знакомые процессы внешнего мира чувств.

Разумеется, в этих пределах исследование протекает превосходно и дает великолепные резуль-

таты. Однако эти исследователи не замечают, что стоит немного погрузиться в себя и дать свободу собственным мыслям, как в привычный ход мыслей, сопровождающий поток явлений внешнего мира, вторгается нечто, мало чем отличающееся от сновидений, хотя бодрствующее сознание при этом сохраняется. Можно сказать, что пока мы стараемся от пробуждения до засыпания приспособлять жизнь мыслей к нашим внешним обстоятельствам, параллельно существует пласт каких-то неопределенных сновидений. Имеются как бы два течения: верхнее, которое мы контролируем по своей воле, и нижнее, которое протекает наподобие сновидений. Чтобы это заметить, придется, конечно, немного покопаться в себе. Но это нижнее течение всегда присутствует. И всегда можно заметить: там существует круговорот мыслей не менее причудливый, чем круговорот образов в наших сновидениях. В этом потоке проносятся самые разнообразные реминисценции, когда, как во сне, мысли цепляют друг друга исключительно на основе созвучия слов. И люди, склонные к интроспекции, предпочитающие позволять своим мыслям пассивно плыть по течению внешних обстоятельств, могли бы обнаружить в себе тягу к такого рода снам наяву.

Эти сны наяву отличаются от обычных снов только бледностью образов: эти образы больше напоминают представления. Но само проявление этих образов сна наяву мало чем отличается от того, что называют настоящими сновидениями. Люди сильно отличаются между собой: одни вообще совершенно не замечают присутствия таких снов

наяву в нижнем потоке своего сознания и всецело руководствуются в собственных мыслях путеводной нитью внешних событий; другие предаются таким снам наяву и позволяют своим мыслям по инерции сталкиваться друг с другом и носиться в круговерти. Между двумя этими крайностями — теми, кого называют фантазерами и мечтателями, и так называемыми «сухарями», или педантами, принципиальными приверженцами мелочной регламентации с внешней стороны, — размещается весь спектр переходных человеческих типажей. И, надо заметить, львиной долей того, что движет деятелями искусства, они обязаны этому нижнему течению в сознании — снам наяву.

Такова одна сторона этого явления, и не следует упускать ее из вида. Тогда мы будем знать, что в нас непрерывно происходит круговорот сновидений, который мы обуздываем только своим обращением к внешнему миру. Кроме того, будем знать, что агентом нашего приспособления к внешнему миру в основном является воля: в беспорядочное, по сути, нагромождение мыслей она вносит системность, связность и логичность. Воля — проводник логики. Но это, как сказано, одна сторона предмета.

Другая же сторона такая: можно опять-таки заметить и проследить (и для этого не потребуется далеко заходить в те сферы, которые я описал в своей книге «Как достигнуть познания высших миров?»), как при пробуждении человек приносит с собой нечто из того состояния, в котором он пребывает от засыпания до пробуждения. И не составит труда отчетливо заметить, что в момент пробуждения человек как бы выныривает из целого

моря мыслей. Пробуждение не есть возвращение из чего-то неопределенного, из какого-то помрачения сознания: при пробуждении человек выныривает из моря мыслей, причем эти мысли производят впечатление, что они были в высшей степени определенными во время сна, но их невозможно удержать при переходе к бодрствованию.

И, если продолжить подобные наблюдения, можно заметить, что мысли, словно бы почерпнутые из состояния сна, весьма напоминают некое озарение, внезапное открытие касательно того, что нам надлежит осуществить во внешнем мире; более того, эти мысли имеют много общего с тем, что я назвал моральными интуициями в моей «Философии свободы».

Первый вид мыслетворчества с его бурными и кипучими снами наяву в нижнем потоке нашего сознания производит впечатление противостояния самому себе, чего никак не скажешь о втором виде. О втором виде скорее можно сказать: когда после пробуждения мы вновь обретаем контроль над собственным телом, мы не можем удержать то, в чем, не теряя мысли, пребывали от засыпания до пробуждения.

Кто как следует учтет обе эти стороны человеческой жизни, тот перестанет считать мышление каким-то производным человеческого организма. Ибо именно второй вид мыслетворчества, от которого мы как бы отрясаем себя при пробуждении, никак нельзя признать непосредственным производным человеческого организма: этот вид можно считать только содержанием переживаемого нами от засыпания до пробуждения, когда мы своим «Я»

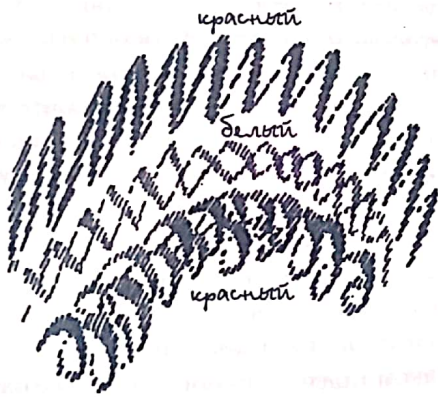
и астральным телом оторваны от наших физического и эфирного тел.

Что же мы собой в таком случае представляем? Таков наипервейший вопрос. Своим «Я» и астральным телом мы пребываем вне наших физического и эфирного тел. И простейшее соображение, которого не миновать тому, кто беспристрастно наблюдает жизнь, таково: находясь извне, мы пребываем в пределах того, что явлено нам, когда мы воспринимаем внешний мир своими сенсорными органами, — в чувственном покрове мира, во всем многообразии явлений, доступном нашим органам чувств. Просто в повседневной жизни это стерто в нашем сознании. И причину этого мы ощущаем всякий раз, когда поутру выходим из этого состояния. Мы чувствуем себя недостаточно сильными, чтобы удержать пережитое нами от засыпания до пробуждения: наше «Я» и астральное тело не могут удержать всего этого. И поскольку в течение дня они принимают участие в переживаемом при посредстве физического тела, пережитое ими от засыпания до пробуждения угасает. Как сказано, только в случае возникновения идей, касающихся каких-нибудь внешних изобретений, либо же при появлении моральных интуиций, мы переживаем нечто такое, что неподвзятому наблюдателю могло бы показаться сходным с испытываемым нами между засыпанием и пробуждением.

При таком подходе отчетливо обрисовывается противоположность внутреннего и внешнего миров. И тогда становится более ясным, что именно мы подразумеваем, когда не перестаем повторять: внешний мир, который предстает нам от пробуждения

до засыпания, — это своего рода майя, иллюзия. Ибо, находясь вне тела, мы пребываем внутри того самого мира, который в противном случае является нам лишь своей внешней стороной. Мы как бы ныряем в глубину того мира, который прежде воспринимали своими органами внешних чувств. Так что можно сказать: мир, доступный нашему сенсорному восприятию, имеет свои глубины и содержит собственные побудительные мотивы и существа. Но для восприятия всего этого в нашем повседневном сознании мы недостаточно сильны.

И все же нам хватит непредвзятого наблюдения, чтобы перед нами открылось нечто, поднимающееся из глубочайших недр тех сфер, которые описаны в книге «Как достигнуть познания высших миров?»; схематически это можно изобразить следующим образом:

В состав обычной мыслительной жизни входит все переживаемое нами во внутреннем мире мысли с пробуждения до засыпания в связи с внешними

восприятиями, а также с физическими радостями и страданиями. Для начала мне хотелось бы переживаемое в повседневном сознании на уровне мышления схематически изобразить так (см. рис., белый). Под ним, как бы во сне, наяву бурлит и кипит то, что не подчиняется законам логики (красный внизу). И напротив, переносясь между засыпанием и пробуждением во внешний мир, мы опять-таки погружаемся в мир мыслей, который принимает нас в себя (эти мысли не находятся в нашем внутреннем мире) и который мы покидаем при пробуждении (красный наверху), вынося с собой только отдельные реминисценции. Так что наше повседневное мышление как бы расщепляет надвое мир мыслей: на внутренний мир мыслей и мир внешний, заполняющий мыслями Вселенную, — мы проникаем в него при засыпании. Второй из них можно называть космическим миром мыслей; первый — тоже своего рода мир мыслей (в дальнейшем мы коснемся его подробнее).

Как видите, нашим повседневным миром мыслей мы как бы вписаны в некий всеобъемлющий мир мыслей, который своего рода пограничной чертой разделен на тот, что внутри нас, и тот, что вне нас. Тот мир мыслей, который внутри нас, отчетливо предстает нам как своеобразное сновидение. На дне нашей души всегда присутствует хаотический круговорот мыслей, не поддающийся никакой логике. А внешний мир мыслей, как правило, недоступен повседневному сознанию. Природа этого внешнего мира мыслей открыта только непосредственному созерцанию, непосредственному переживанию — иными словами, подлинному духовному наблюдению.

нию, глубже обычного проникающему в те сферы, которые описаны в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?». Но тогда обнаруживается и вот еще что: этот мир мыслей, в который мы погружаемся между засыпанием и пробуждением, не только не менее логичен, чем наш привычный мир мыслей, но даже содержит в себе логику более высокого порядка. Надеюсь быть правильно понятым, если назову этот мир сверхлогическим миром мысли. Он настолько же возвышается над нашей повседневной логикой, насколько мир наших снов наяву удален от нее.

Как сказано, все это может быть по-настоящему обосновано только на базе духовного созерцания. Однако есть и другой способ проконтролировать по этой части результаты духовного созерцания. Достаточно очевидно, что повседневному сознанию человека закрыт доступ к определенным областям собственного организма, и об этом много говорилось в предыдущих лекциях. Чтобы наше повседневное сознание было наделено памятью, способностью воспоминания, на внутренние органы тела накинута своего рода чехол из кожицы. Мы не можем непосредственно созерцать, что представляют собой наши внутренние органы — легкие, печень и так далее. Кроме того, я говорил о существовании ложного, расплывчатого мистицизма, который предается фантазиям относительно наших внутренностей в духе святой Терезы или Мехтильды Магдебургской: рождаются разные прекрасные образы (этого не надо отрицать), но за ними скрывается сплошная органика. И если этот расплывчатый мистицизм заменить подлин-

ным духовным исследованием и направить его на внутреннее устройство человека, то оно приведет к реальному познанию внутренних органов человеческого тела. Духовному прозрению открывается предназначение легких, печени, почек и так далее, становится возможным духовно прорвать «кожицу» памяти и прийти к внутреннему проникновению в устройство человека. Но при помощи повседневного сознания этого не добьешься: таким способом можно изучать только внешние анатомические структуры внутренних органов и препарировать их так, словно это принадлежность обычного минерально-физического мира. Однако возможность внутреннего созерцания работы движущих сил и динамики внутренних органов (все то, о чем мы говорили в последние дни) относится к арсеналу реально достигнутого духовного видения.

Итак, есть нечто покоящееся в недрах человеческого существа и недостижимое для его повседневного сознания. Почему так? Потому что это отнюдь не является его собственным достоянием. Вот то, что доступно повседневному сознанию, принадлежит исключительно самому человеку. А то, что пульсирует в недрах человека — в его внутренних органах, — относится не только к нему самому: оно относится к человеку как существу космическому, то есть одновременно является достоянием как самого человека, так и космоса.

Может быть, лучше всего объяснить это следующим образом. В самом общем виде можно сказать, что каждый из внутренних органов — будь то легкие, или печень — наделен собственными силами, причем это не просто внутренние силы человека:

это мировые силы. И, когда весь зримый окружающий мир однажды исчезнет вместе с Землей, внешние внутренние силы наших органов не перестанут существовать. Все, что мы видим глазами, все, что слышим ушами, весь окружающий мир «отзвучит» с уходом Земли. Но все, что сокрыто под покровом нашей кожи, все, что входит в состав нашего внутреннего устройства, духовно содержит то, что переживет закат и исчезновение внешнего мира, доступного нашим сенсорным органам. По сути, под оболочкой нашей кожи действует нечто, что переживет нашу планету: под этой оболочкой таятся центры сил, чье существование выходит за пределы бытия Земли. Миссия человека — не просто узурпировать внутренние органы для собственного потребления: его миссия — быть ареной творческой активности космоса под оболочкой нашей кожи. В недрах того, куда не проникает наше повседневное сознание, покоится нечто принадлежащее не только нам, но и всему миру. Однако можем ли мы утверждать, что часть, принадлежащая миру, строится на базе тех хаотических процессов, какими являются наши сны наяву?

Достаточно только осмыслить эти хаотические процессы снов наяву, чтобы сказать: сама структура этого нижнего потока нашего сознания совершенно определенно указывает на то, что он не является строителем наших внутренних органов и всего организма. Хорошо бы выглядел наш организм в подобном случае, какой причудливой карикатурой выглядели бы мы, если бы являлись отображением того, что колобродит в нашем подсознании! Наоборот: подобно тому, как окружающий нас

мир (внешний покров которого, явленный нашему сенсорному восприятию, околдовывает нас своими чарами) построен океаном мыслей, в который мы погружаемся между засыпанием и пробуждением, так и мы сами в отношении того, куда не проникает наше повседневное сознание, построены теми же самыми силами мыслей, воздействующими на нас извне. Целостное существо человека можно было бы схематически изобразить так:

Это окружающий мир мыслей (красный) — строитель человеческого организма; организм же, в свою очередь, устремляет ему навстречу возвышенный мир мыслей (белый), а между миром наших мыслей и окружающим миром расположен зачаровывающий нас мир чувственной внешней майи (синее).

Попытайтесь уяснить себе, насколько мала та часть вас самих, которая доступна вашему сознанию, и насколько велика часть, построенная тем самым внешним миром мыслей, в который вы погружаетесь между засыпанием и пробуждением.

И наконец, от внимания неподвижного наблюдателя человеческого существа не ускользнет и другая сторона явления, о которой я уже часто упоминал. Своим повседневным сознанием человек охватывает только собственные мысли: уже его чувства представляют собой что-то вроде сновидений, протекающих за порогом мыслей. Чувства как бы всплывают и уносятся прочь. Они непрозрачны для человека в той же мере, в какой прозрачны его мысли и представления. А волеизъявление переживается не с большей ясностью, чем переживаемое в глубоком сне. И правда, что знает человек о происходящих процессах, когда по своей воле он, например, поднимает руку? Он знает: «Я поднял руку», — но это всего лишь представление. Кроме того, он знает, как в результате выглядит поднятая рука, но это опять-таки только представление. В его повседневном сознании присутствует только цепочка представлений, под которыми таится некий эмоциональный всплеск. Что касается проявлений воли, то они и при дневном сознании окутаны в нас не менее глубоким сном, чем тот, в котором мы сами пребываем от засыпания до пробуждения.

То, что поконится в недрах нашего организма, то, что как бы встроено в него со стороны космоса, спит таким же глубоким сном, как растения и минералы в окружающем мире. Мы не проникаем в него снаружи своим сознанием, нам недоступно

созерцание космического начала в недрах собственного организма. Мы погружены в это начало от засыпания до пробуждения, мы живем и трудимся в нем. И насколько мы при этом проникаем за покров внешнего мира, настолько же проникаем и в свое собственное внутреннее устройство. Ровно в этой мере взамен всего лишь отголосков воспоминаний, почерпнутых нами из событий своей жизни, мы обретаем представление о силах, строящих наши внутренние органы, — легкие, печень, желудок и так далее. В той же самой мере, в какой нам удастся от засыпания до пробуждения проникнуть за покров внешнего мира, мы созерцаем тот фрагмент космоса, который внедрен в наш собственный организм под покров нашей кожи и о котором мы ничего не знаем, пребывая в своем повседневном сознании.

Что же мы выносим из этого космоса при нашем утреннем пробуждении? Непредвзятый наблюдатель однозначно увидит в этом волевое начало. По сути, бодрствующая жизнь мысли отличается от сна наяву в нашем подсознании прежде всего степенью присутствия в ней волевого начала. Воля вносит логический порядок в жизнь мышления, и, в сущности, логика — это не просто учение о внутренних закономерностях мышления, а учение о том, как воля организует и структурирует наши мыслеформы, приводя их в соответствие с ходом внешних явлений.

Когда мы, пробуждаясь поутру, еще помним какое-нибудь сновидение, то с особой ясностью воспринимаем эту круговерть хаотических, нелогичных образов и можем заметить прорыв воле-

вого начала в этот хаотический вихрь образов: воля тогда выстраивает эти образы в логическом порядке. Однако мы не приносим с собой мировую логику (то, что я раньше назвал суперлогикой) — мы приносим только нашу волю.

В результате чего же эта воля все-таки действует в логическом направлении? Как видите, здесь кроется важная загадка человеческой природы, нечто чрезвычайно значительное. Когда мы как бы окунаемся в это скрытое от нашего повседневного сознания космическое бытие, когда погружаемся в гармоническое единство собственного организма, то видим, как в пропитывающей его воле прослеживается космическая логика наших внутренних органов.

В высшей степени важно уяснить себе, что, просыпаясь утром и «ныряя» в свое тело, мы тем самым формируем свою волю. И если бы наше тело уже не было бы раньше сформировано определенным образом, то при пробуждении наша воля стала бы болезненно устремляться во всех направлениях: таково свойство сепаратного волевого начала. Но этого не происходит по той причине, что воля погружается в уже сложившуюся человеческую форму. Она как бы окунается в эту форму и заполняет ее, что и придает ей логическую направленность, упорядоченное расчленение. В результате хаотическая круговерть мыслей, всплывающих изнутри, приобретает логическую форму. А во время ночного сна человек подчиняется сверхлогике космоса. Только он не может удержать ее при пробуждении. Взамен этого его воля принимает формы его тела, в которое он при пробуждении погружается. Воля принимает формы тела в точности так же, как

Дорнах, 8 июля 1921 г.

вода, вливаемая в сосуд. Разница состоит лишь в том, что воля не просто, как вода, принимает пространственную форму сосуда, но заполняет собой все вплоть до мельчайших жилочек тела. Вода спокойно принимает неподвижную форму сосуда (разве что только у профессора Трауба, согласно его университетской логике — служанке теологии, — столы, стулья и прочие земные предметы бешено несутся в мировом пространстве, а на самом деле сосуд сохраняет полную неподвижность) и опирается только на его внешнюю стенку, тогда как воля проникает в мельчайшие разветвления телесных структур, опираясь на которые, фильтрует и контролирует хаотический бег образов.

Таким образом, то, что воспринимается как нижнее течение, представляет собой своего рода телесную эманацию. Оно также является порождением тела, чем-то сугубо телесным, причем постоянно

стремящимся освободиться от тела, вырваться из-под контроля телесных форм. И напротив, то, что при засыпании человек извлекает из тела и вносит в космос и что затем всплывает при пробуждении, строго следует закономерностям тела.

Итак, все устройство головы направлено исключительно на генерацию образов. Считать, что голова — физиологический инструмент суждений и умозаключений, значит быть в плену расхожего предрассудка. При посредстве головы мы попросту образуем представления. Если бы мы располагали только головой, а туловище не было бы задействовано в целях выработки представлений, мы бы непрерывно спали наяву. Ибо голова сама по себе склонна генерировать только сны наяву. Когда мы поутру окольным путем — через голову — возвращаемся в наше тело, когда мы снова приравниваемся к устройству своей головы, в наше сознание проникают сновидения. И лишь когда мы после пробуждения снова еще глубже проникаем в свое тело, — когда наша воля снова приспособливается не только к голове, но и к остальному организму, — только тогда воля снова восстанавливает способность вносить логику в беспорядочный круговорот сил, порождающих образы.

Присовокупите к сказанному то, что обсуждалось в предыдущих лекциях. Надо раз и навсегда уяснить себе, что голова — это всего лишь инструмент наших представлений, а суждения человек, как бы поразительно и парадоксально это ни звучало, составляет при помощи своих ног, а также рук и затем опять-таки при их содействии составляет умозаключения. Таково происхождение того, что

называется суждением и умозаключением. Наши представления — это всего лишь образы, отраженные в нашей голове, а суждения и умозаключения мы в качестве цельного человека выносим не только усилиями головы. Из этого, естественно, не следует, что калека не способен или не должен составлять суждения и умозаключения, ибо еще надо разобраться в том, каким специфическим образом это осуществляется у тех, кто по воле случая лишен конечностей.

Надо учиться приводить духовно-душевное начало человека в связь с общим устройством человека; надо уяснить себе, что логика, которую мы вносим в жизнь наших представлений, почерпнута нами из недоступных нашему обыденному сознанию областей — источника наших эмоций и воли. Наши суждения и умозаключения — это порождения тех же самых наших внутренних областей сна, откуда всплывают и наши чувства, и побуждения воли.

Печатью космического в наибольшей мере отмечено то, что касается наших математических способностей, причем эта область охватывает не только наше неподвижное состояние, но и человека в движении. Ведь в процессе движения мы постоянно образуем какие-нибудь математические фигуры. С внешней стороны движущийся человек представляет собой некое пространственное явление, а для интроспективного взора — это внутреннее переживание математики, отмеченное печатью космизма, причем это космическое начало является также нашим строителем. К числу таких строителей относятся и три пространственные

координаты — их мы также переживаем внутри себя. При этом мы их абстрагируем и проецируем образы, отражаемые в нашем мозге, на то, что внешним образом предстает нам в пространстве окружающего мира.

В наше время необходимо обратить внимание на то, что математически проецируемое человеком на окружающий мир одновременно строит и его самого, поскольку обладает космической природой. Об этом необходимо помнить потому, что благодаря бессмысленному кантианству пространство теперь рассматривается многими как субъективная категория, хотя на самом деле оно есть нечто реально переживаемое нами в той же самой сфере, где нами переживается волевое начало. Оттуда оно извлекается нами на свет Божий, и тогда мы проецируем его на мир внешних явлений.

Современный мир еще весьма далек от возможности исследовать эту внутреннюю вписанность человека в космос, его истинное место в космосе. Об этом во всеуслышание заявлено в моей «Философии свободы», где можно разыскать одно примечательное место: там я указываю на то, что за пределами обыденного сознания человек взаимосвязан со всем космосом, поскольку является его составляющей частью, и что на почве этого всеобщего космического начала вырастает начало индивидуально-человеческое, которое затем становится доступным повседневному сознанию. Именно это утверждение моей «Философии свободы» было понято меньше всего; многие не могли взять в толк, о чем идет речь. Вряд ли приходится удивляться тому, что в эпоху расцвета разных абстрактных

теорий, включая и знаменитую релятивистскую теорию Эйнштейна (точнее сказать, бестолковую эйнштейновщину), — в эпоху преобладания всех этих, по сути, более чем остроумных и хитроумных, но совершенно абстрактных теорий, — остается непонятным то, что ведет к постижению подлинной реальности.

Надо без усталости подчеркивать: одной логики не достаточно. Эйнштейновщина тоже логична, но не соответствует реальности. Сам принцип относительности не соответствует реальности. Мышление, соответствующее реальности, начинается только тогда, когда в процессе размышления реальность не теряется из виду. Как воспринимается, например, такая выкладка Эйнштейна: «Что произойдет, если часы со скоростью света унесутся в мировое пространство?» В наше время такого рода выкладки воспринимаются с полным благодушием. Но для того, кто подчиняет свое мышление требованиям реальности, кто душой взывает к реальности, выкладка о часах, уносящихся в мировое пространство со скоростью света, звучит примерно так же, как разговор о том, что останется от человека, если ему оторвать голову и вдобавок еще отрезать руки или ноги. После этого человек попросту перестает быть человеком. Закономерно построенное представление испаряется вместе с часами, улетающими в космосе со световой скоростью: это больше не часы! Их невозможно себе представить. Плодотворное мышление не должно отрываться от реальности. Гипотеза сама по себе может быть логичной и хитроумной, но это не значит, что она соответствует реальности. А наше время как раз

требует мышления, соответствующего реальности. Ибо абстрактное мышление в конечном счете приводит к тому, что, кроме абстракций, мы ничего не видим. В наше время принято превозносить добытые таким способом абстракции. И дело не в том, можно ли эти абстракции каким-то образом логически обосновать: надо научиться не терять реальности; гипотезы должны подтверждаться реальностью и не выходить за ее пределы.

Представления о самом человеке, вроде тех, которые я развивал сегодня, — вот пролегомены к мышлению, созвучному реальности. Сегодня оно способно вызывать только насмешки со стороны тех, кто прошел сквозь муштру общепринятого абстрактного мышления: ведь западное человечество уже три-четыре столетия подвергается дрессуре при посредстве сплошных абстракций. Но мы живем в поворотный момент развития, когда заново должен быть обретен путь к реальности. Люди сделались материалистами не потому, что утратили логику, а потому, что оторвались от реальности. Все логично: и материализм, и спиритуализм, и монизм, и дуализм — если только не происходит грубого нарушения законов мышления. Но быть логичным — еще не значит соответствовать реальности. Реальность может быть обретаема только в том случае, когда своим мышлением мы все дальше проникаем в ту сферу, о которой я говорил так: «В чистом мышлении человек улавливает краешек мирового становления». Эту формулировку вы можете разыскать в моих теоретико-познавательных работах, и именно это должно стать основой постижения мира.

В тот миг, когда мышление еще сохраняется, а сенсорные впечатления уже перестали поступать, мышление становится равноценным воле. Тогда различие между волей и мышлением стирается. Мышление становится волей, а воля — мышлением. Мышление, освобожденное от сенсорных восприятий, способно ухватить краешек мирового становления. И прежде всего надо постараться составить себе представление о таком чистом мышлении. С этого завтра и начнем.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 9 июля 1921 г.

В предыдущих лекциях мы ставили задачу исследовать взаимосвязь человека с окружающим миром. Вчера я попытался указать вам на то, как человек вписан в космический мир мыслей, который и строит весь его организм. Поэтому человек, обращаясь к скрытой от повседневного сознания и будничного опыта грани собственного устройства, должен признавать себя составной частью космоса и только повседневную жизнь своих представлений считать принадлежащей собственному сознательному «Я». С другой стороны, человек вписан в тот пласт мышления, который, как было сказано, можно уловить в виде нижнего потока повседневного сознания. Он также относится к числу того, что человек причисляет к достоянию своего сознательного «Я». Тем самым мы вчера попытались осветить существо человека в качестве носителя мыслительной деятельности, иными словами, участника мира мыслей.

Дорнах, 9 июля 1921 г.

Чем больше приближаешься к такому взгляду на мир и человека, тем лучше удастся вписать человека в мировое становление, поскольку он сам является обязательным звеном развития всего космоса. И если принять во внимание фрагмент человеческого существа, составленный из его повседневного мыслительного опыта и того нижнего потока сознания, который был мной охарактеризован вчера, то именно тогда и становится понятно, что человек становится свободным, самодовлеющим существом благодаря той части его устройства, которая была дарована ему космосом.

Подобное размышление о человеке можно продолжить, и сегодня мы попытаемся поставить человека в связь с остальными царствами природы. Для этого требуется только учесть, насколько ошибочным было бы осмысливать отношение человека, допустим, к миру животных в духе современных анатомических и физиологических исследований. Само собой, когда в первую очередь принимают во внимание общий внешний облик человека, образуемый его отдельными органами, бывает нетрудно заметить, что человек располагает приблизительно тем же количеством костей, мускулов и так далее, как и высшие животные, хотя в нем эти органы или системы органов специфическим образом преобразованы, прошли определенную метаморфозу. На этом основании человека можно причислить к животному миру. Однако к совершенно другому выводу — об этом я не раз уже говорил — можно прийти, если учесть, насколько иначе человек вписан в космос. Тогда надо отметить: позвоночный столб животного, по сути, расположен горизон-

тально, то есть параллельно поверхности Земли, а позвоночник человека расположен к ней под прямым углом. Если перестать видеть во всем грубо материальную детерминированность и проникнуться пониманием, что вертикальное или горизонтальное расположение позвоночника у того или иного живого существа определяется его космическими взаимосвязями, то можно оценить значение столь специфического положения позвоночника у человека. В результате этого и голова человека находится в совершенно другом положении по отношению ко всему организму. Если пробиться к пониманию того, что весь космос пронизан и пропитан мыслями, то последовательным было бы делать упор на потоках мыслей, пронизывающих мировое пространство: тогда окажется совсем не безразличным, что поток, проходящий вдоль позвоночного столба человека, имеет радиальное направление по отношению к Земле, а у животных он проходит параллельно земной поверхности.

То, что человек таким образом ориентирован в космическом пространстве, необходимо рассматривать в связи с особым устройством и человека как целого, и его отдельных органов. Ведь каждый орган и каждая система органов у человека поставлена в иное отношение к космосу, нежели у животного. От того, что во время сна позвоночник человека располагается горизонтально, принципиально ничего не меняется: дело не в случайных положениях тела, а в общем направлении роста организма и связанном с ним расположении систем органов. И другие процессы, происходящие в организме человека, можно правильно оценить, только

принимая во внимание, что позвоночник животного параллелен поверхности Земли, а позвоночник человека направлен вертикально. Для начала мне хотелось бы обратить ваше внимание на другую душевную систему: вчера мы занимались мыслительной системой человека, а сегодня обратимся к волевой.

И к волевой системе нужно подходить, сознавая, что человеческая жизнь составлена из ряда чередующихся состояний сна и бодрствования. В состоянии бодрствования человек полностью погружен в свою телесность, а во сне своим «Я» и астральным телом он пребывает вне физического и эфирного тел. Как вчера было сказано, пробуждаясь поутру, мы в лучшем случае выносим из мира космических мыслей какое-то смутное воспоминание, ибо все время от засыпания до пробуждения были погружены в бурное море космических мыслей. Но главное из того, что мы приносим с собой после пробуждения и что руководит нами в течение дня, — это воля, почерпнутая нами во время сна из моря космических мыслей, а точнее — из его пластически-образной составляющей. Мы выныриваем из этого моря, принося с собой волевое начало, которое, как было охарактеризовано, настраивает наш внутренний мир на логический лад. Случается, что при пробуждении остатки сна демонстрируют нам, как протекала бы наша душевная жизнь, если бы и во время бодрствования почерпнутая нами воля не вносила в нее логический элемент.

Итак, воля как бы прорывается в то, что кипит и бурлит в человеческом организме. Всмотримся в этот процесс более пристально. Сначала учтем, где

именно происходит этот прорыв воли: это область хаотического нагромождения образов сна, а также такое сплетение сновидческих образов, которое характерно для нижнего потока нашего повседневного сознания. Можно сказать, что во время сна ткань наших мыслей отбрасывает те физиологические тормоза, которые в бодрствующем состоянии от пробуждения до засыпания контролируют логическую упорядоченность мыслительной жизни. Ареной волевого прорыва является то самое хаотическое нагромождение сновидческих образов и представлений, которое при пробуждении мы вносим из космоса в собственный организм. Присмотримся к тому, в чем проявляется наша воля в первую очередь.

Этот прорыв воли проявляется в первую очередь в том, что наш мыслительный процесс стряхивает с себя сновидческую беспорядочность и хаотическое состояние. Плохо бы нам пришлось в жизни, если бы наши мысли продолжали так себя вести. Как же ведут себя мысли в нормальной душевной жизни? Они каким-то образом должны быть связаны с жизнью. Их можно впоследствии вспомнить. Вот что в первую очередь, на первой же стадии своего вмешательства предпринимает воля в отношении наших мыслей. Она располагает их в таком порядке, что в результате мы приобретаем адекватную память. Итак, можно сказать следующее.

Здесь перед нами как бы вздымающееся изнутри нашего организма хаотическое сплетение мыслей (красный). Как раз это особенно сильно проявляется у мечтательных натур, подчас не испытывающих радости от нормальных воспоминаний о

жизни и предпочитающих, чтобы мысли прихотливо сцеплялись друг с другом, а затем расходились, руководствуясь созвучием слов и вольными ассоциациями. Такое беспорядочное сцепление мыслей преобладает у подобных грезящих натур. Но и нормально сознающие себя люди могли бы без труда заметить присутствие в себе во время бодрствования этого нагромождения мыслей в качестве нижнего потока сознания. При пробуждении воля врывается в это хаотическое сплетение мыслей. Откуда же она приходит?

В постели покоятся физическое тело (синий) и тело эфирное (желтый). Здесь схематически представлено то, что, по сути, мы оставляем при засыпании вечером, а по утрам вновь подбираем. Сюда же мы прорываемся своей волей (на рисунке я изображу это стрелками сверху). И первое, что про-

изводит воля, — это упорядочение хаотического сплетения мыслей и преобразование их в нашу нормальную память. Итак, первым делом прорвавшаяся воля трансформирует мыслительный хаос в упорядоченную память. Можно сказать: поутру эфирное тело и тело физическое еще ощущимо влияют на память; они представляют собой как бы зеркальную, отражающую поверхность. Однако прорыв воли производит реальную перемену. Это можно заметить. Попробуйте как следует представить себе, что произошло бы, если бы при утреннем пробуждении единым бурлящим потоком в душу хлынуло бы все пережитое вами в пятилетнем возрасте, в семилетнем, опять-таки в шестилетнем возрасте, опять-таки в возрасте 15 лет или 65-летнем возрасте, затем в возрасте 21 года, в 17 лет, затем в восьмилетнем возрасте, и все это кипит, бурлит и блещет всеми цветами радуги. Вот куда прорывается наша воля. Тогда все снова распределяется в памяти в хронологическом порядке, поэтому случившееся в девятилетнем возрасте не обгоняет происшедшее на восьмом году жизни, и так далее. Итак, прорыв воли формирует правильные воспоминания на основе этого хаотического сплетения сновидческих образов и все расставляет по местам. Обычно проявление воли в работе памяти остается малозамеченным. Многие вообще не хотят усматривать в работе памяти этого проявления воли. И все же оно там присутствует, хотя и мало осознается человеком.

А вот другое проявление воли заметить легче, ибо речь идет о человеческой фантазии, о воображении, в которые воля, принесенная при пробуж-

дении, превращает этот хаотический клубок мыслей (см. рис. на с. 143). Такова вторая составляющая активности воли. Довольно быстро убеждаешься, что в своем внутреннем мире мы можем направлять волю по собственному произволу. В отношении памяти мы еще подчинены своему организму — сказывается сильное воздействие физического тела и тела эфирного; а полет фантазии мало что сдерживает: в этой сфере вы можете направлять свою волю куда угодно. И все же существует огромная разница между пылким фантазером и обыкновенным мечтателем, пассивно предающимся потоку своих произвольных мыслей. Тот, кто дает волю своей фантазии, знает о роли волевого начала в этом нагромождении образов и произвольно формирует его по собственному желанию.

Но есть еще и третье проявление воли: логическое мышление. В этом случае человек, с одной стороны, целиком и полностью предается волевому началу, а с другой — его воля тормозится, движется не столь свободно, как в сфере фантазии. Логическое мышление, столь необходимое в жизни и в науке, насквозь пропитано активностью нашей воли; это одновременно область и нашей личной свободы, и добровольного подчинения законам логики. Подчинение законам логики — это добровольный, свободный поступок. Итак, третье: логическое мышление.

Почему же, с одной стороны, логическое мышление целиком подчинено воле? Потому что логическое мышление при отсутствии руководства со стороны воли превратилось бы в цепь навязчивых мыслей. Наше логическое мышление должно

полностью опираться на волевое начало. Хотя на деле мы образуем мысли главным образом благодаря тому, что направляем их в сторону внешнего мира, нашего наипервейшего наставника по части логики. Он дисциплинирует и приводит в логический порядок неразбериху наших внутренних образов. Тем самым мы при помощи воли подчиняемся законам логики. В каком-то смысле внутренний выбор (то есть акт воли) остается за нами: ведь, с одной стороны, в мыслительном процессе воля остается свободной, а с другой — она жертвует этой свободой ради торжества законов логики. Во всяком случае, активность воли просматривается на всех трех этапах: память, фантазия, логическое мышление; это та самая воля, которая от засыпания до пробуждения действует за пределами нашего физического и эфирного организмов, а утром при нашем пробуждении внедряется в них снова: тогда это недифференцированное пламя эфирного и физического тел, проникающее в круговорот наших мыслей, расщепляется на три языка — на память, фантазию и логическое мышление.

Логическое мышление не является областью безраздельного господства нашей воли: там она не единовластна. Когда мы даем волю своей фантазии (а в ней отчетливо прослеживается активность воли), мы ощущаем свою ведущую роль; что касается логического мышления, то здесь не все в нашей власти. В этом случае мы целиком и полностью подчинены космосу, но не одному только космосу, лежащему за пределами человека, а космосу всеобъемлющему, включающему в себя и человека.

Ибо, само собой, логика приложима не только к внечеловеческому космосу, но и к космосу плюс человек. Логика не субъективна и не объективна — она и то и другое одновременно.

Итак, мы видим, какую роль играет то, что при утреннем пробуждении мы привносим в свою душевную жизнь. И мы к тому же знаем, что воле свойственно периодически погружаться в космический мир мыслей, а в наш душевный мир, в свою очередь, просачивается нечто, вздымающееся из недр нашего физического и эфирного тела.

Такова одна — космическая — сторона господствующей в нас воли: мы расстаемся с ней при засыпании и вновь приносим ее с собой при пробуждении. Но из элементарного самопознания следует, что в человеке присутствует не только та воля, о которой у нас шла речь, ибо она главным образом проявляется на уровне душевной жизни — в памяти, в фантазии и логическом мышлении. Но ведь мы ходим, работаем руками, пользуемся разными инструментами, а это тоже проявления воли, только не на вышеописанном чисто душевном уровне: воля как бы охватывает и обволакивает наш физический и эфирный организмы. Поэтому я должен на нашем рисунке отобразить волю не только верхними стрелками, но и представить ее пронизывающей физическое и эфирное тела (см. рис. на с. 143: стрелки снизу). Выходит, воля присутствует и в том, что ночью остается лежать в постели. Воля, о которой у нас сейчас идет речь, как бы противостоит той воле, которая во время сна покидает тело: по существу, во внешних поступках задействована именно эта воля. Таким образом, воля,

локализованная в недрах нашего организма (в наших внутренних органах), приводится в действие противостоящей ей волей. Человек, занятый какой-либо деятельностью, может отчетливо видеть разницу между этими двумя сферами воли: это вполне доступно бодрствующему сознанию.

Проследите взаимодействие этих двух противонаправленных волевых течений. Одно из них кипит и бурлит в недрах человеческого организма, причем направлено оно снизу вверх. Другое же течение прорывается сверху вниз. Здесь-то как раз и проявляется роль вертикального положения тела человека в мировом пространстве: его организм образует прямой угол с горизонтально ориентированными телами животных. В результате волевые течения у человека совершенно иначе вписаны в космос. Поэтому, исследуя составляющие человеческого организма, изучая, как его устройство складывается из отдельных волевых течений, — надлежит также учитывать и значение этого вертикального положения человека.

Продолжим изучение этих двух волевых течений. Здесь, как и во многих иных духовно-научных исследованиях, не наблюдается того, что обычно происходит при математических изысканиях, когда одно вытекает из другого, — в духовной науке одна истина может спокойно соседствовать с другой, и их общий знаменатель еще только предстоит открыть. На поверхностный взгляд тут не хватает «доказательности». Это сравнимо с тем, как на одном и том же поле может пасть лошадь, а рядом с ней — корова. Такому факту, конечно, есть свое объяснение, но только не надо присутствие коровы

выводить из существа лошади — это попросту невозможно. Однако именно в таком духе нередко приводятся возражения против доказательности духовной науки.

Мне хотелось бы в дополнение к сказанному привести пример, а вы должны потрудиться и мало-помалу увязать его для себя со всем вышеизложенным.

Все душевные процессы человека отражаются и на его телесности, запечатлеваются в ней. Человек так устроен, что при пробуждении включает память, фантазию и логическое мышление, а во время сна опять оставляет их в покое. Это своего рода ритмический процесс. Этому ритму противостоит другой: волевое течение, локализованное в наших внутренних органах. Эти противонаправленные течения, в свою очередь, отображаются в организме человека: чтобы это заметить, достаточно обратиться к той системе органов, наличием которой мы обязаны дыхательному ритму. На днях я обращал ваше внимание на то, как ритм дыхания реально может быть соотнесен с засыпанием и пробуждением. Состояние сна воздействует на ритм дыхания — оно становится размеренным и спокойным. Эта взаимосвязь ритма дыхания и ритмического чередования сна и бодрствования не столь очевидна, однако она реально присутствует. Рассматривая восходящее волевое течение в человеке, важно учитывать ритм дыхания, а также всю дыхательную систему человека с его органами речи включительно. Наше дыхание и речь в основном направлены кверху, хотя из-за расположения нашего горла мы приспособились

говорить, направляя звуки от лица. Здесь действует ритм, причем ритм единый.

Кроме того, существует ритм циркуляции крови, выражающийся в биении нашего пульса; как известно, ритм пульса соотносится с дыхательным ритмом приблизительно в пропорции четыре к одному. Обращаясь к анатомии и физиологии, нетрудно установить, что ритм пульса — ритм циркуляции крови — тесно связан с системой обмена веществ и системой конечностей в нижней части нашего организма. Автономную ритмическую систему мы встречаем только в нашей системе дыхания. Чем больше вникаешь в особенности дыхательной системы, с одной стороны, и системы пульса — с другой, тем сильнее обнаруживается, что органическую основу выработки памяти, фантазии и даже логического мышления необходимо соотносить с ритмом дыхания, а все то, что связано с волей, пропитывающей внутренние органы, — соотносить с системой пульсации, в которой она находит свое внешнее выражение. И как воля, присутствующая в наших внутренних органах, сплавлена с волей, которую мы при пробуждении приносим с собой из космоса, так и дыхательный ритм неразделим с ритмом пульса, с ритмом циркуляции крови. Во взаимопроникновении ритма дыхания и ритма пульса мы обнаруживаем буквально телесное взаимодействие того, что вздымается из недр нашего организма, и того, что прорывается сверху (разве только верхнее течение вчетверо медленнее нижнего). Если этой линией обозначить продолжительность одного дыхательного цикла, то в ней уместились бы четыре удара пульса.

И на самом деле все относящееся к ритмическому искусству покоится на этой пропорции ритмов пульса и дыхания. Я уже имел случай затронуть эту тему при обсуждении искусства рецитации¹. Но можно привести и другие подробности. Например, если за основу взять ритм пульса, то получится двухсложный стихотворный размер, стопа которого содержит безударный (или краткий) слог, и ударный (или длинный) слог. А если дыхательный ритм скомбинировать с ритмом пульса, то получится, например, стихотворный размер гекзаметра и так далее. Все стихотворные размеры опираются на ритмические соотношения, присущие самому человеку.

При исследовании ритма крови на передний план скорее выступает телесное начало, а при исследовании дыхательного ритма — скорее начало душевное. По сравнению с ритмом крови дыхательный ритм в большей мере соответствует душевному началу. Ритм дыхания так же в большей степени обращен наружу, равно как и логическое мышление. Заметьте, некоторая беспорядочность этих ритмов бывает связана с определенной беспорядочностью

¹ Подробнее см.: ПСС. Т. 281 («Искусство рецитации и декламации») и ПСС. Т. 280 («Методика и сущность речеобразования»).

самой жизни человека. Если среднестатистическое соотношение этих ритмов составляет четыре к одному, то не лишены смысла и такие варианты, когда, допустим, ритм дыхания замедляется или ритм пульса ускоряется. Такое тоже возможно, причем весьма незначительные отклонения от нормы сразу дают о себе знать внешним образом.

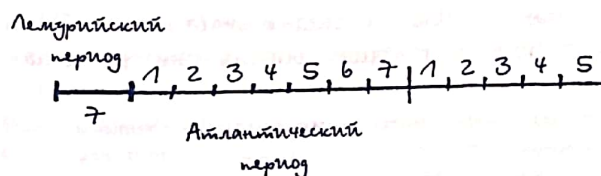
Я поясню это на крайнем примере. Допустим, кто-то приходит в сильное возбуждение. Он может вспылить и начать ругаться. Дело может дойти до настоящего бешенства. Или же такой случай: человека охватывает апатия в мыслях — «мозги» не шевелятся, думать неохота. И как вспышка бешенства может перейти в ругань и даже драку, так и мыслительная апатия постепенно приводит человека к своего рода обморочному состоянию. Повышенная эмоциональность и нервная возбудимость в первом случае связана с учащением ритма кровообращения, а апатичное и полубморочное состояние мыслей во втором — связано с замедлением дыхательного ритма.

Как видите, человек также вписан во всеобщий мировой ритм, и от этого зависят его телесные и душевные проявления. Ведь повышенная эмоциональность имеет и свою телесную сторону: течение, проходящее через наш организм снизу вверх, несколько убыстряется, внутренние органы претерпевают дополнительную встряску, и, когда дело доходит до бешенства, эта встряска становится вполне ощутимой. А течение, нисходящее сверху вниз, замедляется, мысли еле ворочаются и не хотят спускаться сверху вниз. Мы снова убеждаемся в значимости идеи о взаимосвязи человека

со всей Вселенной. Но если механически пересчитывать количество костей и мускулов человека по образцу современной анатомии, то неизбежно придешь просто к ребяческим представлениям и к выводу о том, человек — это всего лишь высшее животное. Вот почему необходимо учитывать космические взаимосвязи человека.

Теперь мне хотелось бы перейти к теме, с виду далеко отстоящей от того, что обсуждалось сейчас, но в сочетании с предметом нашей завтрашней лекции образующей с ним единое целое. От рассмотрения бытия человека обратимся к процессу человеческого становления. Вы знаете, что в настоящее время мы живем в так называемой пятой постатлантической культурной эпохе, начавшейся где-то в 1415 или 1413 году и продолжающейся до сих пор. Ей предшествовала четвертая, начавшаяся примерно в 747 году до Мистерии Голгофы¹, а той предшествовала третья, начало которой приходится на четвертое тысячелетие до Рождества Христова.

Поступательную смену таких эпох можно отобразить на следующей схеме.

Припомните, что атлантическому периоду предшествовал период, который я назвал в своем

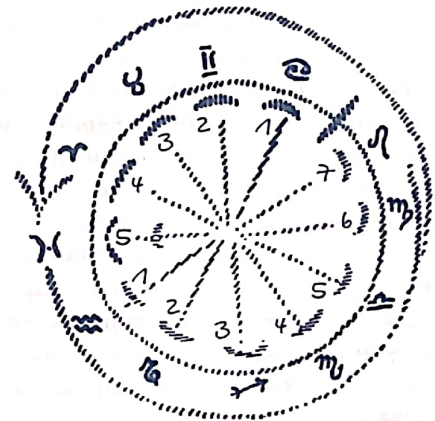
¹ Имеется в виду в 747 г. до н.э.

«Очерке тайноведения» лемурийским. На нашей схеме я отмечу только последнюю фазу этого лемурийского периода; за ней следуют семь культурных эпох атлантического периода и, наконец, праиндийская, праперсидская, египто-халдейская, греко-латинская и наша — пятая — эпоха культуры. Она замыкает весь ряд. Таков схематический порядок смены эпох.

Из того же «Очерка тайноведения» и моих лекций вы знаете, что такая смена эпох длится как раз такой период времени, который требуется на то, чтобы точка весеннего восхождения Солнца обошла весь зодиакальный круг. Все это, конечно, напоминает игру случая, однако для нашего сегодняшнего обсуждения такое кажущееся совпадение играет важную роль. В 747 году до события Голгофы эта точка весеннего восхождения вступила в зодиакальный знак Овна¹, где и пребывала вплоть до XV столетия. Затем она переместилась в знак Рыб, где и находится до сих пор. До 747 года точка весеннего восхождения Солнца находилась в знаке Тельца: в продолжение всей египто-халдейской культурной эпохи Солнце по весне вставало в знаке Тельца — отсюда и культ тельца. Этой культурной эпохе предшествовала праперсидская.

¹ Рудольф Штайнер, очевидно, имеет в виду не знаки, а созвездия: проекция точки восхождения Солнца в день весеннего равноденствия на зодиакальные созвездия меняет свое местоположение год от года, перемещаясь в направлении от Овна через Тельца к Рыбам. В современной астрологии нулевой градус знака Овна принято привязывать именно к координатам этой точки. То есть каждый год Солнце в день равноденствия оказывается в нулевом градусе знака Овна, но сами координаты этой точки относительно созвездий меняются.

Тогда Солнце восходило в знаке Близнецов. А в знаке Рака Солнце восходило во время праиндийской эпохи. Продолжая двигаться вспять по оси времени, мы подходим к атлантическому периоду, разбитому, в свою очередь, на семь культурных эпох. Теперь я попрошу вас обратить внимание на следующее, и для начала пусть оно предстанет нам в форме загадочной проблемы.

Нарисуем по порядку знаки зодиака: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы. Цифрами обозначим поступательный ряд культурных эпох. Вы знаете, что в настоящее время точка весеннего восхождения Солнца находится в знаке Рыб: мы живем в пятой постатлантической культурной эпохе. Двигаясь вспять (темная штриховка на рис.), мы приходим к Овну, то есть четвертой послееатлантической культурной эпохе, затем к Тельцу, то есть тре-

тьей послеплатонической культурной эпохе, затем к Близнецам, то есть второй послеплатонической культурной эпохе и, наконец, к Раку, то есть первой послеплатонической культурной эпохе. Теперь мы подходим к атлантическому периоду времени. Он также разделен на семь культурных эпох (светлая штриховка): Лев — седьмая, Дева — шестая, Весы — пятая, Скорпион — четвертая, Стрелец — третья, Козерог — вторая, Водолей — первая; и тогда мы возвращаемся в лемурийский период и опять приходим к Рыбам.

Как видите, если обратиться к этому важному отрезку времени — последней культурной эпохе лемурийского периода — и сопоставить его с тем, что написано об этой важной эпохе развития Земли и человечества в моем «Очерке тайноведения» или в отдельно вышедшей книжечке «Наши атлантические предки»¹, вы натолкнетесь на загадочную проблему, убедившись, что о человечестве в современном понимании этого слова можно говорить только с наступлением этой эпохи, причем точка весеннего восхождения находилась тогда в том же самом знаке зодиака, что и сейчас. Человечество завершило полный кругооборот по небосводу и в определенном отношении опять подошло к отправному пункту.

Сказанное относится к становлению человека. Мы неоднократно пытались представить, как с ходом времени, — возвращаясь назад вплоть до атлантического периода, — менялась душевная

¹ Отдельное издание главы из книги «Из летописи мира. Акаши-хроники» (ПСС. Т. II).

жизнь человека. Мы знаем, насколько вся конфигурация душевной жизни в праиндийскую эпоху отличалась от нашей, и еще больше она отличалась в атлантический период. Однако, ознакомившись с моей книжечкой о наших атлантических предках, можно узнать, что уже атлантический период был таким временем, когда телесные особенности человека отображали его душевный строй. В послеплатонический период изменения претерпевала в основном душевная жизнь, а в атлантический период все тело подвергалось преобразованию. Таким образом, в ретроспективе мы все больше из области чисто душевных трансформаций (см. верхнюю половину рис. на с. 155) перемещаемся в область телесных метаморфоз (нижняя половина рис.), где господствуют иные волевые течения. Пройдя вспять атлантический период, мы наталкиваемся уже на метаморфозы, затрагивающие телесный облик человека. Можно сказать, что во время предыдущего прохождения точки весеннего восхождения Солнца через знак Рыб едва ли не впервые возникает известный нам облик человека (темная штриховка на рис.). Именно здесь начинается формирование человеческого облика. И здесь же начинается формирование облика душевного — чтобы в будущем, пройдя весь зодиакальный круг, вновь вернуться к исходному пункту формирования облика телесного. Итак, на знаки Рыб, Водолея, Козерога, Стрельца, Скорпиона и Весов включительно (вплоть до знака Девы) приходится трансформация человеческого тела (светлая штриховка); и только на верхние знаки зодиака приходится преобразование душевного существа человека.

Эти сведения необходимо сначала извлечь из духовной науки, и тогда станет ясно, что мы подошли к тому моменту времени, когда можно, с одной стороны, составить представление о сущности человека, а с другой — хотя бы предощутить (и я это многократно подчеркивал) важность нашей эпохи, ибо точке весеннего восхождения Солнца потребовалось совершить полный кругооборот в мировом пространстве, чтобы снова вернуться к подобной эпохе. Значит, нам надлежит исполнить определенные задачи, связанные с возвращением человечества к своему отправному пункту: людям следует предпринять в области своей душевной жизни нечто подобающее значению такого возвращения к истокам. Сегодня мне хотелось только указать на то, что должно затронуть ваши чувства осознанием важности современной эпохи. Сказанное мною распространяется на всех прогрессивных представителей цивилизованного мира, ибо, по сути дела, от них зависит дальнейшее развитие человечества.

С этого завтра и продолжим.

Дорнах, 10 июля 1921 г.

В конце вчерашней лекции я обратил ваше внимание на тот момент, начиная с которого (согласно воззрениям духовной науки), можно реально считать, что на Земле проходит развитие человек современного типа. Я также говорил, что точка весеннего восхождения Солнца с того момента описала по небосводу полный круг: отправляясь от знака Рыб, вернулась к тому же самому знаку. И все, что я в этой связи говорил о развитии человечества на Земле, разумеется, следует понять правильно. Ведь мы говорим об общем развитии человечества, которое, по сути, берет начало еще во времена Древнего Сатурна, и при таком охвате развитие человечества на Земле представляет собой всего лишь одно из звеньев в цепи общего развития. Однако, само собой, это не исключает возможности того, что во времена Древнего Сатурна, а также во времена Древнего Солнца и Древней Луны, человек выглядел существенно иначе: его облик не поддается никакому

сравнению с обликом современного человека. Но если рассматривать именно современный облик земного человека, то следует сказать, что завершающая фаза лемурийского периода развития представляла собой подготовку к формированию земным человеком именно такого физического облика, что это формирование продолжилось в атлантический период и что (как описано в моей маленькой книжечке) весь этот процесс укладывается в рамки одного кругооборота точки весеннего восхождения Солнца.

Мы поговорим о сегодняшних велениях времени, когда человек снова возвратился к исходному пункту своего существования. Для большей ясности я нарисую вам такую схему. Невозможно утверждать, что со времен последней фазы лемурийского периода, когда точка весеннего восхождения Солнца также находилась в знаке Рыб, человечество в своем развитии совершило некий кругооборот, двигаясь по замкнутому кругу (понятно, что круг представляет собой только схематическое изображение процесса развития).

Траекторию развития надо представлять себе в форме спирали. Таким образом, если отправная точка древнелемурийского периода расположена здесь, то повторное возвращение к ней, естественно,

означает, что произошло эволюционное возвышение человека, но на новом витке развития его отношение к космосу в наше время как бы возвратилось к своей отправной точке. Как раз жизнь в условиях этого изменившегося отношения к космосу мы и собираемся обсудить.

Не так давно в Штутгарте перед аудиторией специалистов я прочитал цикл лекций, посвященный возможной астрономической картине мира¹. Я указал на то, что длительное время картина мира по Птолемею считалась совершенно правильной. Причем эта птолемеевская картина мира отличается большим остроумием: она при помощи определенных линий, складывающихся в геометрические фигуры, наглядным образом иллюстрирует все многообразие траекторий движения небесных светил. Затем изменились социальные отношения (о чем я часто рассказывал), в результате эта птолемеевская картина мира была заменена другой, картиной мира по Копернику, которая, хотя и с важными поправками, признается правильной по сей день. В своих штутгартских лекциях я указал на то, что и эта мировая система представляет собой не что иное, как выполненную при помощи линейной графики иллюстрацию того, что мы видим собственными глазами либо при помощи телескопов и прочих приспособлений. И невозможно утверждать, будто мировая система по Копернику принципиально правильной картины Птолемея — это просто иной способ обзора

¹ См.: ПСС. Т. 323 («Отношение различных областей науки к астрономии»).

ния мировых явлений. И я попытался увязать все эти мировые явления с внутренними переживаниями человека, проследив, как, например, определенному движению Земли отвечает сопутствующее движение в самом человеке. Мне хотелось бы сегодня, не вдаваясь в несущественные для наших целей подробности, представить вам в самых общих чертах результаты своего исследования.

Когда пытаешься не просто односторонним путем (будь то картина мира Птолемея или же Коперника) привести к общему знаменателю все мировые явления, убеждаешься в сложности конечного результата и в невозможности обойтись той незамысловатой моделью, которую можно построить на бумаге или на макете земного шара. По сути, никак не удастся подытожить все феномены Вселенной столь простым образом. Причем на этом пути наталкиваешься на нечто в высшей степени примечательное; об этом тоже следует поговорить (я постараюсь все предельно упростить), каким бы парадоксальным это ни выглядело в глазах наших современников.

Ведь наши современники верят, что нынешняя наука превзошла все предшествовавшие достижения и, по сути, дальше развиваться некуда. Из-за этой веры человечество движется навстречу ужасающей культурной судьбе. Однако и нечто правильное должно же каким-то образом быть представлено. Пропорционально росту объема накопленной информации душевное состояние человека при соприкосновении со сложностью мировой системы весьма напоминает происходящее в душе при пробуждении (о чем мы говорили вчера и

позавчера), когда человек еще погружен в хаотический мир образов и это состояние присутствует в нас в форме нижнего потока сознания. Я схематически изобразил вам организм человека в отношении эфирного и физического тел и указал, что именно оттуда всплывают те хаотические образы, которые практически не оставляют нас и в дневное время. У грезящих натур это проявляется весьма ощутимо, хотя и любой может это заметить на дне своей души. И это особенно заметно, когда в утренние часы ты еще только погружаешься своим «Я» и астральным телом в свое физическое тело и эфирное тело. Я имею в виду не сами образы (в зависимости от совершенства или несовершенства данного индивида они могут быть весьма поэтичными и артистичными, хотя чаще бывают беспредельно хаотическими), а душевное состояние человека, который, будучи человеком мыслящим исключительно логично и привыкшим к логическому мировосприятию, чувствует себя погруженным в стихию этих образов. Подразумевается не то душевное состояние, которое обусловлено догматической предвзятостью с ее неподобающими упрощениями при конструировании мировых систем, а беспристрастная самоотдача мировым явлениям. Люди приходят в такое душевное состояние при столкновении с нарастающей сложностью и взаимопроникновением мировых феноменов.

Без сомнения, наше время привело к тому (причем это даже великое благодеяние, учитывая душевные наклонности большинства людей), что каждый недоучка-школьник твердо знает: Солнце находится в фокусе эллипса, планеты вращаются вокруг

Солнца, звезды стоят неподвижно и так далее. Это известно любому недоучке, и проще этого ничего не бывает. Однако при беспристрастном подходе к предмету и при условии отказа от профессиональной зашоренности подобная простота невозможна, поскольку все представляется в высшей степени сложным. И в конечном счете люди впадают в описанную мной душевную прострацию, когда признаются: «Вступаешь в ту сферу, где определенное переходит в неопределенное, где геометрически четко выверенные направления подменяются более чем проблематичными траекториями». Такое душевное состояние навеивает мысль, что все умственные конструкции — это, в сущности, не более чем тобою же и сотворенные модели, поэтому они и поддаются разного рода упрощениям, как если бы, скажем, Мадонну Рафаэля попытались превратить в некий схематический чертеж. Но в таком чертеже мало что останется от Сикстинской Мадонны, и точно так же система Коперника представляет собой безмерное упрощение подробностей и частных открывающейся нам картины мира. Исходя из этих соображений, становится понятным: если в конечном счете приходишь к подобному выводу относительно мировых явлений, значит, невозможно справиться с реальностью вообще, ибо со своей стороны мы располагаем только тем душевным состоянием, которое противостоит миру образов, всплывающих со дна нашей души, когда при утреннем пробуждении мы возвращаемся из космоса и вновь вступаем в наше тело. Выходит, и речи быть не может об умении справляться с реальностью.

Именно такие соображения необходимо принять во внимание, если мы хотим исчерпывающим образом понять, что своим сознанием живем в мире Майи, мире великой иллюзии. Как раз в мире Майи мы обретаемся со своей картиной мирового пространства и происходящих в нем явлений. К этому миру иллюзий мы можем причислить и явления окружающего нас чувственного мира: результат получится сходным. Ни в коем разе мы не подтверждаем беспрестанно повторяемые по сей день выводы одной глупейшей теории познания, возникшей на рубеже XVIII и XIX веков, о том, что внешние явления будто можно объяснить механическими и электродинамическими законами волновых колебаний (выражаясь по-современному, электронов), воздействующих на наши сенсорные органы, и потому якобы воспринимаемое нами — это всего лишь субъективный след такого рода объективной внешней реальности. Говорить в этом духе о явлениях внешнего мира — значит подтверждать ту глупейшую теорию. По этой части можно сделать весьма экстравагантные наблюдения.

Стоит только кому-нибудь в наше время возвысить свой голос против этой теории познания, как сразу же пускают в ход аргумент: «Но ведь Кант сказал...!»! Кантианцы — по крайней мере, большинство из них — превратили сочинения своего кумира прямо-таки в священное писание.

По мелочам, конечно, они в нем кое-что меняют и подновляют, но в целом для них это священный и неприкосновенный текст. Здесь-то и наблюдается нечто экстравагантное. Как-то в Берлине я читал

по этому вопросу цикл лекций¹; это было зимой 1900–1901 годов, как раз в ту зиму, когда господин фон Гляйх² оповестил общественность, что некий господин Винтер преподавал мне теософию (зимний сезон³ 1900–1901 он перепутал с неведомым господином Винтером, моим мнимым наставником в области теософии!). Не знаю, с чего это ему взбрело в голову: сам ли он вычитал это имя на титульном листе моих лекций, которые тогда сразу же были опубликованы в Берлине и в подзаголовке которых, в частности, значилось: «лекции, прочитанные зимой такого-то года», либо же его попросту неправильно информировали, что это «лекции, прочитанные Винтером»? И этот аргумент несколько не умнее прочих благоглупостей генерала фон Гляйха. Однако на тех берлинских лекциях присутствовал и один заматерелый кантианец. «Присутствовал», наверное, сильно сказано, ибо он преимущественно дремал во время лекций, причем трудно сказать, что именно способен воспринимать слушатель в подобном состоянии; одно только могу сказать наверняка: как только произносилось имя Канта, этот господин непременно открывал глаза. И вот как-то во время лекции я привел один аргумент (кстати, придуманный не мной): «Если строго в духе Канта говорить об абсолютно неведомой вещи в себе, то допустим и такой

¹ Опубликовано в виде книги «Мистика на заре духовной жизни современности и ее отношение к современным мировоззрениям» (НСС, т. 7).

² Генерал *Гарольд фон Гляйх* в 1921 и 1922 гг. выступил с лекциями и брошюрами, направленными против Рудольфа Штайнера.

³ По-немецки слово «зима» пишется с заглавной буквы и звучит как Винтер (распространенная в Германии фамилия).

вариант, что за покровом чувственных явлений скрываются сплошь одни иголки или булавки». И как только я это произнес, кантианец вскочил как ужаленный и заорал: «По ту сторону явлений нет ни пространства, ни времени; а булавка — это пространственный предмет, и, значит, вещь в себе не может состоять из булавок!» Вот вам образчик (и им несть числа) того, как реагируют ортодоксальные кантианцы, если чувствуют, что их священное писание каким-то образом ущемлено.

На самом деле мир вовсе не устроен так, что неведомые «вещи в себе» воздействуют на нашу сенсорную систему, реагирующую на эти воздействия субъективными восприятиями, за пределы которых мы не можем выйти. Это не так: верно как раз другое. Необходимо учесть следующее. Представьте себе, что, скажем, в одиннадцать часов утра вы во всех подробностях осматриваете окружающий ландшафт (только необходимо это делать более зорко, чем обычно, и замечать постоянно меняющиеся оттенки освещения и игру красок) и отмечаете, насколько он изменился в двенадцать часов утра, в пять часов, в восемь часов пополудни. Пейзаж постоянно меняется, и вы непрерывно сталкиваетесь с красочной игрой разнообразных эффектов преломления и отражения света. Например, каким предстает нам дерево? Мы воспринимаем отраженный свет, видим, как на ветру трепещет листва и раскачиваются ветви, — словом, перед нами нет ничего стабильного. Мы попросту воспринимаем объективное явление. Дурацкая теория познания толкует о субъективном феномене восприятия, однако перед нами вполне объ-

ективное явление, дающее о себе знать через наш орган зрения. Как само дерево некоторым образом улавливает свет и затем отбрасывает его, так и наши глаза находятся в определенном отношении к лучам света. Верно, что окружающий нас объективный мир явлений (хотя и иллюзорный по своей природе, ибо это мир Майи) каким-то образом устойчиво и статично оставляет параллельный отпечаток и в нашей субъективной картине мира; но главное — это динамика перемен: все изменения в объективном мире непременно сопровождаются адекватными переменами и в нашей субъективной картине мира.

Именно это мне хотелось подчеркнуть в первой части моей «Философии свободы» и в небольшой работе «Истина и наука». Итак, реальность мира предстает нам не в статичной, застывшей форме — мы сталкиваемся с чем-то моментально возникающим и исчезающим. Мы имеем дело с миром явлений. Пытаться теоретически сконструировать картину мира — это опять-таки все равно что подменять Сикстинскую Мадонну схематическим рисунком. И это относится ко всему, что нас окружает. Мы погружены в мир феноменов, иллюзорный по своей сути, и, хотя возможности нашего восприятия не выводят нас за пределы этого мира Майи, мы не ограничены одним только субъективным миром иллюзий. Ибо, когда при пробуждении мы покидаем своим «Я» и астральным телом космический мир и погружаемся в эфирное и физическое тела, мы ясно сознаем, что то, во что мы погружаемся, содержит нечто объективное, нечто истинное. Разумеется, встречаемый нами тогда хаотиче-

ский мир образов — это всего лишь определенный феномен; но само то, во что мы погружаемся, несет в себе нечто истинное. И в момент погружения в тело (неважно, возникнет ли в результате желание привести в движение свои конечности, или желание привести свои представления в логическую взаимосвязь, или, наоборот, облечь их в форму фантазий) мы сталкиваемся с чем-то таким, что не зависит от нас, что мы можем лишь пассивно воспринимать, что существует автономно и только принимает нас в себя, и сознаем это. Именно переживаемое в момент пробуждения и сообщает нам чувство нашего существования.

Это чувство, или ощущение, собственного существования проникает во все наши представления и пропитывает их, хотя сами по себе наши представления живут, главным образом, в мире феноменов, в мире иллюзии, Майи. Попытаемся теперь охватить тем, что добыто нами на основе повседневных переживаний, весь состав человеческого существа.

Кто с помощью познаний, обретенных на основе предлагаемого в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?», обзрывает полный состав человеческого существа, скоро удостоверится, что душевно-духовная составляющая человека проходит через состояние между смертью и новым рождением, затем воплощается в физическом мире, а затем снова проходит через состояние между смертью и новым рождением. Некоторых существенных деталей этого процесса я коснулся в предыдущей лекции. Когда на пути духовного познания наступает момент, позволяющий ученику оглянуться на мир, лежащий до его рождения, или,

если угодно, зачатия, он убеждается, что строителем и первопричиной того мира, откуда к нам приходит наше ощущение собственного существования, является тот самый мир, через который мы проходим в период между смертью и новым рождением. И полноценное ощущение собственного существования (без примеси какого-либо скептицизма и сомнений) также приходит, только когда оглядываешься на этот мир бытия, в котором ты пребывал до своего земного зачатия.

Однако при этом обнаруживается нечто весьма важное (вы могли бы сами это вывести из моих венских лекций весны 1914 года¹; мне хотелось бы это представить в несколько иной форме): обнаруживается нечто, с чем человек сталкивается в период пребывания между смертью и новым рождением, незадолго до своего физического воплощения. В этот период времени человек все больше теряет жажду бытия. Ведь к определенному моменту жизни между смертью и новым рождением человек уже испытывает как бы полное пресыщение чувством собственного существования. К числу достижений в жизни между смертью и новым рождением относится то, что по завершении первых стадий посмертного существования человек — благодаря возрастающему притяжению к тому миру, в котором он теперь находится, — сильно проникается этим чувством собственного существования и, если можно так выразиться, встает на якорь в море космического

¹ См.: Штайнер Р. Между смертью и новым рождением. Ереван: Лонгин, 2012.

бытия. Это чувство все больше растет, пока не наступает момент пресыщения: ближе к завершению жизни между смертью и новым рождением, можно сказать, наступает настоящее пресыщение чувством собственного существования. Это пресыщение имеет и другую сторону: в существо человека вселяется настоящая жажда небытия. Непосредственно перед своим земным воплощением духовно-душевное существо человека фактически являет все признаки отвращения к жизни и сильную жажду небытия. В результате подобного душевного (вернее, духовного) настроения человек, сохраняя эту жажду небытия, низвергается из горнего мира звезд в этот предстоящий нашему восприятию иллюзорный мир — мир Майи, — в миражи земных феноменов. Это не что иное, как томление, тоска по миру небытия — по миру ежесекундных перемен, отзывающемуся у притянутого к нему подобным душевным настроением хаотической круговертью представлений. Ведь мы, живя в земные реалии, постоянно пребываем в мире видимости, в иллюзорном мире. Именно в этот мир Майи — арену нашей земной деятельности — и стремится погрузиться душевно-духовное существо человека. Все прочие мотивы, побуждающие его к новому воплощению, — лишь побочные обстоятельства. В душевно-духовном существе человека, приближающегося к земному существованию, преобладает именно такое побуждение: томление по миру Майи, непреодолимое стремление самоустраниться, плыть по течению, отдаться раздробленному потоку феноменов нашего мира взамен перегорающего от внутреннего напряже-

ния устойчивого бытия. И то, во что тогда облекается человек, — его эфирная и физическая оболочки, — ткется космическими силами. На днях я уже рассказывал вам о том, как в теле матери человеческий эмбрион формируется силами космоса.

Итак, представим себе: по существу, человек приходит из совершенно иного мира. С приближением к физическому, земному существованию он несет в душе жажду небытия и стремление жить в мире Майи, тогда же он своим «Я» и астральным телом (на рис. красный и синий) погружается в эфирное и физическое тела (желтый, красный), которые при помощи оплодотворения формируются космическими силами в материнском организме в качестве оболочек. Человек приходит из мира, лишённого пространственно-временных измерений и лежащего за пределами пространственного мира, но именно в мире пространства он облекается тем, что сформировалось в организме матери. И в эти же самые оболочки он погружается всякий раз при пробуждении, а при засыпании снова возносится в духовные выси. Происходит ритмическое вхождение и выходение из тела.

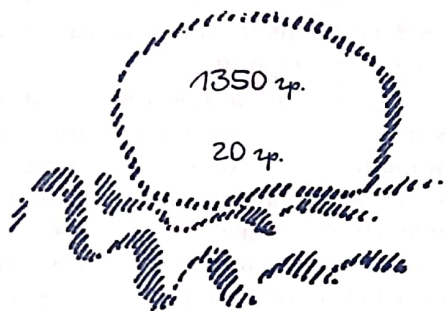
Фактически современные научные представления таковы, что доставляют много трудностей при столкновении с реальностью. К примеру, перекрестное взаимодействие двух направлений, или течений, — того специфического потока, в котором движется человек до своего воплощения, и потока внешнего, подступающего к нему с наружной стороны и прежде, по сути, не имевшего с ним ничего общего, — современная наука вряд ли способна адекватно описать из-за нехватки нужных понятий и представлений.

То же самое проявляется и в другой области науки. Когда современный физиолог говорит о свете или цвете, для него первостепенной задачей является описать процессы, происходящие в глазу. На самом деле это похоже на то, как если бы кто-то, намереваясь описать аудиторию, собравшуюся в столярной мастерской, где проходит наша лекция, стал бы в первую очередь описывать обстановку в мастерской. По сути дела, свет, проникающий в ваши глаза и оказывающий на них свое воздействие, имеет не большее отношение к вашим глазам, чем вы к столярной мастерской, в которую вы вошли и обстановка которой окружает вас. Тот, кто будет описывать вас заодно со столярной мастерской, естественно, преподнесет это как единое целое. Но ведь это не так. Из современных выхолащенных представлений трудно извлечь что-то истинное.

Итак, то, что представляет собой духовно-душевное существо человека, вступает в земное существование, принося с собой в первую очередь исконное томление по небытию. И всякий раз, когда от пробуждения до засыпания возобновляется состо-

яние нашего бодрствования, мы проходим школу бытия: наше сознание заново проходит курс обучения пропитке сознания бытием.

Тривиально выражаясь, состояние человека, прошедшего путь от смерти к новому рождению, таково, что он весьма радуется возможности вступить в физическое воплощение.

Я не раз уже обращал ваше внимание на то, что мозг плавает в мозговой жидкости. Если бы мозг всей своей тяжестью (примерно в 1350 граммов) давил на проходящие под ним кровеносные сосуды, он бы их попросту раздавил; однако в действительности мозг давит весом всего лишь в 20 граммов. Почему так? Да потому, что мозг погружен в мозговую жидкость. Вы слышали о законе Архимеда. Он открыл его так: однажды, купаясь в ванне, он ощутил, что в воде теряет вес, и он настолько обрадовался своему открытию, что нагишом выскочил на улицу, крича: «Открыл! Открыл!» (Современные ученые редко приходят в такой раж.) Он установил, что тело, погруженное в жидкость, теряет

в весе ровно столько, сколько весит вытесненная телом жидкость. Итак, если твердое тело погрузить в сосуд с водой, оно будет легче по сравнению с предшествующим состоянием, причем легче ровно настолько, сколько весит вытесненная им вода, — иными словами, именно настолько возрастет вес тела, извлеченного из воды.

Значит, если сравнить вес кубометра какого-нибудь вещества с весом кубометра воды, то в воде кубометр вещества станет легче ровно настолько, сколько весит кубометр воды. Так и вес мозга уменьшается до 20 граммов: его тяжесть падает до 20 граммов, так как он плавает в мозговой жидкости. Выходит, мозг давит не всей своей тяжестью, она как бы выталкивается вверх. И силу, вызывающую этот процесс, называют также силой выталкивания. Человек радуется своему вхождению в такую среду, которая по-настоящему тянет его ввысь. И он опять-таки учится сохранять 20 граммов тяжести, чтобы на основе нее испытывать чувство собственного существования. Человек заново проникается этим чувством с рождения до смерти. И затем оно совершенствуется и разрастается в посмертном развитии.

Именно это настолько выветрилось из сознания современного человека, что уже на заре нового

времени величайший из философов — Картезий, или Декарт, — отчеканил формулу: «*Cogito ergo sum*», то есть «Мыслю — значит, существую». Более бессмысленную формулу трудно себе представить, ибо верно как раз противоположное: когда человек мыслит, он перестает существовать; он как бы пребывает вне сферы бытия. *Cogito ergo non sum* — вот истинная правда, и в наше время мы настолько удалились от нее, что как раз величайший философ нового времени подменяет истину ее противоположностью. Чувством собственного существования мы овладеваем автономно, тогда как мышление ощущает свою опору в организме, чувствует себя погруженным в то, что обладает тяжестью. Утверждаю это не сенсации ради: такова реальность по сравнению с ее иллюзорной видимостью.

В этом смысле того, что человек, — каким он себя изначально сознает, — испытывает целенаправленное притяжение к Земле, окунается в мир Майи и внутри этого мира усваивает то, что ему снова потребуется после смерти: чувство собственного существования.

На фоне сказанного выделяется специфически человеческий элемент в составе общего развития живых организмов. Вы можете следующим образом промедитировать это ритмическое курсирование от чувства собственного существования к чувству небытия. Когда человек целиком погружается в мысли, он может констатировать: «Меня не существует». И напротив, в акте волеизъявления, который физически опирается на систему обмена веществ и систему конечностей, проявляется чувство собственного существования: «Я есмь». Име-

ются два полюса: это, если можно так выразиться, человек обмена веществ и чисто мозговой человек (при верном понимании собственного устройства надо признать, что мозг продуцирует всего лишь зеркальные отражения); а в промежуточной зоне происходит ритмическое чередование этих полярностей «Я существую» и «Я не существую». Физическим проявлением этой поляризации служит процесс дыхания. При выдохе наружу выводится то, что приходит со стороны системы обмена веществ, углекислота. «Я есмь», или «Я существую» — это выдох; «Я не существую» — это вдох.

Я не существую

Я существую — Я не существую

Выдох — Вдох

Я существую

Вдох сродни несуществованию, то есть мышлению. Процесс вдоха протекает следующим образом: вдыхаемый воздух проникает в грудную клетку, цереброспинальная жидкость поднимается кверху через субарахноидальное пространство, и давление передается жидкости в мозговой полости. Ритмика дыхательного процесса проникает в мозг. Фаза вдоха своим воздействием на мозг отбирает у человека ощущение его собственного существования. На выдохе мозговая жидкость, в свою очередь, проходя через субарахноидальное пространство, оказывает давление на диафрагму. Фаза выдоха, то есть выведение наружу отягощенного углеродом, насыщенного углекислотой воз-

духа, опираясь на организм воли, одаривает человека чувством его собственного существования: «Я есмь». Выдох сродни существованию, то есть воле.

При таком подходе видно, что все это — сугубо человеческий процесс, ибо попытка перенести его также на животных на том основании, что животные тоже дышат, напоминает человека, разделяющего мясо бритвой на основании того, что бритва, как и нож, тоже режущий инструмент. Разумеется, животные тоже дышат, но дыхание животных так же принципиально отличается от дыхания человека, как лезвие бритвы отличается от столового ножа. Кто судит только по случайному внешнему сходству, тот никогда не придет к плодотворному объяснению мировых явлений. Смерть человека принципиально отличается от смерти животного или смерти растения. Кто исходит из стандартного, унифицированного определения смерти, тот имеет столь же малый шанс прийти к плодотворному объяснению феномена смерти, как и тот, кто исходит из следующего определения ножа: «Нож — это специально заточенный предмет, при помощи которого можно разрезать другие предметы». Это просто общее определение вещи, далекое от понимания ее подлинного предназначения. Так что описанное мною представляет собой специфически человеческий процесс. Он относится к числу тех процессов, через которые человек проходит в продолжение одного кругооборота точки весеннего восхождения Солнца — от одного появления знака Рыб до другого. В земном развитии требуется как раз такой период времени, чтобы лучшие представители живущих на Земле народов пре-

успели хотя бы в самом существенном из того, что описано мной: поняли бы, зачем человек проходит через врата рождения, низвергаясь в этот физический мир иллюзий, а затем, пройдя врата смерти, заново покидает мир Майи, обогащенный ради нужд дальнейшего посмертного бытия чувством собственного существования.

Перед нами факт беспрецедентной важности: обогащение души чувством собственного существования при прохождении через врата смерти и низвержение духовно-душевного существа человека в мир Майи при прохождении через врата рождения. Но благодаря этому низвержению в мир Майи, то есть в мир зеркальных отражений, мы обретаем свободу. Нам никогда бы ее не обрести, живи мы с рождения до смерти своим сознанием в мире фактов. Ведь мы не находимся в причинно-следственных отношениях с зеркальными отражениями, а вот мир фактов определял бы наше поведение. Отношение же к зеркальному отражению определяется нами самими. Явления окружающего мира не детерминируют нас как людей в той сфере, которую в моей «Философии свободы» я назвал чистым мышлением, не зависящим от нашего организма. Производное же нашего организма, как вы видели, пропитано чувством собственного существования, хотя в пропорциональном выражении это чувство, опирающееся на мозг, составляет какие-то жалкие 20 единиц от 1350 потенциального масштаба явления. Никогда не следует упускать из виду, что на пороге земного воплощения в человеке зарождается это страстное томление по миру Майи и что земная жизнь является для чело-

века школой чувства собственного существования. Таков итог проделанного нами с момента последней эпохи лемурийского периода до нынешней культурной эпохи, что составляет полный солнечный цикл продолжительностью в 25 920 лет, великий мировой цикл бытия.

В наше время развитие человека, описав круг, снова вернулось к своей отправной точке; но не надо забывать, что развитие происходит по спирали: значит, развитие вернулось к исходному пункту, но на более высокой ступени. Как это понимать? До сих пор с момента рождения человек постоянно ввергался в мир Майи, обретая через физическое бытие чувство собственного существования. Но ведь менялась и сама Земля: теперь она уже не является тем организмом, каким была в лемурийский или атлантический периоды. В наше время, как я часто указывал, Земля уже находится в состоянии упадка и разложения.

Это не новость и для геологии. Прочтите превосходное геологическое исследование Эдуарда Зюсса «Лик Земли»: Земля находится в процессе разрушения и разложения. И в период нашей земной жизни мы уже больше не можем в должной мере приобретать чувство собственного существования. Отныне — при завершении описанного мной мирового цикла бытия — человеку, проходящему через врата смерти, угрожает опасность нехватки чувства собственного существования — по той простой причине, что наша планета больше не способствует развитию достаточной интенсивности этого чувства. С наступлением нового периода, который причисляется к мировому циклу бытия,

для человека открывается перспектива прохождения через врата смерти неким вертопрахом, — с чувством величайшей беспечности и ветрености, — если он станет все больше погружаться в болото материализма и в результате не сумеет пронести через врата смерти достаточное чувство собственного существования (оно же — чувство собственной весомости и значимости).

В наше время знатоку мировых соотношений уже совершенно ясно: сейчас человеческие души проходят через врата смерти, как бы несомые ввысь своим чувством небытия, поэтому происходит нечто похожее на то, что бывает с тем, кто, не умея плавать, упал в воду и камнем идет ко дну. Разница только в том, что души, прошедшие врата смерти, из-за нехватки весомости пушинкой взываются ввысь. То, как следует употреблять слово «тяжесть» применительно к духовному миру, следует из одного важного места в моих драмах-мистериях¹. Души, теряя себя, теряя собственную весомость, взывают ввысь. Это может быть пресечено только переходом от понятий, которые в наше время попросту носятся в воздухе и автоматически заполняют собой всю нашу жизнь, к таким понятиям, для усвоения которых требуется определенное духовное напряжение, ибо духовно-научные представления просто так, без усилия, не приобретешь.

Что вам приходится слышать относительно духовной науки со стороны тех, кто не желает расста-

¹ См.: Штайнер Р. Драмы-мистерии // Пробуждение душ, пятая картина. М: Энигма, 2003.

ваться с расхожим образом мысли? Они говорят вам: «Написанное у Штайнера, допустим, в „Очерке тайноведения” — это беспредельная фантастика, это нечто невообразимое». Почему они так говорят? Их интересует только то, что можно увидеть глазами и пощупать руками, в их бараньи головы сами собой проникают одни только расхожие представления. Они сторонятся малейшего напряжения при выработке собственных представлений. Чтобы усвоить мой «Очерк тайноведения», надо потрудиться. А чтобы просто, как баран, глядеть на окружающий мир, не требуется умственного напряжения: представления станут складываться сами по себе, но только грош цена таким представлениям. Мы говорим о представлениях, полученных через духовную науку, — например, через мой «Очерк тайноведения», или «Теософию», или другие мои работы, — а это требует внутренней активности. Большая часть приверженцев спиритизма — этой предельно материалистически настроенной публики, намеревающейся материализовать даже духовный мир, — не отважилась бы на такой активный штудиум: напряженной духовной работе спириты всегда предпочитают пассивное вызывание призрачных человекоподобных фигур при помощи шаманских методов в духе Шренк-Нотцинга¹ и других.

Беда только в том, что при этом человек становится все невесомее и, стало быть, противодействует продолжению собственного существования

¹ Альберт Фрайгерф фон Шренк-Нотцинг (1862–1929) — немецкий врач-психиатр, занимавшийся гипнозом, медиумизмом и телепатией.

после смерти. Напротив, овладение духовной наукой требует прямо-таки физического напряжения, то есть более крепкой опоры на телесное начало по сравнению с обычными житейскими потребностями. В результате таких трудов понятия становятся весомее. Зато человек тогда проносит чувство собственного существования через врата смерти и не прекращает духовного роста в своем посмертном бытии. Согласитесь, современные люди склонны довольствоваться тем, что само плывет им в руки: необходимость добавить что-то от себя сразу вызывает неудобство. В общественной жизни внешним образом это проявляется в постоянном стремлении получать образование в рамках предписываемого государством шаблона; тогда ко времени получения права голоса мы попадаем в определенный табель о рангах, а это дает нам гарантированное право на пенсию, что, в свою очередь, рождает чувство уверенности в жизни. Нам еще только двадцать, а мы уже застрахованы на всю жизнь. Нам изначально гарантируется пенсионное обеспечение нашего тела, затем к этому присоединяется церковь (церковное исповедание), также не требующая от нас ничего иного, кроме пассивной отдачи заповеданного нам. И церковь тогда гарантирует посмертное пенсионное обеспечение нашей души; оно гарантируется нам без всякого нашего участия, не считая разве что жизни в вере, — точно так же, как государство гарантирует нам пенсионное обеспечение в старости. С таким положением вещей надо порвать, если наша культура стремится избежать деградации. Внутренне активное участие в построении собственной жизни, в том числе и в постро-

ении собственного бессмертного существа, — вот что необходимо. Человек должен трудиться над своим бессмертием. Как раз этого большинство людей и хотели бы избежать. Эти люди убеждены, что познание связано только со сбором информации, что науку бессмертия можно пассивно изучать. Некоторые рассуждают так: «Я живу, пока живется; а что будет после смерти, сам увижу, когда умру».

Ничего он не увидит, ровным счетом, ничего. Это не умнее, чем такой аргумент: «Я атеист, и это так же верно, как то, что есть Бог на небе!»¹ Логика здесь та же самая. В действительности же духовное познание ведет к духовной зрелости, и духовно-душевное существо человека, включенное в сферу нашего познания, уже не испытывает состояние человека, идущего камнем ко дну, то есть не взмывает легковесной пушинкой в небеса. Надо трудиться над собственным существом, дабы оно могло правильно пройти через врата смерти. И усвоение духовных познаний — это не просто сбор абстрактной информации: они наделяют духовно-душевное существо человека силами, побеждающими уничтожение и смерть.

По сути, это и есть христианское учение. Только надо не просто верить во Христа, как это предписывают новейшие исповедания, а памятовать о словах Павла: «Не я, Христос во мне». Надо развивать и пестовать в себе Христову силу! Одной веры как таковой не достаточно для спасения человека: спасает только внутреннее сотрудничество со Хри-

¹ Цитата из пьесы австрийского драматурга Людвиг Анценгрубера (1839—1889) «Удар кулаком» (акт 3, сцена 6).

стом, внутреннее усвоение силы Христовой; эта сила присутствует везде и всегда, но надо потрудиться ее приобрести. Люди должны преисполниться активностью, должны проявлять инициативу. И надо не упускать из виду, что исключительно пассивная вера легко поведет к тому, что постепенно на Земле как раз и исчезнет бессмертие. Таково стремление Аримана. Об этом мы поговорим в одной из следующих лекций, ибо в наше время мы находимся в самой гуще борьбы между ариманическими и люциферическими силами. И как в предыдущем мировом цикле точки весеннего восхождения Солнца мы хранили свое бессмертие, так в грядущем мировом цикле мы совершенно осознанно включимся в космическую духовную борьбу: борьбу люциферических духов с ариманическими. Духовная наука предлагает нам отнюдь не абстрактные познания — она вводит нас в подлинную реальность. Об этом поговорим в следующий раз.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 15 июля 1921 г.

Сегодня я приведу вам данные, которые помогут нам в последующие дни продвинуть наше исследование в определенном направлении. Наша душевная жизнь поляризована: один ее полюс образует элемент мысли, а другой — элемент воли; между ними располагается элемент чувств — то, что в обиходе называется эмоциями, характером и так далее. Разумеется, в реальной душевной жизни, протекающей в нашем бодрствующем сознании, нет полного размежевания мысли и воли: они постоянно взаимодействуют и проникают друг в друга. Допустим, мы ведем совершенно спокойный и мирный образ жизни, так что внешние проявления воли практически отсутствуют. И все же при нашем внешнем спокойствии мы должны признать, что воля господствует в образуемых нами мыслях: когда мы связываем одну мысль с другой, активность воли проявляется на уровне мышления. Итак, даже когда с виду мы ведем совершенно созерцательный

Дорнах, 15 июля 1921 г.

образ жизни и заняты только мыслительной деятельностью, в нас — по крайней мере, внутренним образом — проявляется активность воли; мыслительная деятельность не протекает в отрыве от волевых импульсов, разве что кроме случаев буйного помешательства или лунатизма. А мысли постоянно проникают в наши волеизъявления, и, значит, воля тоже не принимает участия в нашей душевной жизни обособленно. Однако даже то, что не существует автономно, может проистекать из разных источников. И один полюс нашей душевной жизни — жизнь наших мыслей — проистекает из совершенно других первоисточников, нежели жизнь нашей воли.

Уже из повседневного опыта следует, что наше мышление всегда чем-то обусловлено, всегда на что-то направлено: думать — это всегда означает задуматься над чем-то, «пораскинуть мозгами». И даже думая наперед — обдумывая то, что мы намереваемся затем осуществить при помощи воли, — мы непременно опираемся на какие-то уже сложившиеся стереотипы. Значит, и эта форма мышления тоже является раздумьем над чем-то. А воля не может быть направлена на присутствующее в настоящем. Понятно, что тогда она обязательно несколько запаздывала бы. Воля может быть направлена исключительно на то, чему еще только предстоит появиться, то есть на будущее. Короче говоря, если немного вдуматься в механику мышления и в механику воли, то уже в повседневной практике обнаружится, что мышление скорее направлено на прошедшее, а воля — на будущее. Склад же характера и эмоции человека располагаются между

мышлением и волей. Мы сопровождаем эмоциями свои мысли: одни мысли радуют нас, другие огорчают. Так же и чувства стимулируют наши волеизъявления. Зона эмоций — нравится, не нравится — расположена между мышлением и волей.

Но и в более широком масштабе дело обстоит так же, как уже указанным образом проявляется в повседневности. Силой мысли — самой возможностью мыслить — мы обязаны жизни до нашего рождения, вернее, нашего зачатия. По сути, уже в младенческом возрасте в потенциальном виде присутствуют все мыслительные способности, какие только дарованы человеку. Только младенец, как вам известно из прочитанных здесь лекций, употребляет мыслительные силы на овладение прямохождением. В первое семилетие жизни — до смены зубов — ребенок расходует силы своих мыслей на придание своему телу вертикального положения. И только вслед за этим все больше проявляются мыслительные способности как таковые. Но именно они в виде мыслительных сил уже заложены в человеке, вступающем в земную, телесную жизнь.

То, что развивается в качестве волевых сил, у ребенка мало связано с силами мысли (непредвзятому наблюдателю это совершенно очевидно и так). Понаблюдайте за хаотическим барахтаньем младенца в первые недели жизни, и вы увидите, что это ответная реакция на первое столкновение с физическим миром — на облачение плотью духовно-душевного существа человека. В эту физическую телесность, которую мы начинаем развивать с момента зачатия (или, если угодно, с момента рождения), уже вложено волевое начало, и все раз-

витие ребенка сводится к тому, чтобы постепенно пропитать волевое начало силами мысли, которые мы уже пронесли с собой через врата рождения в физическое существование. Понаблюдайте, как первоначальная неразумная резвость ребенка медленно и постепенно переходит в осмысленное движение конечностей, — это и есть прорыв обуздывающей силы мышления в бесконтрольную стихию воли, в телесную оболочку, средоточие волевого начала новорожденного.

Вступая в земное существование, человек приносит с собой из духовного мира мыслительную жизнь; схематически это можно отобразить так (желтый на рисунке). Он проникает в волевую стихию внутри унаследованной от родителей телесной оболочки (красный). Именно там локализованы волевые силы, находящие столь хаотическое внешнее выражение. А здесь локализованы силы мысли (стрелки на рисунке), которые в первую очередь расходуются на правильную ориентацию тела в пространстве, дабы придать волевому началу внутри тела нужное духовное направление.

Эти волевые силы мы воспримем, когда пройдем через врата смерти и вступим в духовный

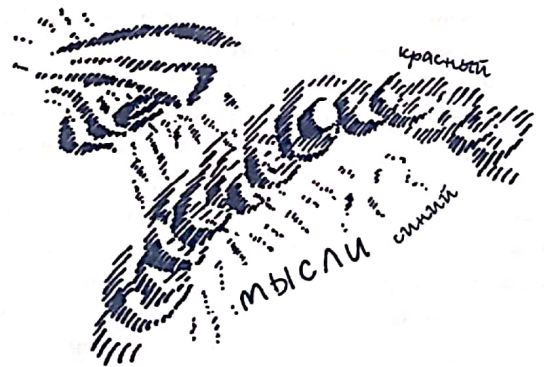
мир. Но там они в высшей степени организованы и структурированы. Мы проносим их через врата смерти в духовную жизнь. А силы мысли, которые мы приносим с собой из сверхчувственной жизни в жизнь земную, мы успеваем растратить в ходе земного существования.

У рано умерших дело обстоит иначе, но сначала надо поговорить об усредненном случае. «Нормальный» человек уже к пятидесяти годам, по сути, успевае растратить подлинныи силы мысли, принесенные им из предшествующей инкарнации, и сохраняет только волевые силы ориентации в пространстве, которые затем и переносятся им в ту жизнь, в какую мы вступаем, переступив порог смерти.

Думаю, многих из вас мучает вопрос: «Выходит, когда человеку за пятьдесят, он уже растратил свои силы мысли и не способен размышлять?» Никуда не денешься: именно это и случается с большинством из тех, кого не интересуют духовные проблемы. Попробуйте прикинуть, много ли оригинальных, первопроходческих идей родилось в головах тех, кому за пятьдесят? Как правило, они по инерции движутся по накатанной мыслительной колее прежних лет: бывшие мысли наложили свой отпечаток на их тело, которое автоматически и придает некоторую динамику их размышлениям. Ведь тело отображает жизнь мысли, и в результате человек по инерции все еще продолжает двигаться по накатанной колее. В наше время вряд ли возможно свернуть с такой накатанной колее, если в ходе жизни заранее не усвоить мысли духовного свойства, ибо они сродни тем, в какие мы были погружены до своего

рождения. Так что на самом деле недалеко то время, когда старики станут превращаться в ходячие автоматы, если только не потрудятся воспринять мыслительные силы из сверхчувственного мира. Разумеется, можно автоматически имитировать мыслительную деятельность, то есть создавать видимость мыслительной активности. Но это будут всего лишь живые автоматы с раз и навсегда встроенной программой: по-юношески свежая энергия, приносимая идеями духовной науки, там отсутствует. Идея духовной науки — это не просто теории: они глубоко проникают в человеческую жизнь.

Но особую значимость приобретает сказанное, если рассмотреть отношение человека к природе и окружающему миру. Сюда входит все, что оказывает воздействие на наши сенсорные органы с момента пробуждения до засыпания. Это можно, в частности, осмыслить следующим образом.

Можно окинуть взором (я имею в виду духовный взор) то, что предстает человеческому взгляду. Мы

называем это покровом чувственного мира. Схематически я изображу его так. По ту сторону этого покрова — позади того, что мы видим и слышим, позади того, что воспринимается нами как тепло, краски и так далее (на схеме я отображу это в форме видящего ока), — находится нечто. Физик, и вообще человек, придерживающийся современных взглядов, скажет: «За покровом восприятия скрывается вихревое движение атомов, и, значит, никакой это не покров, — просто движение атомов вызывает каким-то образом в глазу, или в мозгу, или где-то там еще, или непонятно где, цвета и звуки и так далее». Без сомнения, можно констатировать доминирующую роль милитаристского образа мысли в головах химиков: к примеру, здесь у них находится майор С, здесь два офицера О и О, а здесь взбавок рядовой Н; как видите, воинская субординация строго соблюдена: эфир, атомы и так далее. Но если не предаваться иллюзорным измышлениям, а придерживаться реальности, то получится, что за покровом чувственного мира с его чувственными качествами, доступными нашему сознанию, находится не что иное, как мысли. В действительности же за покровом чувственного мира не скрывается ничего, кроме мыслей (синий). Это относится к окружающему нас физическому миру. О том, что эти мысли приносят нам определенные существа, мы еще поговорим. Но за пределы того, что доступно нашему сознанию, можно проникнуть тоже только с помощью мыслей. Причем силу мыслей мы приносим из своей жизни до рождения (вернее, до зачатия). Почему же при помощи этой силы мы можем проникать сквозь покров чувственного мира?

Попробуйте с доверием отнестись к этим ошеломляющим идеям, попытайтесь на их основе правильно сформулировать вопрос, хотя эта тема уже неоднократно обсуждалась нами в другой связи. Итак, почему нам доступно проникновение за покров чувственного мира при помощи мыслей — ведь наши мысли проистекают из нашей жизни до рождения? Все очень просто: потому, что и там скрывается то, чего нет в настоящем, то, что покоится в прошлом, что относится к минувшему. На самом деле за покровом чувственного мира находится прошлое, и нам следует именно таковым его признавать. Прошлое вторгается в настоящее: настоящее рождается в лоне прошлого. Представьте себе луг с цветущими растениями: зеленый ковер травы с полевыми цветами. Это настоящее: однако оно вырастает из прошлого. Осмыслив это, вы не придете к атомистической модели настоящего: в действительности вы обнаружите там только минувшее, аналогичное тому, что исходит от вас самих из добытого в далеком прошлом.

Вот что любопытно: когда размышляешь на эту тему, открывается мир прошлого, а не настоящего. Ведь что такое настоящее? Настоящее напроць лишено логической структуры. Солнечный луч освещает растение под одним углом, а в следующее мгновение этот угол уже изменился. Картина меняется каждый миг. Настоящее таково, что его не рассчитать, не вогнуть в структурную схему: такая схема — логическое моделирование — касается только прошлого, искусственно наложенного на настоящее, как бы спроецированного на него.

Такова великая многозначительная истина: все наши мысли относятся только к прошлому, все наши умозаключения касаются исключительно минувшего. Поняв это, мы перестаем заодно искать в прошлом какие-то чудеса в смысле нарушения природных законов: вплетаясь в настоящее, прошлое должно оставаться прошлым именно в настоящем. Допустим, вы вчера ели вишню. Это действие уже осталось в прошлом: в нем ничего невозможно изменить, ибо все уже состоялось. Но если бы вишни, прежде чем исчезнуть у вас во рту, имели обыкновение каким-то образом регистрировать себя, от них остался бы след. Этот след невозможно изменить. При желании можно, конечно, вычеркнуть парочку вишен из регистрационного листа, можно, если захотеть, испортить весь лист, но это не изменит самого факта случившегося. Равным образом невозможны чудеса в области любых природных явлений — все они как бы островки, анклавов, прошлого в настоящем. Все, что относится к законам природы, уже миновало и не является настоящим. Настоящее невозможно воспринять иначе, как в потоке образов: оно непрерывно меняется. К примеру, по закону природы освещенное тело отбрасывает тень, имеющую четко определенные границы, которые теоретически можно заранее рассчитать. Значит, даже в повседневной жизни действует принцип ограничения произвольной переменности и приведения ее на базе прошлого к унифицированной закономерности; в том числе и логическое мышление закономерно относится к прошлому. А на практике игру светотени можно исследовать, только созер-

дая жизненные картины. Здесь уместен поток имажинативных образов: ведь имажинация всегда относится к настоящему.

Представьте только, что вы захотели бы руководствоваться логикой в настоящем! Ведь быть логичным — означает следить, чтобы одно понятие проистекало из другого, одно закономерно переходило в другое. Попробуйте-ка применить это к условиям жизни. Разве последующее событие логически вытекает из предыдущего и напрямую связано с ним? Разве узор жизненных событий не напоминает чем-то сновидение? Настоящее подобно сновидению, а все логичное и закономерное в его составе — результат вмешательства прошлого в настоящее. И если вы намереваетесь в настоящем предвосхитить нечто из будущего (помыслить нечто такое, что вы планируете осуществить в будущем), то поначалу оно предстанет перед вами в сильно размытых контурах. Ваши планы на сегодняшний вечер не имеют резких очертаний: они еще не выкристаллизовались в четкую картину. В лучшем случае они живут в вашей душе в виде некой инспирации, ибо именно инспирация нацелена на будущее.

Логическое мышление:	Прошлое	} Интуиция
Имажинация:	Настоящее	
Инспирация:	Будущее	

Все это можно пояснить также при помощи простой схемы.

На этой схеме человек представлен изображением глаза, взирающего на покров чувственного мира: он воспринимает этот мир перемен, однако же, со своей стороны, приводит воспринятое в закономерный порядок. Человек строит свою науку в целом и ее отдельные отрасли на основе переменчивых картин чувственного мира. Однако каким образом происходит научное познание? Научное исследование опирается на мыслительную деятельность. Возможно ли, чтобы научное изучение внешнего мира (а ведь научное исследование протекает в форме логических построений) из него же и черпало свои логические умозаключения? Ведь если бы идеи (а законы природы есть не что иное, как идеи) сами собой возвещались нам внешним миром, если бы исследование внешнего мира автоматически сопровождалось познанием его законо-

мерностей, то не было бы необходимости предпринимать различные научные изыскания: ни к чему было бы предварительное изучение законов электричества для конструирования вот этой лампы накаливания. Или что, к примеру, можно сказать без специальной подготовки о соотношениях радиуса и окружности, и так далее? Идеи, проецируемые нами на внешний мир, мы извлекаем из нашего внутреннего мира.

Именно так: мысли, которые мы проецируем на экран внешнего мира, мы черпаем в своем внутреннем мире. Мы устроены так, что в нас доминирует голова, взор которой направлен на покров внешнего мира, где и располагается то, что мы постигаем при помощи мыслей (белый); а в промежутке между содержащимся во внешнем мире и извлекаемым нами из нашего внутреннего мира, сокрытого от нашего интроспективного взора, находится своего рода «подземное», глубинное связующее звено. Вот почему то, что скрыто от нашего восприятия в определенной части внешнего мира (ибо она как бы вклинивается в нас самих), мы извлекаем в форме нашей мыслительной жизни из своего внутреннего мира и проецируем на экран мира внешнего. Это видно уже на примере чисел. Числовые закономерности заложены в нашем внутреннем мире: во внешнем мире их нет вообще. Но эти числовые соответствия покоятся на том, что между данными внешнего мира и земными законами, открытыми человеком, существует некая «подземная» взаимосвязь сокровенно-телесного рода: числа мы извлекаем из собственного внутреннего мира, а затем уже они приспособляются к

находящемуся вовне. Однако в данном случае путь проходит не через восприятие наших глаз и других сенсорных органов, а через остальной организм. Это производное человека в целом, а не отдельных частных структур его организма. Неверно, что законы природы мы постигаем при помощи сенсорных органов: для этого требуется участие всего состава человека.

Эти соображения необходимо принимать во внимание, если требуется правильно оценить отношение человека к окружающему миру. Ведь мы постоянно погружены в поток имагинаций — достаточно только непредвзято сопоставить жизнь со сновидениями. Сновидения протекают в высшей мере хаотично; но ведь и в жизни главенствует отнюдь не логическое мышление. Вот вам наглядный пример. Как происходит общение между современными образованными людьми? Припомните, чего только не проговаривается за каких-нибудь полчаса: если вникнуть, последовательности и логики там не больше, чем во сне. Вы будете весьма разочарованы, если станете в этих разговорах выискивать мало-мальски логичную последовательность. Современная жизнь проявляется в потоке образов, как если бы мы никогда не просыпались. Логику надо еще предварительно привнести, а ее мы черпаем из нашей жизни до рождения; мы сначала привносим ее во взаимосвязь явлений и благодаря этому наталкиваемся и на их минувшую историю. Настоящее же мы постигаем при помощи имагинаций.

Об этой имагинативной жизни, которая нас постоянно окружает в настоящем, можно сказать,

что она осуществляется без какого-либо содействия с нашей стороны. Сопоставьте это с тем напряжением ума, которого требует логическое мышление! Чтобы наслаждаться жизнью, чтобы знать в ней толк, вовсе не надо напрягаться: поток образов развертывается перед вами сам по себе. Так что по части образных представлений обычного окружающего мира у нас нет особых проблем; но надо потрудиться над тем, чтобы научиться со своей стороны вносить в поток переживаемых образов собственную активность по образцу мыслительной деятельности, — тут нужно проявлять внутреннее усилие, обычно неотделимое от работы мышления. Тогда видишь в образах не только настоящее: образные представления распространяются и на жизнь до рождения, или зачатия, и возникает возможность заглянуть туда; для образного мышления жизнь до рождения обретает реальность. Надо только на основе тех способностей, выработка которых обсуждается в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?», обрести навык контролируемого нами образного мышления — чтобы образы не появлялись самопроизвольно, как это происходит в обычной жизни. Когда мы укрощаем и преобразуем на потребу нашей внутренней жизни поток этих образов, который в повседневной жизни постоянно уносит нас, мы взираем в духовный мир и вообще прозреваем устройство собственной жизни.

В наше время принято превозносить за исключительную духовность того, кто презирает материальную сторону жизни и провозглашает: «Я устремлен к духу, а материальное топчу ногами». Однако

это шаткая позиция: к подлинно спиритуальной жизни восходит отнюдь не тот, кто отменяет материальное, а тот, кто прозревает в действительности материального духовное начало и познает духовное в его материальном проявлении. Такой подход особенно важен, когда мы обращаемся к природе мышления и воли. Может быть, только еще способность речи — арена действия сокровенного гения языка — несет в себе нечто, позволяющее привести нас к познанию на этой ниве.

Обратимся к подосновам проявления воли в повседневной жизни: как известно, этими проявлениями движет вожеление; оно движет и самыми возвышенными волеизъявлениями. Самой грубой формой вожеления является голод. Вот почему и все прочие производные вожеления, по сути, всегда сродни голоду. Из содержания сегодняшней лекции вы можете заключить, что мышление представляет собой нечто полярно противоположное воле, а стало быть, и вожелению. Выходит, если в основе воли заложено вожеление, то в основе мысли находится насыщение: сытость вместо голода.

И это в самом глубоком смысле вполне согласуется с фактическим положением дел. Человеческая голова приспособлена к восприятию. Но что значит воспринимать? Восприятие осуществляется при помощи сенсорных органов. В процессе восприятия в нас постоянно что-то изнашивается. Нечто внешнее проникает внутрь нас. Луч света, проникающий в наш глаз, вызывает определенный износ: в материи нашего тела образуется что-то вроде прокола.

На месте материи световой луч пробурит некую дыру, в результате чего возникает голод. Этот голод требует утоления пищей из среды нашего организма, из имеющихся питательных средств; сие означает, что образовавшаяся дыра заполняется питательными субстанциями из числа имеющихся в нашем организме питательных веществ (красный). Итак, мы привели нашу мысль в движение, теперь мы помыслили воспринятое: в процессе мышления мы непрерывно заполняем дыры, образуемые в нашем организме сенсорными восприятиями, насыщаем их пищей, поставляемой из недр нашего организма.

Необычайно интересно наблюдать, как дыры, возникающие в голове в результате работы наших ушей, наших глаз, ощущений тепла и так далее, заполняются материей, поступающей из остального организма. В процессе мышления человек полностью заделывает образовавшиеся дыры (красный).

Нечто похожее происходит и в процессе волеизъявления. Только воздействие осуществляется не извне, когда образуются пробойны, а изнутри. В процессе волеизъявления в нас повсеместно образуются некие внутренние полости, опять-таки требующие заполнения материей. Можно сказать, мы подлежим тогда некоему негативному воздействию, вызывающему пустотелость, хотя в обоих случаях — и при внешнем воздействии, и при внутреннем — мы постоянно заделываем образовавшийся вакуум материей.

Эти пустотообразующие воздействия представляют собой весьма деликатное явление, по сути целиком и полностью уничтожающее изнутри наше земное существование. Ибо, воспринимая луч света, внимая звуку и так далее, мы ликвидируем собственное земное бытие. Но наша реакция состоит в ответном заполнении пустот земным существованием. Таким образом, наша жизнь балансирует между уничтожением земного бытия и новым наполнением, между люциферическим и ариманическим воздействием. Люцифер постоянно стремится частично дематериализовать нас, вырвать из оков земного существования; в идеале он желал бы полностью нас одухотворить, то есть дематериализовать. Однако Ариман, его враг, постоянно заполняет то, что опустошил Люцифер. Ариман — неутомимый наполнитель. Это выглядит так, как если бы на материю оказывалось воздействие с двух сторон: Ариман как бы исподволь постоянно проникает в полости, оставляемые с лету Люцифером. Кроме того, Ариман заделывает и внутренние дыры. Ариман и Люцифер — две противодейств-

ующие силы, влияющие на человека, а его задача — сохранять равновесие, непрестанно балансируя между ними. Люцифер с его непрерывной дематериализацией провоцирует постоянную материализацию, то есть активность Аримана. Процесс нашего восприятия — арена активности Люцифера; размышление над воспринятым — поле деятельности Аримана. Мечтательное футуристическое планирование — арена активности Люцифера; реальный волевой натиск в практической жизни — поле деятельности Аримана. Мы поставлены между Люцифером и Ариманом. Мы, как маятник, раскачиваемся между ними обоими и должны отдавать себе отчет в том, что люди деликатнейшим образом балансируют между ариманическим началом и люциферическим. По сути, человека можно изучать, только учитывая эту его основополагающую поляризацию.

При таком подходе не теряешься в абстрактной духовности, мало чем отличающейся от расплывчатого мистицизма, и не погрязнешь в сугубо материальном: материальное воздействие одновременно оказывается и духовным. Всюду и везде мы встречаемся с духовным. И мы проникаем в бытие и действенность материального начала, когда повсеместно прозреваем присутствие начала духовного.

Я уже говорил, что имажинации, связанные с настоящим, возникают сами по себе. Когда же способность имажинации вырабатывается искусственным образом — мы заглядываем в прошлое. При выработке инспирации мы заглядываем в будущее, наподобие того, как мы вычисляем время солнечного или лунного затмения, то есть не обращая

внимания на частности, а концентрируясь главным образом на масштабных закономерностях будущих времен. А интуиция объемлет все три времени сразу. В нас постоянно работает интуиция, только мы проходим, как во сне, мимо нее. Во время сна своим астральным телом и «Я» мы полностью пребываем внутри внешнего мира; там-то мы и развиваем ту интуитивную деятельность, которую при эзотерическом обучении сознательно развиваем при выработке способности к интуиции. Беда в том, что организм современного человека слишком слаб, чтобы осознавать действующую в нем интуицию, на деле он охвачен ею во время ночного сна. Значит, во время сна человек развивает свою интуицию, а во время бодрствования — развивается, до определенной степени, — логическое мышление; между интуицией и логическим мышлением располагаются инспирация и имагинация. При переходе человека от сна к бодрствованию его «Я» и астральное тело погружаются в физическое и эфирное тела; и то, что человек приносит с собой, является инспирацией (мы это уже разбирали в предыдущих лекциях). Так что во время сна человек пребывает в сфере интуиции, во время бодрствования — в области логического мышления, при пробуждении в нем действует инспирация, а при засыпании — имагинация. Как видите, то, что мы относим к высшим ступеням познания, вовсе не чуждо сознанию обыденному: интуиция, инспирация, имагинация и логическое мышление присутствуют уже в повседневной жизни, и при развитии высшего познания требуется только поднять их в свое сознание.

Необходимо постоянно принимать во внимание прогресс внешнего естествознания за последние три-четыре столетия было открыто множество чисто материальных фактов и природных закономерностей. Эти факты в первую очередь подлежат духовному исследованию. Материализм, как бы парадоксально это ни звучало, оказал благоприятное воздействие, иначе познание погрузилось бы в расплывчатую неопределенность, и в конечном счете напрочь была бы утрачена связь с земным бытием. Когда в XV веке материализм еще только зарождался, человечество пребывало под люциферическим влиянием, постепенно все больше освобождаясь из-под него. С XV столетия вступило в действие влияние ариманическое. И за последние четыре-пять столетий оно достигло определенных высот. В настоящее время это влияние приобрело огромную силу и возникла опасность его чрезмерного роста, если не противопоставить ему то, что способно его парализовать: духовное познание.

Главное — составить правильное представление об отношении духовного к материальному. В древнегерманской духовной культуре существует эпическая поэма «Муспилли»¹; ее обнаружили на полях старинной рукописи, относящейся к середине IX века, и написана она была рукой Людвига Немецкого, но это, естественно, сочинение более ранних времен. В поэму вложено чисто христианское содержание: в ней изображается битва пророка Илии с Антихристом. Но уже из самого характера и манеры повествования вытекает, что эта битва сходна с описанной в скандинавских сагах борьбой обитателей Асгарда с великанами, обитателями Ётунхейма. Просто царство асов переделано в царство пророка Илии, а царство великанов — в царство Антихриста.

Старинный образ мысли, встречающийся нам в этом произведении, не столь сильно вуалирует фактическую основу событий, как это стало принято делать позднее, когда непременно педалировался дуализм добра и зла, божественного и дьявольского. Позднее этот образ мысли перестал соответствовать раннему. Описывая борьбу между божьим царством и царством великанов, древние авторы видели в своих богах совсем не то, что современный христианин подразумевает под Царством Божьим: по древним представлениям, к примеру, Асгард, царство богов, располагался вверху, а Ётунхейм, царство великанов, — внизу; между ними находилось человеческое царство — Мидгард.

¹ Древнейший памятник верхненемецкой эпической поэзии, относящийся к эпохе первых Каролингов.

И было это не чем иным, как германо-европейской вариацией древнеперсидских Ормузда и Аримана. В антропософии их называют Люцифер и Ариман. В Ормузде надо видеть Люцифера, а не просто бога добра. Великим заблуждением было бы представлять себе дуализм в виде противостояния бога добра Ормузда и его противника Аримана, бога зла. Они скорее соотносятся друг с другом как Люцифер и Ариман. В те времена, когда была написана эта эпическая поэма «Муспилли», в срединном царстве — в царстве людей, Мидгарде, — еще господствовало совершенно неправильное представление: не Христос возносит Свою кровь горе, а Илия низводит свою кровь долу. Человеческое же царство лежит посередине. И все же представления, господствовавшие в те времена, когда Людвиг Немецкий записал эту поэму на полях старинной рукописи, были правильнее последующих. Ибо позднее странным образом начали упускать из виду и игнорировать тринитарность; иными словами, верхних богов — обитателей Асгарда, и нижних богов — обитателей ариманического царства, стали признавать всей полнотой сущего, то есть сводить все к двум царствам: верхнему, люциферическому — обители богов добра, и нижнему, ариманическому — обители злых богов. Это произошло в более позднее время; в ранние времена противоположность Люцифера и Аримана люди понимали еще более или менее правильно; вот почему Илию с его пророческим пафосом и эмоциональным провозвестием помещали в люциферическое царство, а Христа помещали в срединное царство — в Мидгард.

Асгард
Люцифер — Ормузд

Ётунхейм
Ариман

Необходимо совершенно осознанно вернуться к этому представлению, ибо, если мы останемся при дуализме Бога и дьявола, нам нам не вернуться к троичности, то есть люциферическим божествам, ариманическим силам и царству Христа между ними. Без этого нам не пробиться к подлинному пониманию мироустройства. Глубочайшие тайны исторического развития европейского населения сокрыты в том, что древний Ормузд был превращен в бога добра, тогда как на самом деле он воплощает люциферическую власть света. В результате потребовалось как можно больше очернить Люцифера: поскольку само имя Люцифера-Светоносца слабо гармонировало с Ормуздом, пришлось как бы наложить Люцифера на Аримана, составить из них некую гремучую смесь, которая прослеживается еще у Гёте, смешавшего в Мефистофеле черты Люцифера и Аримана (вы можете об этом подробно прочесть в моей брошюре «Духовный облик Гёте»¹). В реальности европейское население, то есть представители современной цивилизации, были введены в огромное заблуждение, которым, в конечном счете пропитан весь современный образ

¹ ПСС. Т. 22.

мысли. Единственная возможная здесь компенсация — от дуализма снова вернуться к тринитарности, ибо любая двойственность в итоге ведет к чему-то неприемлемому для жизни: поляризация вызывает к нейтрализации — Христос уравновешивает истинную противоположность Люцифера и Аримана, то есть противоположность Ормузда и Аримана

Мне хотелось поднять этот важный вопрос, и в ближайшие дни мы обсудим его подробнее.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 16 июля 1921 г.

Вчера мы остановились на том, что в ходе новейшей истории в духовную жизнь Запада вклинилось огромное заблуждение, связанное с древнеперсидским дуализмом Ормузда и Аримана. Я также обратил ваше внимание на древние германо-европейские воззрения, получившие свое выражение, к примеру, в эпической поэме, известной под названием «Муспилли». Согласно этим воззрениям, в сугубо христианской форме «твердыне», то есть Земле, противостоит противоположность верхнего — люциферического — и нижнего — ариманического — принципов. Говорю «в сугубо христианской форме» по причине того, что эпическая поэма «Муспилли» еще не была заражена душевным строем, вычеркнувшим впоследствии из обихода противоположность верхнего и нижнего миров, как ее понимал автор этой поэмы. Принцип Христа в ней еще не соотносился с духовностью верхнего мира: в духовные выси возводился принцип Илии, истекаю-

щего кровью в борьбе с Антихристом, то есть с ариманическим принципом, переименованным в духе христианской терминологии. Итак, древние германо-европейские воззрения еще сохраняли отчетливое сознание необходимости различать принципы Верхнего и Нижнего миров, высших и низших сил, а в Принципе Христа искали своего рода уравнивание, выравнивание, гармонизацию двух указанных принципов. При этом легко заметить, что с перемещением принципа Илии в Верхний мир, а принципа Антихриста — в Нижний, верхний принцип воплощает то, что относится к моральному импульсу мироустройства, а ариманический принцип — интеллектуальный импульс мироздания.

И вообще в концепции верхнего и нижнего усматривали выражение дуальной структуры, присущей всему мирозданию. Естественно, принцип верхнего и нижнего некоторым образом проецируется на самого человека. Понятно, что верхнее и нижнее для человека определяется вертикальным положением его позвоночника. Отсюда и происходят весьма относительные понятия верхнего и нижнего. Но то, о чем идет речь сегодня, не связано с верхним и нижним: это сам принцип поляризации, и он проявляется в человеке необычайно сложным образом. Тот же принцип поляризации можно попытаться и более внешним образом разыскать в окружающем мире: в высшей степени полезно рассматривать мироустройство под таким углом, чтобы некоторые специфические явления, в которых определенные силы доходят до крайнего выражения, открывали нам тайны, господствующие в них.

Определенные противоположности выражены в человеке не совсем отчетливо: для большей ясности необходимо принять во внимание все устройство человека в целом. Ведь человек — продукт всего мироустройства; значит, он причастен и к миру пернатых. А племя птиц в какой-то мере раскрывает нам господствующие в мире тайны гораздо отчетливее, чем человек, к пониманию которого мы можем подойти уже на более высоком уровне, применив то, что увидим на примере птиц.

Что же является отличительной особенностью племени птиц? На физическом плане такой особенностью является появление птицы в нашем мире из яйца. Предварительно яйцо должно быть разбито. Птица развивается в яйце, и, как известно (наверное, вам всем доводилось видеть, как выглядит только что вылупившийся цыпленок), у только что сбросившего скорлупу цыпленка начинается интенсивный рост оперения. Эта противоположность, если можно так выразиться, существования внутри яйца и последующего существования с оперением на первый взгляд у человека выражена недостаточно отчетливо. Ведь человек не вылупляется на свет из яйца, к тому же он вступает в этот мир не сразу, а после длительной подготовки. Однако в чем же состоит для племени птиц эта противоположность между существованием в форме яйца и последующей формой бытия?

При чисто внешнем исследовании яйца, естественно, в первую очередь обращает на себя внимание известковая скорлупа. Она имеет определенную форму, однако, по сути дела, вы не можете отнести эту скорлупу к чему-то существенно важ-

ному для птицы, иначе ее не потребовалось бы отбрасывать. Итак, она не является чем-то важным для птицы. Без всякой ученой терминологии ее можно попросту называть защитной оболочкой еще не сложившегося существа. В любом случае то, что локализовано в известковой скорлупе, никак не отражается на форме самой птицы. Таким образом, совершенно очевидно, что речь идет о процессе выделения материи во внешнюю скорлупу. Это выделение представляет собой нечто вытесняемое организмом птицы, — нечто подлежащее отбрасыванию, нечто такое, что не потребуется птице для ее дальнейшего развития. Значит, внутри существа птицы должны присутствовать силы, которые отбрасывают нечто из состава яйца, выталкивая это наружу.

Исследуя такой предмет в целом, бываешь вынужден выходить за пределы природных закономерностей чисто земного бытия. Приходится опираться на то, о чем идет речь в моем «Очерке тайноведения». Там вы найдете указание на то, как на определенной стадии развития нашей планеты Луна отделилась от Земли, — материя Луны была выделена из состава Земли. Этот процесс чем-то

напоминает происходящее с яйцом птицы. Как созидательные силы всего земного космоса в свое время выделили из своего состава лунные силы, так и птица отбрасывает известковую скорлупу яйца как нечто, если можно так выразиться, сверхминеральное. Что же в таком случае представляет из себя то, что первоначально находилось внутри этой известковой скорлупы? (См. рис. — красный.)

Ведь известковая скорлупа защищает находящееся внутри нее от воздействия сил окружающего мира. Если бы цыпленок преждевременно подвергся воздействию этих сил, — допустим, слишком рано подвергся воздействию солнечных лучей, — он, конечно, не смог бы выжить. Он не выдержал бы натиска сил окружающего мира. Выходит, что существо, защищенное известковой скорлупой, живет в мире, который, собственно, не является земным.

Что же представляет собой тот мир, в котором живет существо, защищенное известковой скорлупой? Это мир, в котором мы сами пребывали, проходя стадии сатурнианского, солнечного и лунного развития, ныне оставшиеся в прошлом. И вот перед нами как бы фрагмент прошлого в настоящем. И если все находящееся за пределами яичной скорлупы относится к земному миру, то находящееся внутри яйца не принадлежит Земле, не хочет иметь с ней ничего общего и стремится избежать земного развития. Ибо оно сначала должно до этого созреть, разбить скорлупу и только тогда явить готовность к земному развитию.

Именно теперь мы вплотную приблизились к следующей проблеме: не каждое существо, нахо-

дящееся в яйце, рождается на свет Божий. Огромное количество птичьих яиц, а также икринок попросту погибает. Не говоря уж о том, что огромное количество птичьих яиц идет в пищу людям (не знаю, надо ли акцентировать эти вещи — ведь принято не касаться определенных тем, хотя подсознательно они ощущаются; однако ввиду того, что в будущем человечеству потребуются определенная информированность в подобных вопросах, невозможно продолжать отворачиваться от такого рода познаний). Итак, многие существа не достигают своего предназначения. Тогда возникает вопрос: что же происходит с теми существами, которые начали развиваться в яйце или в икринке, но так и не стали сформировавшимися земными птицами или рыбами? Рядовой материалист скажет: «Слепая природа бессмысленно расточительна, поэтому не приходится удивляться, что множество ее творений попросту погибает». Но это неверно: биологические субстанции, заключенные внутри яичной скорлупы, не успевают в данном случае созреть для земного бытия, но на уровне своих сил они достигают зрелости для бытия доземного — той формы существования, через которое мы сами, равно как прочие земные существа, прошли во времена Древнего Сатурна, Древнего Солнца и Древней Луны. И это как раз люциферическое бытие. Перед нами биологические субстанции, которыми продолжает питаться люциферическое бытие. Погибшее наполнение яиц поставляет пищу вполне определенным люциферическим существам. Однако вернемся к происходящему на Земле.

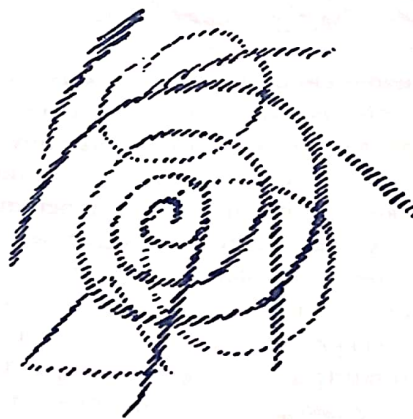
Итак, обращаясь к племени птиц, мы обнаруживаем в содержимом яиц люциферический элемент — элемент, не желающий иметь с Землей ничего общего и стремящийся отвернуться от нее и как бы огородиться стеной от земных закономерностей, от воздействия температуры и света, которые вступают в силу после прободения оболочки яйца.

Тогда совершается прорыв противоположных сил. Можно сказать: внутри птицы, по существу, сидит Люцифер. Но если ощипать птицу, то можно сказать: ее оперение представляет собой чистейшее отображение ариманических направляющих сил. Даже нежный пушок свежесмытого цыпленка — проявление этих сил: ариманические силы проникали даже сквозь скорлупу яйца. Уже тогда они приступили к борьбе с тем, что, как могло, противилось оперению. В общем, в оперении птиц можно усмотреть чистейшее отображение ариманического начала.

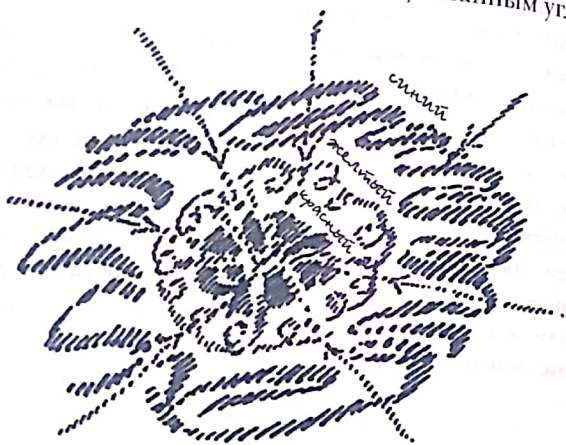
В целом можно сказать: в яйце скрывается Люцифер. Это выдает отбрасываемая им внешняя форма и вообще сам феномен отбрасывания материи. Этот феномен — будь то скорлупа птичьего

яйца либо кожа змеи — проявление люциферического принципа: сброс материи производится люциферическими силами. Да и в специфической форме сбрасываемой материи еще можно разглядеть отпечаток люциферических сил. В своем беспримесном воздействии они тяготеют к спиралевидным формам. А в оперении птиц и вообще во всем том, что извне внедрено в организм, проявляется ариманическое воздействие. Такое воздействие направлено тангенциально, то есть по касательной. Любуясь павлиньим хвостом, все же не забывайте, что перед вами чистейшее отображение направляющих ариманических сил.

Разумеется, надо отдавать себе отчет в том, что взаимопроникновение и взаимодействие Люцифера и Аримана происходит всегда и везде, а мы имеем дело всего лишь с отображениями всего этого. Однако фактически подобное отображение

прекраснее всего представлено в птичьей породе, надо только взглянуть на нее под указанным углом.

Естественно, силы, наличествующие в яйце, продолжают действовать и в самой птице. Значит, птица несет в себе силы, имевшиеся внутри яйца (красный), и при том окружена ариманическими силами, проявляющимися в ее оперении (синий). К тому же строение птицы также дает возможность точно локализовать эфирное и физическое. Если собрать воедино все то, что птица сохраняет из люциферического начала (то, что первоначально пребывало внутри яйца, а затем было сохранено ею в качестве сил роста), то мы получим относящееся к эфирному телу. Итак, то, что я нарисовал красным, относится к сфере активности эфирных сил. В отношении птиц может быть также сказано: все, что унаследовано птицей из яйца, пребывает в течение птичьей жизни под влиянием жизненных, то есть эфирных, сил. Птичье же оперение

всю жизнь находится под влиянием сил физических (стрелки на рисунке). А то, что пребывает между ними, — плоть птицы, ее мускулатура и так далее, — в ходе птичьей жизни подчинено воздействию астральных сил (желтый). Выходит, строение птицы предоставляет нам возможность определенным образом локализовать астральное в пределах птичьей плоти и мускулатуры, физическое — в оперении птицы, а эфирное — в унаследованных ею силах роста, содержащихся в яйце.

У человека все гораздо сложнее. Внешним образом человек не живет в яйце. Свое люциферическое начало, которое птица выносит наружу, человек развивает в теле матери. Вот почему Ариман еще не успевает завладеть им в материнском теле. На примере птицы видно, как она выносит на свет Божий люциферическое начало, которому нет нужды внедряться обходным путем, а также, в свою очередь, впитывает начало ариманическое. Однако в определенных случаях эти процессы проще продемонстрировать на примере человека, где это выражено более отчетливо. А между человеком и племенем птиц мы можем поместить породу млекопитающих.

Что касается человека, в первую очередь бросается в глаза поразительное отличие его устройства по сравнению с птицами. Например, птичьи лапки по сравнению с человеческими ногами выглядят совершенно захиревшими органами. Почему же птицы наделены именно такими лапками? Взять хотя бы воробьиные лапки: это какие-то жалкие огрызки рядом с человеком, гордо высящимся «на своих двоих»! Эти чахлае птичьи лапки, да и, пожалуй, весь как бы «скукожившийся», недоразвитый облик птицы наводит на мысль: птица изначально предназначена для полета, она отрывается от Земли, а конструкция ее ног — всего лишь побочный результат этого. Такая конструкция только намекает на принадлежность птицы к Земле. Человек же не отрывается ногами от Земли. Он не может летать. Он гордо ступает по Земле обеими ногами. Строение его ног — в основном дар Земли. Птица обойдена этим даром, ибо по-другому связана с Землей: она обособлена от Земли. Принимая этот дар Земли, человек оказывается более связанным с ариманическими силами, нежели птица. Птица тоже восприимчива к ариманическим силам, но человек в отличие от птицы воспринимает их в своем уже сложившемся виде (после овладения прямохождением). В этом случае происходит как бы прямое попадание Аримана в человеческие ноги (в пяту) с последующим захватом всего организма. У птицы Ариман завладевает только оперением.

И все же, принимая во внимание, что даже строением своих ног человек приспособлен к Земле, вы можете спросить: «Почему же человек лишен

перьев?» Да потому, что в отличие от птиц он приспособлен к Земле! Если бы он летал по воздуху, то и у него было бы оперение, ибо в этом случае ариманические силы воздействовали бы на него в другом направлении. А так он наделен слабой заменой оперения — своим волосяным покровом. Это своего рода ариманический придаток, сильнее всего проявляющийся на голове, — дополнительное доказательство того, что голова человека наиболее исполнена ариманическим элементом, как это нам уже известно из других наших изысканий.

Что касается млекопитающих, то они связаны с Землей гораздо больше человека — например, своими передними конечностями. Ведь обезьяны только в редчайших случаях встают на задние лапы. Также поступают и собаки, встречающие хозяина, но в целом это им не свойственно. Даже горилле не свойственно прямохождение — она приспособлена для лазанья; ее передние конечности — это хватательные органы, предназначенные для вертикального передвижения. Итак, человек наполовину оторван от Земли, птица оторвана от нее полностью, а млекопитающее привязано к ней как передними, так и задними конечностями, то есть целиком и полностью является земным созданием. Человек освобождается от Земли благодаря вертикальному положению позвоночника, а млекопитающее всецело привязано к ней. Этим определяется весь облик млекопитающего. Из той сферы, которой птица обязана своим оперением, млекопитающее получило только волосяной покров, да и то он, собственно, внешним образом встроен в организм животного.

В целом можно сказать: принимая во внимание отношение живого существа (будь то млекопитающее, птица, человек или другие живые существа) к окружающему миру и тщательно прослеживая это отношение, можно понять внешний облик данного существа. Вы можете даже реконструировать этот облик. Вы можете сказать, что птица проникнута люциферическим началом, отторгающим все земное, поэтому птичье яйцо по возможности отгораживается от Земли, и в результате птица минимизирует земные воздействия. Птичьи лапки остаются недоразвитыми, зато на птицу воздействуют силы ближайшего к Земле окружения — тепловой мантии Земли. Отсюда и проистекает соответствующий облик птицы с ее захиревшими лапками и так далее. А человек связан с Землей только своими нижними конечностями; он освобождается от земных влияний. Животное, опирающееся всеми четырьмя лапами о Землю, целиком погружено в земной элемент: оно — порождение Земли. Итак, в животном преимущественно напрямую действуют силы, вырывающиеся из Земли.

Древнее инстинктивное природоведение было прекрасно осведомлено обо всем этом. Вот почему в самом независимом от Земли человеческом органе, который, по существу, представляет собой всего лишь метаморфозу предшествующей земной жизни, — в голове человека — древние усматривали облик птицы: они видели в ней Орла. В системе конечностей человека и системе обмена веществ древние видели Быка, или Тельца, или Корову, ибо это животное всецело приспособлено к земному существованию. В средней части человека, своего

рода связующем звене между Орлом и Коровой, или Теленком, усматривали то, что благодаря особому функционированию обмена веществ высвобождается из исключительной зависимости от земного: доказательством тому может послужить укороченный кишечник Льва. Система обмена веществ у Льва необычайно примитивна, зато его дыхательная система и система кровообращения организованы чрезвычайно тонко. Отсюда его пылкость и ярость. Вот почему древнее инстинктивное природоведение усматривало в средней части человека облик Льва. Такие воззрения никогда не берутся «с потолка», они имеют под собой прочное основание.

Теперь нам надлежит заново вернуться к нашей теме — на сей раз более осознанным образом. Надо, например, уяснить себе, что мы, люди, носители «Я», отличаемся от всех животных. Для подавляющего большинства людей наше «Я» и по сей день — некий беспробудно спящий орган. По сути, сильно обманывает себя тот, кто считает, что его «Я» присуща высокая степень бодрствования. Ибо, как часто уже говорилось, воля человека пребывает в спящем состоянии, а поскольку активность «Я» представляет собой волеизъявление, то мы имеем дело с некоей тенью «Я», с чем-то, напоминающим ночной сумрак. Мы ведь и в жизни принимаем в расчет ночь, хотя она является временем тьмы. Не подлежит сомнению, что наша жизнь складывается не только из светлого дневного времени, но также из ночной тьмы. Однако ночное время постоянно как бы вычеркивается из общего распорядка времени. Нечто подобное происходит и с нашим «Я»: в обычном сознании мы замечаем его постольку,

поскольку оно как раз отсутствует в сознании; само по себе оно присутствует, но не осознается нами. Вместо нашего «Я» мы ощущаем только его отсутствие, некую нехватку. Это напоминает белую поверхность, на которой одна часть не окрашена в белый цвет; на этом месте видят черное. В обычном сознании наше «Я» воспринимается как некий провал, нечто погашенное и стертное. Именно так и обстоит дело во время нашего бодрствования: наше «Я», по существу, представляет собой нечто непрерывно спящее, но это спящее просвечивает через наши мысли, наши представления и чувства, — вот почему «Я» проникает и в повседневное сознание и возникает обманчивая видимость его восприятия. Итак, начнем с того, что наше «Я» не подлежит нашему непосредственному восприятию.

Наша «свободная от предубеждений» психология — «наука о душе» — верит, что наше «Я» скрывается где-то внутри организма: среди мускулов, мяса и костей прячется где-то и наше «Я». Но если хоть немного знать толк в устройстве жизни, то сразу убеждаешься, что это не так. Вот только трудно такие соображения донести до наших современников. Я попытался это сделать еще в 1911 году в своей лекции на Философском конгрессе в Болонье¹. Но эта лекция по сей день так и не встретила никакого понимания. Я попытался тогда обрисовать истинное положение нашего «Я». Это «Я», по сути, заложено в основе любого восприятия — в нашей реакции на все то, что производит на нас впечатле-

¹ Лекция «Психологические подосновы и теоретико-познавательная позиция теософии» прочитана 8 апреля 1911 г. (опубликована в ПСС. Т. 35).

ние. «Я» отнюдь не скрывается где-то внутри — в нашей плоти, в наших костях и так далее, — оно заложено в основе того, что я воспринимаю собственными глазами. Так, при восприятии красного цветка и его красной окраски одно смешивается с другим. И столь же затруднительно во всем этом целостном переживании вычленить собственное «Я». В составе такого монолитного переживания одновременно присутствует и ваше «Я», а ведь «Я» связано с вашей душевной жизнью, которая не может быть упрятана где-то в ваших костях! Вы ведь проецируете содержание своего внутреннего мира на весь окружающий мир. Выходит, что «Я» реально присутствует внутри вас в меньшей степени, чем воздух, который побывал в ваших легких и который вы только что выдохнули. Ведь ваше «Я» связано с каждым вашим восприятием и, по существу, вообще со всем находящимся вне вас самих. Ваш внутренний мир служит только ареной проявления вашего «Я», но свою силу оно черпает из воспринимаемого вами.

Кроме того, «Я» связано еще кое с чем: когда вы просто идете, а значит, пускаете в ход свою волю, ваше «Я» тоже перемещается вместе с вами или по меньшей мере принимает участие в этом перемещении. Ползете ли вы как черепаха, или несетесь вскачь, прогуливаетесь ли с ленцой или кружитесь в танце, прыгаете и так далее, ваше «Я» всегда сопровождает эти движения. «Я» сопровождает любую вашу деятельность. Но ведь эта деятельность не прячется где-то внутри вас: она увлекает вас с собой. Например, вы водите хоровод: вы же не думаете, что хоровод прячется где-то внутри вас? Вы водите хоро-

вод отнюдь не на арене своего внутреннего мира, но главное здесь — это присутствие вашего «Я», сопровождающее вас в хороводе. Итак, ваше «Я» сокрыто в процессе вашего восприятия и вашей деятельной активности. Однако оно не присутствует внутри вас в полном смысле слова, наподобие того, как внутри вас имеется кишечник: ваше «Я», по сути, представляет собой нечто, постоянно находящееся вне вас самих. Оно равным образом находится вне вашей головы, как и вне ваших ног, — просто при ходьбе оно сильно задействовано в движениях ваших ног, а в области головы проявляется меньше.

Далее: чем же отличаются ноги и вообще система конечностей вкуче с системой обмена веществ от головы? Эфирное и астральное тела головы уже относительно самостоятельны: голова, в основном, является физическим телом. «Старина» голова, порождение предыдущей инкарнации, больше всего преуспела на физическом плане — вот уж ревностный обитатель Земли! И, напротив, эфирное и астральное тела ног (вернее, системы конечностей и системы обмена веществ) внутренне связаны с физическим телом. Так что можно сказать: эфирное и астральное тела ног связаны с телом физическим, и только «Я» остается относительно независимым от ног: оно сопутствует им, только когда ноги приходят в движение. То же самое можно сказать и о системе обмена веществ: органы обмена веществ существенно связаны с эфирным и астральными телами.

Итак, чем же отличается голова человека от системы обмена веществ и системы конечностей? Тем, что голова имеет свободное эфирное тело, свободное астральное тело и свободное «Я»; а система

конечностей и система обмена веществ располагает только свободным «Я», тогда как их эфирное и астральное тела связаны с телом физическим, не свободны от него.

Возможно, следующее поможет вам лучше понять суть дела. Представьте себе, что той части вашего астрального или эфирного тела, которой вверена ваша система обмена веществ и система конечностей, вздумалось бы повести себя как эфирному или астральному телу головы, то есть тоже сделаться свободной. Вообразите себе такую прихоть с этой стороны. Допустим, астральному телу вашей системы обмена веществ вздумалось бы повести себя так же, как его «коллеге» — астральному телу головы (ведь это как-никак автономная часть, так что ее можно отнести к числу его «коллег»). Что же произойдет? Нижняя часть нашего тела пожелает уподобиться

голове, чего никак не должно быть, ибо это противоречит устройству человека. Но вот какая странность: что идет во благо головы, то действует во вред нижней части тела. По существу, наиболее характерная черта всех заболеваний нижней части тела — это принятие ею конфигурации головы.

Раковая опухоль, как я говорил не то в Штутгарте, не то в Цюрихе¹, представляет собой всего лишь частный случай того, как в какой-то части тела, где не должно быть никаких сенсорных органов, астральное тело ни с того ни с сего принимается строить орган внешнего восприятия. Карцинома — это глаз или ухо, которые пытаются вырасти в ненадлежащем месте. Опухоль вгрызается в это место. Она собирается там построить ухо или глаз. Итак, когда астральное либо также эфирное тело нижней части организма хочет вести себя как астральное или эфирное тело головы, возникает заболевание этой нижней части тела.

И наоборот, когда голова старается жить по образцу нижней части тела, втягивая свое астральное или эфирное тело в свои собственные заботы, она заболевает сама; это начинается уже с мигрени. Когда голова втягивает в свои нужды эфирное тело, возникает мигрень. А когда она вовлекает астральное тело, бывает нечто и похуже.

Это положение вещей только отражает сложность природы человека: ее невозможно изучать в духе нынешней расхожей науки; устройство человека надо изучать во всей его сложности, учитывая,

¹ Лекция, прочитанная 14 января 1921 г. в Штутгарте (ПСС. Т. 73 а).

что голова не может функционировать по образцу нижней части тела, иначе ей не миновать заболевания. Когда, к примеру, головной мозг интенсифицирует свой процесс обмена веществ, то есть чрезмерно усиливает процесс выделения, — возникает патологическое состояние. И этот гипертрофированный процесс выделения связан с тем, что голова слишком задействовала эфирное тело. Равным образом и нижняя часть нашего тела скатывается к болезнетворному состоянию, когда она, предоставленная самой себе, если можно так выразиться, уподобляется голове и получает повод строить что-то вроде сенсорных органов. В целом можно сказать: голова наделена свободным эфирным телом, свободным астральным телом и свободным «Я». Система конечностей и система обмена веществ располагают связанным (то есть привязанными к материальной основе) эфирным телом и связанным астральным телом, и только «Я» остается свободным. Средняя часть человека — его ритмический организм — обладает связанным эфирным телом, свободным астральным телом и свободным «Я».

Голова: свободное эфирное тело,
свободное астральное тело,
свободное «Я»

Ритмический человек: связанное эфирное тело,
свободное астральное тело,
свободное «Я»

Система конечностей и система обмена веществ: связанное эфирное тело,
связанное астральное тело,
свободное «Я»

У нас получился своего рода обзор устройства человека с необычайно важной точки зрения, ибо в результате создается верное впечатление, что, по сути, человеческое «Я» располагает определенной свободой в сравнении с остальными составляющими человека: хотя от пробуждения до засыпания «Я» работает в человеке, оно всегда в определенной мере остается свободным от него; оно, в сущности, связано с внешними восприятиями, равно как и с внешней двигательной активностью человека, но при этом полностью не вступает в человеческое тело. Где же в таком случае пребывает человеческое «Я» и можно ли в этом наглядно убедиться?

Нечто сходное можно уже усмотреть в оперении птиц. Конечно, человек не имеет оперения, но его «Я» живет в силовом поле окружающего мира, которое включает в себя направляющие силы птичьего оперения. Там внешним образом и живет наше «Я». И мы можем эти направляющие силы узреть еще отчетливее. Они как бы кристаллизуются в птичьем теле. Вместе с тем эти силы создают направляющие линии и для других свободно движущихся существ — для насекомых. Когда вы наблюдаете повсюду жужжащих и роящихся насекомых и проникаете в их мир при помощи имажинации — вы можете увидеть, где пребывает ваше «Я». Представьте себе жужжащий рой насекомых — жуков, мух, прекрасных бабочек и отвратительных шмелей и слепней, — снующих вокруг вас в разных направлениях, и перед вами зримо предстанет та среда, внутри которой фактически живет ваше «Я». Когда говорят, что дурные мысли жалят, как оводы или слепни, а прекрасные мысли порхают,

как бабочки, это не просто образное выражение: многие дурные мысли действительно кусают, как злобные мухи. Разница только в том, что одно происходит на духовном уровне, а другое — на физическом. Человеческое «Я» целиком и полностью живет в окружающем мире.

Это необычайно важно. Ведь подлинное миропознание во многом зависит от правильной оценки того, что предстает взору человека: надо перестать абстрактно разглагольствовать о духе, надо учиться находить в окружающем нас мире его реальное духовное содержание, выраженное в образной форме, дабы мир нашего «Я» не заполнялся выхолащенными духовными абстракциями. Ибо все духовное в образной форме присутствует и в окружающем мире. Духовные факты обязательно отражаются и в форме зримых образов — надо только уметь правильно интерпретировать такие образы. И хотя ариманическое проникает в наше «Я», когда это «Я» находит себя во внешнем мире — мире бабочек и птичьего оперения, то есть внешних направляющих сил, — однако наше «Я» опять-таки наделено способностью строить внутри себя самые разнообразные формы. Мы же можем сконструировать круг, или форму яйца, или треугольник; мы также строим себе свой внутренний мир. И если провести соответствующее исследование, то окажется, что происходит это при участии сил, поставляемых нам люциферическим началом.

Не устану повторять: математику, изучающему пространственные соотношения, не помешало бы рассмотреть куриное яйцо применительно к трем пространственным измерениям — получилось бы

что-то весьма любопытное. Фактом является противоположность: своим «Я» мы живем как в тех формах, которые можем проецировать на экран внешнего мира, так и в том, что конструирует сам этот внешний мир. С одной стороны, мы живем в том, что в курином яйце отделено скорлупой от внешнего мира, то есть находимся под люциферическим влиянием; с другой — находимся под влиянием ариманическим в результате вовлеченности нашего «Я» в наши телодвижения и в процесс сенсорного восприятия: мы живем своим «Я» как в том, что внедряется в птичье тело через оперение, так и вообще в том, что пропитывает мир порхающих бабочек и прочих насекомых.

Кто разбирается в удивительном многообразии мира птиц, тот знает толк и в особенностях отношения человеческой души к окружающему миру. Ибо оперение птиц — это вывернутая наизнанку сторона того, что через наше «Я» внешний мир порождает в нашем внутреннем мире, — сверкающий, искрящийся, переливающийся всеми красками мир восприятий.

Вот так надо стараться постигать мир при помощи образов. А современная абстрактная наука улавливает только какие-то жалкие крохи подлинного мироустройства.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 17 июля 1921 г.

Сколько же на самом деле закономерностей и тайн мирового бытия так и осталось за пределами человеческого познания из-за непонимания полярной противоположности Ормузда и Аримана, о которой у нас шла речь вчера и позавчера! Новейший материализм стал возможным в первую очередь потому, что привил человечеству представление, будто для науки в окружающем нас мире не существует никаких противоположностей, никаких крайностей и прочих антагонизмов: все они в свое время будут сглажены нынешней расхожей наукой, и унифицированная Вселенная постепенно откроется пытливному уму человека. Однако достаточно простейшего соображения, чтобы убедиться, что это не так. Припомните только, о чем мы говорили пару недель назад, и правильно оцените сказанное: для тех, кто в наше время называет себя учеными, живой человек ничем принципиально не отличается от трупа. Ибо расхожая наука оперирует лишь теми

законами природы, которые вступают в полную силу только тогда, когда человек становится трупом. А все происходящее в человеке с рождения до смерти, что противоречит этим законам, ускользает от внимания нынешних ученых. И если отбросить современные предубеждения и построить правильное суждение, то его можно сформулировать так: с самого рождения (даже еще в эмбриональном состоянии) и до смерти человек борется с властью природных законов — единственного предмета современного естествознания.

Сравните то, что говорят об окружающей природе физики, химики, физиологи, биологи и так далее, с самим человеком между рождением и смертью, и вы убедитесь, что вся жизнь — это непрерывная борьба с царством этих законов природы. Человек только потому и является человеком, что с рождения до смерти его организм ничего не желает знать об этих законах и борется с их властью.

Уже из этого вы можете заключить, что при необходимости вписать человека во Вселенную — в космос, — приходится считаться с другими закономерностями, другой формой человеческого становления. Ибо, принимая во внимание только открытые наукой законы природы, человека (да, собственно, и растение и животное) просто невозможно приписать ни к чему. Сегодня мы собираемся исследовать только отношение человека к остальной природе. Человек обитает вовсе не в той природной среде, которую описывает современное естествознание. Каждым своим вздохом человек отворачивается от того устройства природы, о котором возвещает нынешняя наука.

И все же говорить о человеке (о том физическом человеке, каковым он в первую очередь предстает нашему взору) в связи со Вселенной — космосом — вполне правомерно: человек ведь рождается из лона космоса. В этом случае суть космоса придется трактовать качественно иначе, нежели это делает современная наука. Надо, в частности, уметь составить себе представление о том, что подразумевается под следующим установленным духовной наукой фактом.

Поразмыслим над моментом смерти человека — неважно, умирает ли он в молодости либо же по достижении нормальной старости. От человека остается труп. Этот труп сравним (и это больше чем сравнение) со сброшенной змеиной кожей или скорлупой яйца, когда из него вылупился цыпленок. Труп оказывается во власти тех природных законов, о которых возвещает нынешнее естествознание; так же, к примеру, и сброшенная кожа змеи подлежит воздействию только внешних законов природы и более не управляется законами роста, свойственными живой змее. Итак, человеческий труп попадает в поле действия земных закономерностей. Но ведь с рождения человек имеет человеческую форму, обладает присущим ему человеческим обликом, который после смерти растворяется и перестает существовать. Первое время труп еще сохраняет человеческие черты, но это всего лишь имитация, подражание человеческому облику. Это уже не тот облик, которым мы располагали с рождения до смерти. Свойственный человеку облик наполнен его душой: он может, например, передвигаться, ибо располагает необходимым для этого

количеством сил. В трупe ничего этого нет. Значит, то, что придает трупy его форму, покинуло его, — оно исчезает, как только человек умирает. Человек уносит это с собой. Он на некоторое время уносит с собой и свое эфирное тело (не будем пока вдаваться в эти подробности), но в любом случае он не берет с собой свою физическую форму, свой физический облик. В некотором отношении он теряет свой физический облик. Вернее, если проследить двигательную активность человека, сбросившего свое тело при прохождении через врата смерти, то обнаружатся двигательная активность и побуждения другого рода по сравнению с тем, что были присущи его физической форме.

Итак, то, что содержалось в физической форме человека, с его смертью ускользает от внешнего взора. Эта форма еще запечатлена в трупe, и он продолжает сохранять ее некоторое время, но постепенно теряет ее — она ему не свойственна. Простите за грубое сравнение: это напоминает тесто, которому форму придает кастрюля; тесто принимает форму кастрюли, но нельзя сказать, что это его собственная форма, она заимствована у кастрюли. И как тесто продолжает удерживать форму после удаления кастрюли, так и труп удерживает человеческую форму, когда опора уже удалена. Однако сама эта опорная форма, которую мы носим с собой, перестает оказывать воздействие после прохождения человека через врата смерти. Само же формoобразование (порождение мировых закономерностей, аналогичных всемирным законам кристаллизации) подчинено власти неземных законов. И возникает вопрос: что же дальше проис-

ходит с этой формой? Духовно-научное исследование отвечает так: этой формой питаются — подкрепляются — духовные Иерархии, именуемые Архаями, или Началами. Так что можно сказать: нечто из человеческой формы переходит в царство Архаев.

Фактически та физическая форма, которую мы получаем при рождении и слагаем в момент смерти, исходит из царства Архаев; значит, мы получаем свою физическую форму благодаря тому, что нас овеивает один из духов Иерархии Архаев. Каждый из нас осенен одним из духов царства Архаев, который раньше пребывал внутри нас, а теперь снова отзывается назад то, чем ссудил нас в пожизненное пользование.

Как видите, это лишний раз подтверждает принадлежность человека всему космосу. Кажется, будто Архай вытягивают свои «щупальца». Сначала Архай выпускает из себя некое формoобразование,

и только затем внутри этого отростка вырисовывается фигура человека. Правильно представить

свое космическое существование можно, только если вообразить себя как бы облаченным в это формообразование — в этот отросток, протянутый к тебе со стороны Архая. Если теперь представить (об этом мы на днях уже говорили), что человек в качестве обитателя Земли впервые появляется в лемурийскую эпоху и постепенно приобретает земную форму, то можно, принимая во внимание описанное в моем «Очерке тайноведения», составить представление о трансформации человеческой формы (припомните только описание мира атлантов); тогда можно составить представление и о сфере деятельности Архаев — о том, как царство Архаев работает с царством земным, преобразуя облик человека. Эта метаморфоза, это преобразование формы, начиная с лемурийской эпохи и вплоть до того времени, когда человеческая форма исчезнет с лица Земли, целиком и полностью относится к конструктивной деятельности возвышенного царства Архаев. И, трудясь над человеком в этом направлении, Архаи одновременно приносят то, что в истинном смысле слова зовется «духом времени». Ведь этот дух времени, внутренне связанный с общей трансформацией человеческого облика, непосредственно преобразует поверхность вашей кожи: здесь его прибежище. Дух времени ощутимо проявляется на самой внешней периферии тактильной сферы человека. Постигая работу Архаев, убеждаешься, что они не только преобразуют человеческий облик, но и меняют дух времени в ходе земного развития.

Как вам известно, за Архаями в иерархическом порядке следуют Духи формы — *Exusiai* (см. свод-

ную таблицу на с. 246). Когда вы переводите свой взор с того, что в земном бытии конструирует человеческую форму, на то, что присуще планете Земля с самого ее начала и до конца, вам открывается нечто более всеобъемлющее по части внешней космической закономерности по сравнению с тем отрезком развития Земли, когда задействована человеческая форма. Ведь описывая развитие Земли, мы сначала обнаруживаем отзвук древнего сатурнианского периода — полярную эпоху; затем встречаем отзвук древнего солнечного периода — гиперборею эпоху; затем приходит черед отзвука древнего лунного периода — лемурийской эпохи. И только тогда мы приближаемся к первоначальной беспримесно земной эпохе — эпохе атлантической; в настоящее время мы живем в постатлантическую эпоху. Впервые возникает нынешняя человеческая форма. Общая эволюция Земли подчиняется более всеобъемлющему закону по сравнению с тем фрагментом земного развития, когда появился человек в его нынешней форме (вернее, в нынешней стадии метаморфозы своей формы). Нам надо оглянуться на первые времена Земли, когда человек еще не пришел к своей земной форме и присутствовал на Земле только в качестве духовно-эфирного существа, а также устремить взор на будущие времена, когда по прошествии многих тысячелетий человек как физическое существо исчезнет с лица Земли. Тогда некоторое время Земля еще продолжит свое физическое существование и даже будет ареалом обитания человека, но сам человек перестанет быть видимым — он станет эфирным существом.

Если окинуть духовным взором все развитие Земли (и не только появление человека, но и все, что выходит за пределы этого события), если учесть законы, в общей массе которых так называемые «законы природы» составляют лишь ничтожную часть, то мы увидим, что все это относится к царству *Exusiai*, царству Властей. Именно из этого царства *Exusiai* выкристаллизовался земной элемент — так же как сам земной человек выкристаллизовался из царства Начал (разумеется, со всем тем, что требуется для существования человека на Земле). Поэтому можно сказать: все земные формообразования, — как органические, так и неорганические, — расплывшись некогда в будущем, переходят в царство *Exusiai*.

Что касается второго члена человеческого состава — эфирного тела человека, — то и его не следует причислять к нашему единоличному достоинству: как наша физическая форма, по сути, относится к царству Архаев, или царству Начал, а мы только облачены в эманации царства Архаев, так и в отношении своего эфирного тела мы облачены в эманации царства Архангелов, или *Archangeloi*. Проходя через врата смерти, мы на короткое время удерживаем при себе эфирное тело. Как вы знаете, затем оно растворяется, но это не означает тотального уничтожения: просто оно возвращается в царство Архангелов. Архангелы со своей стороны претендуют на него: ведь они как бы погружают часть своего существа в земное царство людей и тем самым созидают эфирное тело человека во время его жизни. В целом можно сказать: нечто из эфирного тела человека переходит в царство Архангелов.

Что же касается тела астрального, то оно аналогичным образом относится к царству *Angeloi*, или царству Ангелов, — так же, как наша физическая форма относится к царству Начал, а эфирное тело — к царству Архангелов. Астральное тело равным образом не является нашим единоличным достоинством: оно представляет собой эманацию со стороны Ангелов. Можно сказать: после смерти нечто из нашего астрального тела переходит в царство Ангелов. Наше астральное тело — тоже своего рода облачение нашего существа в эманации царства Ангелов. Как видите, являясь носителями физической человеческой формы, эфирного и астрального тел, мы тем самым оказываемся вовлеченными в сферу деятельности третьей Иерархии. А благодаря нашей втянутости в земные закономерности, позволяющей нам передвигаться по Земле, проявлять свою волю, предпринимать определенные действия — мы также принимаем участие и в действиях царства *Exusiai*, или Духов формы, Элохимов.

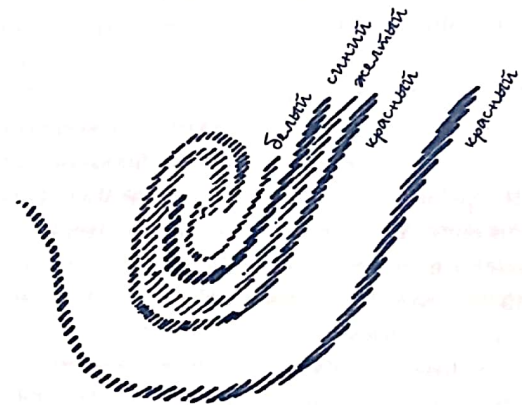
Здесь мы приближаемся к важному моменту. Исследуя физическую форму человеческого тела, находящегося в состоянии сна, вы констатируете, что она не меняется при утреннем пробуждении. Эта форма даже и не собирается растворяться, и притом никак не скажешь, будто это труп, сохраняющий свой облик так же, как тесто хранит форму кастрюли: налицо реальная самодостаточная форма. Значит, *Archai*, принимавшие участие в сотворении этой формы еще на заре появления физического человека на Земле, непрестанно связаны с ней. Равным образом *Archangeloi* связаны с эфирным телом человека. Однако с астральным телом

человека дело обстоит иначе. Ведь от засыпания до пробуждения оно никак не связано с физической формой человека: в это время оно пребывает в совершенно ином окружении по сравнению с состоянием бодрствования. Если с рождения до смерти человека принцип *Archai* неотрывно связан с физической формой, а принцип *Archangeloi* — с мудростью эфирного тела, то с принципом Ангела дело обстоит иначе: он как бы должен препроводить человека из одного состояния сознания в другое и обратно. Существо Ангела должно сопровождать человека при засыпании и проделывать с ним обратный путь при пробуждении.

Как видите, говоря об Ангелах, прикасаешься к чему-то новому. И правда, в этом случае от самого человека — от его образа мысли и душевного настроения на духовный мир — зависит, сопровождает ли его Ангел, когда он во время сна покидает свое физическое и эфирное тела. С детьми это просто, но по достижении человеком определенного возраста все зависит от его умонастроения, от его внутреннего душевного родства с Ангелом. И когда такое родство отсутствует, когда человек верит только в материальное и только с ним связывает свои помыслы, Ангел перестает сопровождать его.

Если представить весь спектр человеческого состава (см. рис.) и Землю как результат деятельности *Exusiai* (красный снаружи), человеческое физическое тело — как результат деятельности *Archai* (красный внутри), эфирное тело — как результат деятельности *Archangeloi* (желтый), а астральное тело — соответственно как результат деятельности *Angeloi* (синий), то можно сказать: во время бодр-

ствования человека его Ангел пребывает в лоне Архангелов, Архаев и Духов формы — проще говоря, в лоне высших духовных существ. Если человек, отягощенный материалистическим умонастроением, покинет физическое и эфирное тела, то его Ангелу придется отречься от собственного существа, от принадлежности к *Archangeloi*, *Archai*, *Exusiai*. Как видите, здесь мы вступаем в ту сферу, где умонастроение человека является определяющим для важнейшего, судьбоносного события всей его жизни: его причастности во время сна к присутствию или отсутствию Ангела.

В наше время уже невозможно сказать: что если Ангелы и существуют, то нам нет никакой нужды верить в них в бодрствующем состоянии: они и так займутся нами во время сна. Увы, они не приходят, когда их отрицают в дневное время! Этот факт приоткрывает многие глубинные тайны чело-

веческого бытия и одновременно демонстрирует нам, что человеческое умонастроение столь же подвластно всеобъемлющей космической закономерности, как, допустим, кровеносная система человека подвластна законам природы, которые доступны внешнему научному исследованию (правда, эта доступность имеет свои пределы).

Человек же, носитель «Я», претендующий на самодовлеющее существование, все же вписан в целое. И сознание собственного «Я» человек обрел только в ходе земного бытия. Это сознание имеет длинную историю. Если вернуться в стародавние времена (времена так называемого инстинктивного ясновидения), то окажется, что тогда люди напрочь были обделены таким сознанием «Я». Их дар специфического инстинктивного созерцания не являлся чем-то индивидуальным, ибо человеческое «Я» тогда вообще еще не было пробуждено. Люди предавались тому, о чем думал Ангел, что чувствовал Архангел, чего хотел Архай, — тому, что жило в лоне этих существ. Мы восхищаемся поразительной мудростью древних; однако, по сути, она не является мудростью человеческой: она возникла в результате того, что еще до того, как Земля сделалась собственно Землею, *Archai*, *Archangeloi* и *Angeloi*, осенявшие человека, проникли благодаря этой мудрости в его душу, одержимую этими высокими существами и являвшуюся их проводниками. И человеку надлежит с помощью своего Ангела, с которым его связывало соответствующее умонастроение, добыть собственную мудрость. Мы движемся навстречу этим временам. В настоящую эпоху, когда в человеке

все больше пробуждается собственное «Я», он будет лишен мыслительной активности Ангела и Архангела, если не примет индивидуального целенаправленного решения, не проявит личной решимости.

Благодаря былой покинутости Ангелами человек смог вступить в правомерную связь с земным бытием. И эта связь, с одной стороны, делает человека свободным, но с другой — вызывает к необходимости снова (только на этот раз собственными силами) возвыситься к тому, что позволит высшим Иерархиям обитать в сознании человека. Надо стремиться вновь обрести такие помыслы, чтобы Ангелы могли жить с нами. И это исключительно те мысли, которые можно извлечь из имажинаций духовной науки. А если вдобавок нам удастся и весь мир своих желаний нацелить на обретение таких мыслей, то мы заново возвысимся до царства Архангелов. Ведь в наше время человеку грозит серьезная опасность. Ибо после пробуждения он вновь возвращается в свое физическое тело, даже и не подозревая о существовании тела эфирного и о том, что внутри этого тела тон задают эманации Архангелов. Всему этому он должен научиться заново; а также должен снова познать, что Начала — *Archai* — господствуют в его физической форме. Человеку надлежит научиться осознавать момент засыпания и момент пробуждения.

Ибо человек, реально овладевший собственным «Я», выпадает из царства высших Иерархий. Он становится самодовлеющим существом. Но зато в результате он вступает в другое царство — царство Аримана. «Я» человека (причем на этот

раз в бодрствующем состоянии) вступает в царство Аримана.

Земная формация вступает в царство Ehusiai

Нечто из человеческой формы переходит в царство Archai

Нечто из эфирного тела человека переходит в царство Archangeloi

Нечто из астрального тела человека переходит в царство Angeloi

«Я» человека вступает в царство Аримана (ариманическая Майя, ариманическое марево)

Угроза пришествия царства Аримана была наиболее вероятной приблизительно в 333 году до Мистерии Голгофы. Это было время перехода к чистой интеллектуальности, чистой логике. Затем Мистерия Голгофы проникла в мир людей. И через 333 года после Мистерии Голгофы наступило то время, начиная с которого человеку надлежит осознанно стремиться к царству высших Иерархий.

Поскольку подлинный интеллектуализм зародился не так уж давно (с XV столетия), точка невозврата из ариманического царства еще не пройдена. Однако в результате того, что человек пробивается интеллектом, то есть живет не в реальности, а в отражениях, он обитает в Майе. Он пребывает не в истинном царстве Аримана, а в ариманическом

мареве — в сплошной видимости (в том смысле, в каком у нас шла речь в эти дни). Вот почему человек еще может вырваться из этого царства, а может и опять в него вернуться. Но в любом случае это будет его свободное решение. Ибо мы живем в мире отражений и подобий, в Майе; вся интеллектуальная культура — это лишь такой виртуальный мир. С 333 года все предоставлено свободному выбору человека. Католическая церковь не покладая рук стремится пресечь это устремление, но этому надо противостоять: человеку надлежит стремиться к духовным мирам.

333 до Рождества Христова

333 после Рождества Христова

666

В сумме эти два числа дают 666. Это так называемое число зверя — момент времени, когда люди более всего предрасположены к реальному вхождению в царство зверя. Разумеется, эта тенденция сохраняется и после 333 года, если, погрузившись в ариманическое марево, человек перестает духовно расти. Значит, самым главным результатом этого погружения в марево ариманического царства является то, что мы становимся свободными существами. Мы не обретаем там никаких прозрений, не обогащаемся никакой мировой мудростью, иначе нам пришлось бы заплатить за такое приобретение своей свободой.

Но обратите внимание: одно дело, когда человек усваивает духовные взгляды и в результате его

«Я» во время сна остается связанным с его астральным телом, а другое — когда он пренебрегает духовным мировоззрением и Ангел не сопровождает спящего; в этом случае человек выносит из состояния сна ариманические инспирации. Так оно и есть: сугубо материалистический образ мысли, переизбыток материалистических идей — вот что с нарастающей скоростью выносит современный человек из состояния сна. И если человек всякий раз из состояния сна выносит нечто усиливающее в нем привязанность к материализму, к распадающейся Земле и ведущее вместе с распадом материального к распылению его собственной души, то противостоять этому смертному приговору душе можно только при помощи духовного мировоззрения — этого результата усвоения духовно-научных представлений. Итак, состояние сна может медленно и постепенно вести к материализму. Но, помимо этого, Ариман пытается разлучить человека с его Ангелом, и такие случаи постоянно множатся. На это был особенно щедр 1914 год, когда сознание людей бывало попросту оглушено ариманическими силами: в помутнившемся сознании людей влияние Ангела оттеснялось и подменялось ариманическим воздействием. Здесь кроется причина того, почему в 1914 году многие инстинктивно утверждали, что, например, правильный взгляд на причины возникновения войны 1914 года никогда не сможет быть подтвержден внешними документами. Раньше можно было производить исследования на основании архивов. Но на этот раз события фактически развивались на более духовном уровне, и огромная

часть непосредственных участников этих событий действовала в пониженном состоянии сознания: их сознание было парализовано ариманическими силами, а воздействие царства Ангелов вытеснено. Постигание современных событий требует учета воздействия духовного мира на нашу современность — без этого невозможно правильное понимание происходящего.

Однако и во многих других направлениях налицо стремление ариманического андерграунда оторвать человека от его связи с царством *Angeloi, Archangeloi, Archai, Exusiai* и так далее и погрузить его вместе с его культурой в ариманическое болото. Подумайте только, сколь часто в наше время (я повторяю это уже много лет) человек, попавшийся на самой откровенной лжи, говорит: «Я верил в то, что говорил, я сказал это по совести и из лучших побуждений». Беда только в том, что фактическое положение дел это способно изменить не больше, чем ваше намерение из благих побуждений и по велению совести сунуть палец в огонь: благие побуждения не уберегут вас от ожога. Так же и в мировых взаимосвязях ссылки на неосведомленность и благие побуждения мало что изменят (и было бы грустно, если бы дело обстояло иначе). Свобода человека состоит не в том, чтобы из лучших побуждений говорить неправду, — он обязан следить за тем, чтобы сказанное им не было ложью.

С другой стороны, не надо витать в облаках: изреченная мысль должна быть почерпнута в окружающем мире; нельзя отрываться от реальности. Неправда, сказанная из лучших побуждений, всегда связана с отрывом от реальности. Когда, к примеру,

кто-нибудь из лучших побуждений утверждает, что в Гётеануме находится скульптурная группа, имеющая сверху люциферические черты, а снизу ариманические, — это значит, что при таком толковании Ариман у нас возведен во Владыки мира. Утверждающий такое обязан был сначала самостоятельно проверить, соответствует ли сказанное действительности. В наше время ариманическое влияние проникло даже в юриспруденцию, когда сначала утверждается что-то непроверенное (что уже является составной частью лжи), а потом говорится, что это делалось из лучших побуждений. Трудно сыскать более сомнительную и фальшивую формулировку, чем это «из лучших побуждений». «Из благих побуждений», или «я думал, это к лучшему», или «я был совершенно уверен» — это мягкий диван для лентяя, не считающего себя обязанным сначала проверить правдивость своих утверждений и достоверность приводимых им фактов.

И кто всерьез собирается бороться с ариманическим вторжением, причем бороться совершенно конкретно, тот должен в первую очередь направить свои силы против этого «я говорил из лучших побуждений»; ибо при помощи такой ссылки на «лучшие побуждения» легче всего оторваться от объективной связи явлений. То, что ты считаешь необходимым утверждать, должно соответствовать этой объективной связи, а не только твоему субъективному мнению; ведь то, что во внешнем мире покинуто Ангелом, становится добычей Аримана. И всякая неправда, высказанная из «лучших побуждений», сильнее всего гонит человека в объятия

Аримана и прочно связывает с ним. В наше время ссылка на «благие побуждения» при утверждении неправды — лучшее средство предать всемирную цивилизацию власти Аримана.

Вот с чем надо считаться, когда взираешь на устройство мира. Надо не просто по образцу расплывчатого мистицизма абстрактным образом фантазировать об Ангелах, Архангелах, Архаях и так вплоть до Престолов, а надо вникать в конкретные подробности мироустройства. Ибо вполне реально теряешь присутствие мира Ангелов, когда, лениво развалившись на диване «благих побуждений», выдаешь за истину непроверенную информацию.

В этом проявляется связь реальной жизни с умонастроением, с усвоением духовно-научных истин и познаний: они должны проникать своей силой конкретные частности реальной жизни.

Многих раздражает как раз то, что духовная наука представляет собой не просто теорию, как другие духовные течения, а является чем-то живым, требующим в первую очередь преодолеть не только обычную лень, но и ту, что опирается на «благие побуждения» при утверждении неправды. Это вызывает сильное неприятие, и постоянно слышишь с пафосом произнесенное: «Я утверждал то или иное из самых лучших побуждений». Вот истоки деградации нашей науки, и в первую очередь истории. Ибо нетрудно представить, что те, кто лезут со своими мнениями такого рода, не вызывают ни малейшего доверия и во всем остальном, даже когда речь идет о точных науках: ведь сначала надо еще перепроверить, не было ли то, что

нынешние ученые приписывают себе, попросту содрано у кого-то из представителей прежнего, лучшего, поколения, которому были свойственны внутренние обязательства по отношению к письменным высказываниям. Но когда видишь, как в наше время многие исследователи не брезгают подражать Фройнмейеру¹, лишней раз убеждаешься, насколько велико слепое доверие к официальной науке и ее представителям! Важнее всего сознавать такое положение вещей. И можно только от души пожелать духовной науке приверженцев, глубоко убежденных в том, что людям требуется всерьез осознать главенствующую, революционизирующую роль истинного познания, которое повлекло бы за собой настоящий сдвиг всех осей в других областях. В наше время мелочами уже не обойтись.

Пока это остается только на уровне пожеланий: антропософии требуются энтузиасты, с воодушевлением проводящие ее в жизнь. Я недавно упоминал, что в стане тех, кто соврет и не дорого возьмет, уже рекламируется очередная сенсационная (раздувание скандалов они любят прикрывать словечком «сенсация») «разоблачительная» брошюра,

¹ Пастор Иоганнес Фройнмейер в своем сочинении «Теософское движение, его история, содержание и оценка» (Штутгарт, 1920) писал: «В настоящее время в Дорнахе возведена девятиметровая статуя Идеального человека — люцифероподобного сверху и звероподобного снизу».

В письме, написанном 23 января 1921 г., Фройнмейер сообщил Рудольфу Штайнеру, что, не перепроверив, почерпнул эти сведения из статьи пастора Нидкер-Рооса, который, не зная слова «ариманическое», ошибочно переделал его в «анималистическое», а редактор, в свою очередь, для пущей ясности иностранное слово «анималистическое» заменил на «звероподобное».

направленная против нас. Эта публика не дремлет. И все потому, что свои дурные наклонности она умеет обращать в энтузиазм: наши недруги лгут с энтузиазмом. И надо привыкнуть с таким же энтузиазмом защищать истину, иначе, друзья мои, нашу цивилизацию не ждет ничего хорошего!

Всматриваясь в сложившуюся в современном мире ситуацию, надо ясно сознавать, что следует со всей серьезностью искать обратный путь к Иерархиям, — в противовес ариманическому гнету. При этом важно вникать в подробности. Нередко обнаруживается, что какой-нибудь злонамеренный недоброжелатель возвещает о нас очередную гнусность, а наши приверженцы оправдывают его, говоря, что надо прощать человеческие слабости. В Антропософском обществе охотнее набрасываются на того, кто настаивает на истине, нежели на того, кто из-за своих дурных наклонностей готов любую истину втоптать в грязь. И пока в Антропософском обществе не переведется склонность сострадательного отношения ко лжи, нам не сдвинуться с места.

Надо без устали повторять, что ложь следует принимать за ложь, ибо ложь — это прибежище Аримана; и лгут по большей части из лучших побуждений, лгут сознательно и при этом с самой чистой совестью. Я приводил вам достаточно примеров (они охватывают даже область юриспруденции), а потому проверяйте факты, и вы обнаружите ариманическую изнанку так называемых добрых намерений, — ведь даже юриспруденция Ариману не преграда. К этому надо относиться со всей серьезностью. И если Антропософское обще-

Одиннадцатая лекция

ство намерено соответствовать тому, что оно провозглашает, ему необходимо проникнуться пламенной любовью к истине: такая любовь в наше время равнозначна стремлению к человеческому прогрессу. А все остальное пропитано злонамеренными силами деградации и толкает человечество только в эту сторону.

Говорю это не случайно: знаки времени настоятельно повелевают довести это до сведения каждого.

В представленном в книге цикле лекций Рудольф Штайнер рассказывает о принципах вальдорфской педагогики, основанной на представлении о человеке как единстве души, духа и тела. В этой связи автор подчеркивает важность личности учителя, формирующего душу ребенка. Он подробно останавливается на взаимосвязи души и тела и показывает, как то, что душа впитала в себя в детском возрасте, проявляется в теле взрослого человека в качестве здоровья или болезни.

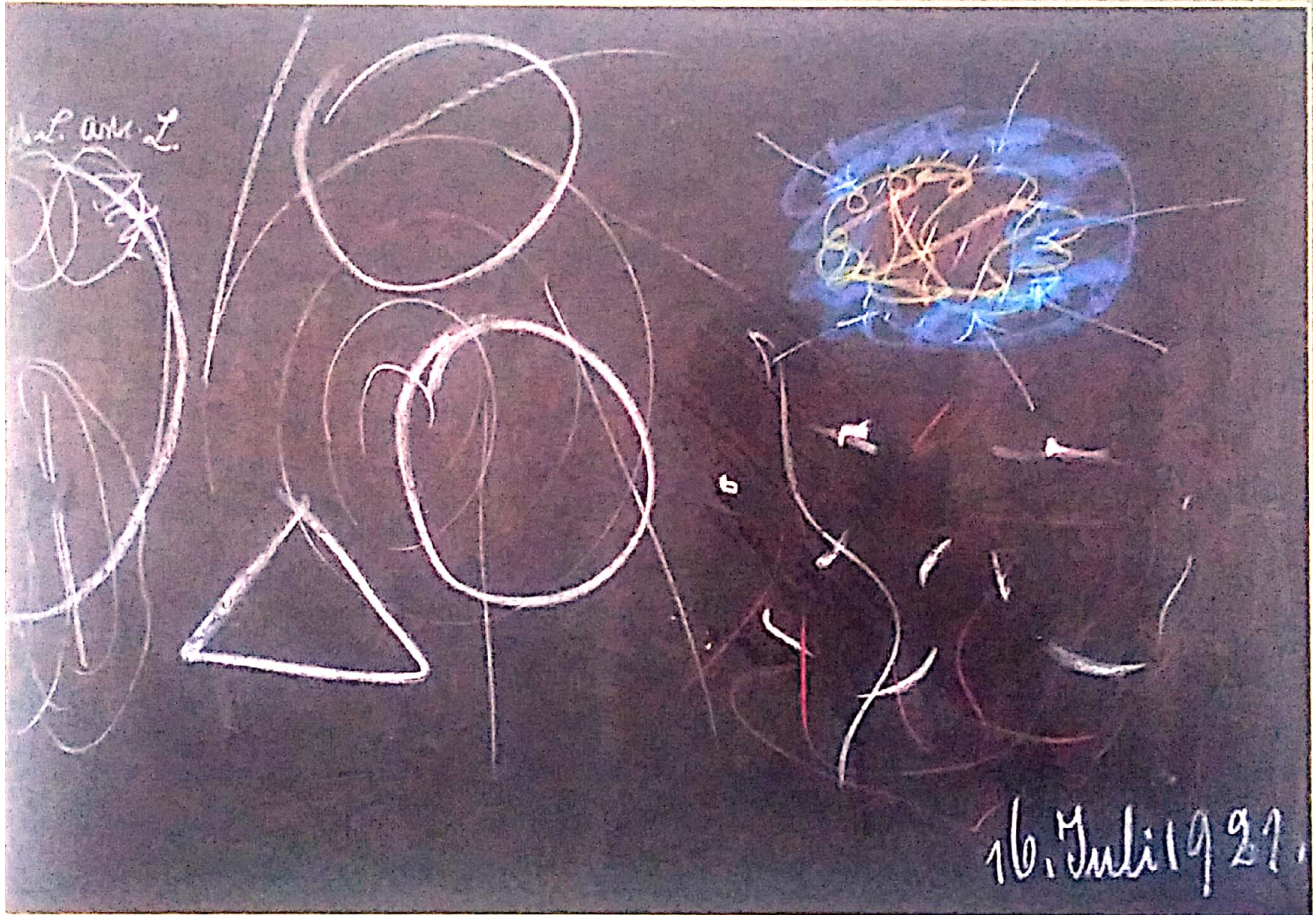
Педагоги найдут в этих лекциях важные практические рекомендации по планированию своей работы, правильному общению с учениками, обретению педагогического мастерства для достижения хороших результатов в обучении. Книга будет полезна и для родителей.

ISBN 978-9939-835-06-8

Человека с рождения до смерти надо рассматривать в качестве существа, наделенного способностью памяти и способностью любви. Тогда постепенно откроется и то, что живет в восприятии человека, и то, что живет в любви. Все это он пронесит с собой через врата смерти. Смысл нашего пребывания на Земле — в совершенствовании обеих этих способностей.

Рудольф Штайнер, 3 июля 1921 года

Надо трудиться над собственным существом... Усвоение духовных познаний — это не просто сбор абстрактной информации: они наделяют духовно-душевное существо человека силами, побеждающими уничтожение и смерть. По сути, это и есть христианское учение. Только надо не просто верить во Христа, а внутренне усваивать силу Христову; эта сила вечна и разлита повсюду, надо потрудиться ее приобрести. Люди должны преисполниться активностью: исключительно пассивная вера легко поведет к тому, что постепенно на Земле как раз и исчезнет бессмертие.

Рудольф Штайнер, 10 июля 1921 года

Ущербность нашей современной культуры больше всего проявляется в том, что наука пытается пробиться к духу в совершенно абстрактных, чисто интеллектуальных формах, тогда как духовное следует постигать в его креативном элементе, в противном случае материальный мир остается чем-то окосневшим и непроницаемым для духа.

Рудольф Штайнер, 26 июня 1921 года

